

ПРИРОДА
СОЗНАНИЯ
И ЗАКОНО-
МЕРНОСТИ
ЕГО
РАЗВИТИЯ

НОВОСИБИРСК, 1966

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СОВЕТ ПО КООРДИНАЦИИ И ПЛАНИРОВАНИЮ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ ПО ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ
ВУЗОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

ПРИРОДА СОЗНАНИЯ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЕГО РАЗВИТИЯ

МАТЕРИАЛЫ СИМПОЗИУМА

(Новосибирск, май 1965 г.)

НОВОСИБИРСК, 1966

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

БОРИСОВ В. Н., кандидат философских наук;
КОЧЕРГИН А. Н., кандидат философских наук;
РЫВКИНА Р. В., кандидат философских наук;
САДЫКОВ Ф. Б., кандидат философских наук.

ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ КАК КОМПЛЕКСНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Проблема сознания является комплексной проблемой, в решении которой принимает участие ряд научных дисциплин. Она является ведущей для философии и психологии. К решению этой проблемы непосредственное отношение имеют и некоторые разделы естествознания, среди которых прежде всего выделяется физиология высшей нервной деятельности. Большой интерес к проблеме сознания характерен для кибернетики. Причем эта проблема является одним из тех узлов, где наиболее отчетливо сходятся линии философии и естествознания. На этом стыке рельефно выделяются как общие аспекты проблемы сознания, те вопросы, без решения которых нельзя понять сущность сознания (вопрос о природе психического, проблема детерминации, вопрос о соотношении физиологических и психологических закономерностей и др.), так и специфические подходы конкретных научных дисциплин к изучению разных сторон комплексной проблемы сознания. Отдельные науки имеют как бы свою долю участия в разработке этой проблемы.

Философская характеристика сознания заключается в определении его самых существенных свойств и вместе с тем самых общих закономерностей возникновения и развития. Само понятие сознания в этом случае употребляется в самом широком смысле слова, как синоним духовного, психического вообще. По широте с ним может сравниться только понятие материи. Так оно применяется при формулировке основного вопроса философии, при раскрытии положения о вторичном характере сознания по отношению к материи как в онтологическом, так и в гносеологическом аспектах. Под сознанием понимается весь душевный мир человека от элементарных ощущений до высших побуждений и сложнейшей интеллектуальной деятельности и вся отражательная деятельность животных. Для философского понимания сознания самое важное заключается в выделении его существенной характеристики, как свойства высокоорганизованной материи, отражения действительности. Эта существенная характеристика является исходной для изучения сознания специальными науками. Вместе с тем она не исчерпывает всей полноты этого явления и недостаточна для понимания всех его сторон и особенностей. Эти особенности выступают в специфических связях и отношениях сознания, существенных для специального анализа и являющихся предметом изучения конкретных наук. Для философского анализа эти особенности могут не представлять интереса. Например, при конкретном естественно-научном и психологическом подходе к проблеме сознания возникает необходимость выделить особые формы психических явлений, отличить психическую деятельность человека от отражательной деятельности животных. Или, отношение сознания как высшей специфически человеческой формы отражения действительности к другим формам отражения интересует философию лишь настолько, насколько ей это

необходимо для раскрытия общих законов природы, общества и мышления. Подобно тому, как формулируя и развивая понятие материи, философия использует понятия и термины, которыми оперируют естественные науки при изучении конкретных видов материи и форм движения материи, она пользуется характеристикой разных форм психического, идеального для раскрытия понятия сознания в широком философском смысле.

Наряду с правильным разделением компетенции философии и конкретных наук и плодотворным сотрудничеством этих отраслей при изучении сознания можно иногда наблюдать смещение их задач и подмену понятий. Одним из распространенных заблуждений в этом отношении является расширительное толкование сознания. Оно проявилось особенно отчетливо в двух формах. Прежде всего, в необоснованном приписывании сознания высшим животным. В данном случае недостаточно учитывалось требование диалектического материализма — рассматривать все явления в развитии и выявлять особенности, обусловленные особенностями их возникновения. А в результате стирались качественные грани между отражательной деятельностью человека и животных. Далее, расширительное понимание сознания проявилось в отождествлении понятий сознания и психики применительно к душевной деятельности человека. Критическая направленность советской науки против идеалистической концепции психоанализа, сердцевиной которой является проблема бессознательного, без достаточных оснований сочеталась с фактическим отрицанием самого факта существования в отражательной деятельности человека неосознанных психических явлений.

Наряду с расширительным пониманием сознания, приводящим к недоучитыванию качественных особенностей различных форм отражения действительности, не менее распространенным является сужение понятия сознания, приводящее также к неточному пониманию этого явления. В философской литературе сознание часто сводится к познанию. Фактически сознание отождествляется с мышлением, а вся содержательная характеристика сознания сводится к раскрытию его логической структуры. К этой же категории неточных представлений о сознании относится недостаточно четкое понимание общего и особенно в сознании и самосознании, о соотношении этих явлений в человеческой психике. С указанными выше ошибками можно столкнуться не только в философской, но и в психологической литературе. Если такие неточности в философских работах могут быть если не оправданы, то во всяком случае понятны, поскольку, как указывалось выше, философия имеет дело с общими закономерностями возникновения и развития явлений, то наличие в психологии подобных взглядов отрицательно сказывается на решении проблемы по существу: развитие психологии без раскрытия специфических особенностей психических явлений невозможно.

В связи с этим задача психологии заключается в анализе отдельных форм психического отражения, в исследовании сознания как специфической человеческой формы связи субъекта с внешним миром, как высшей ступени отражения объективной действительности, в изучении места сознания в системе психических процессов, его структуры и функций в процессе жизни и деятельности человека.

Бесспорно, что для психологической характеристики сознания исходными являются общепсихологические принципы, применимые для понимания любой формы психического отражения, и естественнонаучная теория деятельности мозга — учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности.

Применяя эти принципы и раскрывая естественнонаучные механизмы сознания, психология рассматривает сознание как высшую, свойственную только человеку и связанную с речью функцию мозга, заклю-

чающуюся в обобщенном и абрагированном отражении действительности, в предварительном умственном построении действий и предвосхищении результатов деятельности, в самоконтроле и разумном регулировании поведения человека.

Для психологического подхода к сознанию характерно понимание его как процесса. Содержание этого процесса заключается в осознании человеком внешнего мира и самого себя. А что значит осознание? В результате взаимодействия с окружающей действительностью, в ходе общения с другими людьми в процессе онтогенетического развития человек отражает эту действительность, получает знания о ней. В отличие от животных, у которых эти знания сливаются с их жизнедеятельностью, человек отделяет знания от того, что в них отражается и от того, кто отражает. Это отделение возможно в связи с тем, что в языке объективируются результаты познавательной деятельности человека. Совокупность знаний об окружающем, полученных человеком непосредственно и в результате усвоения накопленного человечеством и закрепленного в языке, составляет необходимую предпосылку осознания объективной действительности и возникновения сознания как некоего специфического образования. Таким образом, знания составляют ядро сознания, его стержень. Эти знания в реальном процессе жизни и деятельности человека не только накапливаются, но и соотносятся друг с другом, с окружающим. В этом соотношении совокупности, системы объективированных в слове, более или менее обобщенных восприятием того, каким оно может быть. Психологическая задача в понимании сознания как раз и заключается в раскрытии закономерностей формирования этой системы, в анализе соотношения ее компонентов, и, главное, в соотношении с объективной действительностью, которая осознается человеком. Это осознание в реальном процессе жизнедеятельности человека осуществляется в форме ощущений, восприятий, представлений, понятий, суждений, умозаключений. Оно закрепляется в образах памяти. Механизм осознания объективной действительности сводится к раскрытию отношения психического явления к реальному факту, вызвавшему это явление. Ощущения человека не становятся фактом сознания до тех пор, пока не ясно, какой внешний объект вызвал это ощущение, пока человек не может ответить, чем вызвано его состояние, на что направлено его переживание. Констатация наличия ощущения, переживания еще не означает, что посредством их создается объективная действительность. Эту функцию психические явления выполняют лишь включаясь в систему накопленных знаний, приобретенного опыта, при соотношении с тем каким было взаимодействие человека с объективной действительностью.

Так понимая сознание, диалектико-материалистическая психология иначе чем идеалистическая психология решает вопрос о структуре сознания и месте сознания в системе психических процессов. Позиции идеалистической психологии по этому вопросу обусловлены пониманием сознания как имманентной внутренне присущей человеку сущности, противоположной по своей природе и психологической характеристике всем другим психическим процессам. Если ощущения, восприятия, представления могут быть поняты из соотношения субъекта и объекта, то явления сознания будто бы явствуют из самонаблюдения, непосредственно слиты с самосознанием личности и лишь внешним образом соотносятся с остальными психическими процессами. Выходит, что сознание как бы надстраивается как некое дополнительное образование над ощущениями, восприятиями, представлениями и т. д., оно есть нечто другое, чем эти психические явления. С точки зрения материалистической психологии сознание является новым качеством психических процессов, возникшим у человека в связи с возникновением общественно-организован-

ной деятельности людей, с их трудом. Сознание это не нечто стоящее над ощущениями и мышлением, а через них осуществляемое более высокое, осмысленное отражение действительности.

Осмысленность как новое качество психических процессов, характерное для сознания, возникает только у человека. Но и в человеческой психике не все сознательно. Понятие психической деятельности и сознания не тождественны, они не покрывают друг друга. Возникновение сознания с точки зрения гносеологической можно характеризовать возникновением образа, как отражения объективного содержания предмета. Не всякое внешнее воздействие воспринимается человеком как воздействие предмета. Эти воздействия могут вызвать реакцию организма, воспринимаясь им лишь как сигналы. Отражение этих сигналов может осуществиться на уровне психическом, не достигшем уровня сознания. Этот уровень для животных является наивысшим. для человека он — лишь исходная ступень отражения, высшей формой которого является сознание. Для сознания характерно — обобщенность отражения и объективирование этого отражения в речевой форме, в словах, обозначающих предмет, существующий вне человека. И лишь осознавая объективную действительность, ее предметное содержание, человек начинает осознавать свои психические процессы и явления, соотнося их с этим содержанием. В этом соотношении психических явлений с внешним миром раскрывается и структура самого сознания. И в самом деле, исчерпывается ли психологическая характеристика сознания раскрытием его отражательной функции, познавательного содержания?

Познает объективную действительность не какая-то абстрактная личность, а определенный живой конкретный человек. А этот человек не только познает, но и чувствует и действует. Психические явления принадлежат определенному субъекту, им переживаются. Эта принадлежность психических явлений определенной личности определяет субъективную сторону в отражательной деятельности человека. Сознание это не только знание, но и переживание.

В литературе, особенно философской, часто имеет место отождествление, если не в формулировках, то по существу, по смыслу, сознания с познавательными процессами вообще, с мышлением в особенности. Причем мышление в ряде случаев рассматривается как процесс познания в его чистом виде, не обремененным ничем личностным, абстрагированным от всякого переживания, от любой эмоции. Это абстрагирование в известной степени может быть оправдано лишь дидактическими и методическими целями, но не существом дела, не целями научного анализа.

В действительности объективное содержание сознания, полученное в ходе познавательной деятельности человека, существует для него как принадлежащее лишь ему отражение внешнего мира, как только его переживание. В идеалистической психологии анализ психического обычно начинался с характеристики переживаний субъекта. При этом подчеркивалось, что данность психического субъекта является существеннейшей и единственной особенностью сознания. На переживании этот анализ обычно и заканчивался. Выходило, что сознание никогда не имеет начала, ибо оно дано субъекту изначально как таковое. Познать его по внешним проявлениям будто бы невозможно, оно может быть познано только изнутри, путем интроспекции. Круг оказывался замкнутым.

Интеллектуалистические теории сознания пытались выйти из этого круга, но им не удавалось разрешить реально существующего противоречия раскрыть действительные связи познания и сознания, познания и переживания внутри сознания. Анализируя сознание, представители интеллектуалистической концепции просто сбрасывали со счетов эмоциональный фон, на котором разворачивается познавательная деятель-

ность, а оперировали процессами и продуктами чистой мысли. Идеализм и этими концепциями не преодолевался, он только смешался из одной области в другую. Выход из тупика в решении вопроса в соотношении знания и переживания состоял не в том, чтобы каким-то образом уравновесить в сознании знание и переживание, а в том, чтобы понять реальную роль переживания в познании — охарактеризовать индивидуальную, личностную сторону познания.

Переживание как и знание составляет одну из сторон сознания. Указывая на то, что знания и переживания являются сторонами сознания, мы несколько огрубляем реальные отношения, в которых существуют эти явления. Реальный смысл этой характеристики состоит в подчеркивании положения, что знание и переживание неразрывно связаны между собой, взаимно проникают друг в друга, постоянно взаимодействуют между собой. У реально познающего и действующего человека нет только знаний, как нет переживаний. Объективное содержание психического процесса, характерное для знания, оценивается, соотносится с индивидуальным опытом человека, с контекстом всей его жизни. В этом соотношении, постоянной оценке вскрывается истинное значение процессов и явлений внешнего мира для человека. Этим в известной степени объясняется роль сознания в жизнедеятельности человека.

Путем раскрытия отношения психического явления к причине его вызвавшей, само переживание становится фактом сознания. Вне раскрытия этой связи, этого отношения переживание может существовать, но остается неосознанным. Раскрытие объективного предмета переживания означает вместе с тем осознание и самого переживания.

Термин переживание в обыденной жизни и психологической литературе употребляется в более узком смысле, чем то, в котором он употреблялся в данном случае при обсуждении проблемы соотношения знания и переживания в процессе сознательного отражения действительности. Переживанием считают не любое психическое явление, а особо важное в индивидуальной жизни человека явление, отчетливо влияющее на ход событий его жизни. И относятся эти психические явления по традиционной классификации к эмоциональным процессам. Но и в том, и в другом случае остается верным то, что переживается человеком любой психический процесс, любое психическое явление и осознание человеком этого переживания связано с включением в психический процесс знания как отражения того важнейшего воздействия, которое переживается человеком.

Жизненный смысл сознания, историческая необходимость его возникновения могут быть поняты, если рассматривать сознание в связи с реальным поведением, деятельностью человека.

Общеметодологическая проблема соотношения сознания и деятельности представлена в истории психологии многими аспектами. К ее решению подошли с разных сторон, рассматривали и в общем виде, пытались к общему решению подойти и путем решения частных вопросов. Так, например, было при постановке проблемы отношения ощущения как элементарного психического явления и движения как элемента деятельности. Многие идеалисты, разрывая деятельность и сознание, начинали именно с этого звена. Вывод, к которому приходили сторонники взглядов о том, что между сознанием и деятельностью не существует никаких связей, вытекал из утверждения непознаваемости психики, замкнутости сознания в себе самом, данности его лишь познающему субъекту. Исходя из факта, что явления движения и сознания не тождественны между собой, идеалисты приходят к утверждению, что различие между сознанием и деятельностью так глубоко, что его нужно возвести в принцип: абсолютно разорвать сознание и деятельность. Положение о том, что сознание и деятельность не связаны друг с другом

подкреплялось будто бы тем фактом, что движение иногда не сопровождается осознанием двигательных актов, а мыслительная деятельность не всегда завершается двигательной активностью. Сознание рассматривается как явление прибавочное к движению и не зависимое от него. Афферентная и эфферентная деятельности метафизически разрываются.

В более широком плане проблема сознания и деятельности рассматривается как проблема соотношения сознания и поведения. Интроспективная психология, замыкая сознание в кругу его явлений, по существу являлась психологией чистого сознания. Проблема связи сознания и деятельности интроспективной психологией не разрешалась, она просто не стояла как научная проблема. Проблему соотношения сознания и деятельности не разрешал и бихевиоризм, который, выступая против идеализма интроспективной психологии, оставлял для анализа лишь внешнее поведение индивида. Связанные в действительности явления сознания и деятельности оказывались как бы на разных полюсах, становясь предметом разных по своим исходным позициям направлений психологии. Остающееся на одном полюсе сознание превращалось в пассивную созерцательность, как бездейственное, изначально человеку присущее внутреннее состояние. Как бы на другом полюсе оказывалась бессознательная деятельность. Преодоление этого разрыва оказалось возможным не путем внешнего сопоставления сознания и деятельности, внешнего сочетания идеалистически понимаемых явлений, а путем изучения как того, так и другого, как форм реального взаимодействия человека с объективной действительностью. Выход из тупика, в котором по существу оказались интроспективная психология и бихевиоризм, состоял в том, чтобы психику в целом рассматривать как отражение внешнего мира конкретным живым, действующим в определенных ситуациях человеком. Сознание выступает как регулятор поведения человека.

В решении своих специфических задач относительно связи сознания и деятельности научная психология опирается на диалектико-материалистическое учение о единстве теории и практики. Общефилософская концепция о связи теории с практикой, труда с жизнью, опирается кроме того и на материал, полученный при изучении роли труда в становлении человеческого мышления. Практика служит основой познания. Это положение подтверждается как изучением процессов исторического развития научного познания, так и анализом процесса познания, осуществляемого отдельным человеком.

Диалектический материализм преодолел идеалистическое представление о том, что если люди поступают сознательно, если их мысль и воля предшествуют действию, опережают его, то это якобы служит свидетельством того, что сознание первично по отношению к материальной деятельности, к практике. Подчеркивая единство теории и практики, диалектический материализм утверждает, что мысли людей являются ответом на запросы практики, что образ жизни людей определяет образ их мыслей. При этом марксистская философия не отвергает активности разума, а, указывая на эту активность, анализирует материальный источник ее возникновения.

Общие положения диалектического материализма о связи теории с практикой служат основой для постановки и психологической разработки вопросов, связанных с проблемой соотношения сознания и деятельности.

Неразрывную связь сознания и деятельности психология видит уже в неразрывной связи ощущения и движения. При этом она опирается на данные естествознания, исходит из положения о рефлекторной природе любого психического процесса, психического явления. И эта связь прослеживается на всех уровнях активности человека от движения до поступка и на всех уровнях отражения — от чувствительности до созна-

ния. Между сознанием и деятельностью существует не однопорядковая связь, а взаимодействие, и как всякое взаимодействие оно двусторонне, оно требует участия обеих сторон и накладывает отпечаток на взаимодействующие стороны, компоненты.

Проявлением этой двусторонней связи, взаимодействия является влияние сознания на деятельность.

Специфическая особенность жизнедеятельности человека состоит в том, что он трудится. Возникнув на основе труда и формируясь в процессе жизнедеятельности человека, сознание выступает как регулятор человеческой деятельности. Сама деятельность приобретает сознательный, целенаправленный характер. В целенаправленности действий человека и обнаруживается прежде всего специфическая роль сознательного отражения действительности. Производя в процессе труда предметы, служащие для удовлетворения своих потребностей и потребностей общества, человек в виде представления или идеи имеет в уме возможный результат своей деятельности. Человек действует не только соотносясь с реальными условиями своей деятельности, но и осуществляет тот внутренний мысленный план, который предшествует выполнению конкретных действий.

Только высшая форма отражения действительности — сознание дает человеку возможность подчинить свои действия возникающим в его голове представлениям и понятиям, а также действовать «в уме». Этим и определяется та специфическая роль, которую играет сознание в деятельности человека.

Таким образом, сознательное отражение окружающей среды и связей человека с этой средой является весьма активным фактором в осуществлении деятельности человека, направленной на изменение окружающей среды. Тот факт, что сознание является отражением, не означает того, что сознание не выполняет активной роли в жизни человека. Сознание является прежде всего продуктом общественной жизнедеятельности, человеческой практики. Будучи отражением действительности, оно играет важную роль в регулировании самой деятельности. Сознание выступает как средство, направляющее деятельность на достижение определенных целей. Жизненный смысл сознания как раз и проявляется в том, что на базе отражения действительности сознание регулирует сложнейшие общественные отношения и отношение человеческого общества с этой действительностью. Только этим оправдано возникновение сознания в процессе исторического развития человечества.

Регулирующая роль сознания проявляется прежде всего в волевых процессах человека. Но этим активная роль сознания не ограничивается. В своем активном взаимодействии с действительностью человек эмоционально воспринимает внешний мир. В идеалистической психологии подобно тому как активность волевых процессов истолковывалась как проявление активности духовного начала, так и возникновение эмоций считалось проявлением внутренней активности сознания.

Человек в ходе деятельности, подвергаясь воздействиям предметов и явлений объективной действительности, занимая определенную позицию по отношению к ним, эмоционально их переживает. Эмоциональное отношение человека к внешнему миру в свою очередь может стать стимулом для его деятельности. Эмоции в известном смысле индивидуализируют всю сознательную деятельность человека.

Взаимоотношения сознания в деятельности человека имеют и другую сторону: деятельность оказывает влияние на формирование сознания. В марксистской психологии преодолен тот недостаток теоретической мысли, на который указывал Ф. Энгельс, когда он писал: «Как естествознание, так и философия до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление. Они знают, с

одной стороны, только природу, а с другой — только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз изменение природы человеком, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу»¹. Все психические процессы человека всегда протекают в какой-нибудь деятельности. Это относится как к познавательным, так и к эмоциональным процессам. Человек всегда так или иначе действует, и в ходе своей деятельности он познает действительность, у него возникают определенные эмоции.

Подчеркивая связь сознания и деятельности, указывая на то, что сознание и деятельность как теория и практика постоянно связаны друг с другом, взаимно проникают друг в друга, марксистская психология не отождествляет их между собой. Связь между сознанием и деятельностью может быть то более, то менее тесной, и определяется это всякий раз конкретными условиями, всем ходом жизнедеятельности человека.

Представления о связи сознания с деятельностью не означают того, что судя о внутреннем мире по характеру его внешних проявлений, можно всю психическую деятельность свести к высшим реакциям человека. Психология не уничтожает внутреннего мира человека, она только отводит подобающее ему место. Сознание и деятельность, с этой точки зрения, представляются сторонами реального взаимоотношения человека с объективной действительностью.

Лишь рассмотрение связей сознания с деятельностью помогло увидеть действительное место сознания в системе психических явлений и более содержательно понять его сущность.

Вопрос о соотношении сознания и деятельности является в известной степени производным от вопроса о соотношении сознания и внешнего мира. Исходным для марксистской психологии является характеристика сознания как высшей, присущей лишь человеку формы отражения действительности. Но понимание сущности сознания было бы не достаточным, если бы не указывалось на обратную связь сознания и внешнего мира, а сами явления сознания не рассматривались как звено во всеобщей связи явлений действительности. Пониманию сознания как пассивно-зеркального отражения действительности диалектический материализм противопоставляет представление об активном характере связей человека с внешним миром, о действенной роли сознания. Сознание, подчеркивал В. И. Ленин, не только отражает мир, но и творит его. Своеобразие отношений человека и природы заключается в том, что изменения внешнего мира человеком осуществляются по заранее намеченным планам, в связи с сознательно поставленной целью. Чем более люди «отделяются от животных, — писал Энгельс, — тем более их воздействие принимает характер преднамеренных, планомерных действий, направленных на достижение определенных заранее намеченных целей»². Сознание при этом выступает в известной степени причиной изменений, производимых человеком во внешнем мире. И именно диалектический материализм позволяет правильно уяснить характер реальных взаимоотношений сознания и внешнего мира. Сложной системе объективных взаимодействий, включающей материальные предметы и явления и формы общественного бытия и сознания, противостоит не голая, абстрактная отражательная способность, чистая субъективность, идеальная, а реальный общественный человек, обладающий определенным психическим складом, имеющий определенную физическую организацию. Сознание является регулятором деятельности человека в определенных общественно-исто-

¹ Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 183.

² Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 130.

рических условиях, как субъекта, познающего и преобразующего мир. Эту роль сознание может выполнить потому, что оно само является отражением действительности, пересаженным в человеческую голову преобразованным бытием.

Сознание, возникнув с исторической необходимостью в процессе исторического развития материи, становится регулятором и собственной жизнедеятельности человека. И. П. Павлов отмечал, что человек представляет собой в высшей степени саморегулирующуюся систему. Не бессознательная мистическая сила фрейдистов, а сознание как высшая форма отражения человеком действительности, является специфическим для человека регулятором его поведения. В этом отношении большая роль придается не только воспитанию, но и самовоспитанию человека. Он не только зависит в своем поведении от внешних обстоятельств, но и ответственен за свое поведение. Его поведение не только подчиняется объективной необходимости, но в известной степени оно и свободно.

Процесс все углубляющегося проникновения человека в тайны природы, процесс познания и овладения объективными законами общественного развития есть вместе с тем процесс осуществления свободы человека. Диалектический материализм рассматривает свободу не как абстрактную возможность человека стать над действительностью и диктовать ей законы, а как действительное овладение реальным человеком реальными обстоятельствами. Невиданное в истории покорение сил природы, сознательное использование объективных законов общественного развития в эпоху социализма и при переходе от социализма к коммунизму — коренные условия резкого повышения свободной творческой отношения человека к действительности. При социализме человек, освобожденный от эксплуатации, получает безграничную возможность познания объективных законов и максимального их использования в своей планомерной целесообразной деятельности. При увеличении свободы человека при социализме его сознание не перестает быть отражением действительности, существующей вне и независимо от человека.

В итоге можно сказать, что характерным для сознания является то, что оно есть отражение действительности. Оно характеризуется активным отношением человека к внешнему миру, к самому себе, к своим поступкам и действиям, в деятельности, направленной на достижение заранее поставленных целей. Сознание является способностью человека понимать окружающий мир, процессы, происходящие в нем, свои мысли и действия и свое отношение к миру и самому себе. Сознание человека формируется и проявляется в его поступках и действиях, в отношении к отдельным людям, к обществу в целом.

В философском и психологическом понимании сознания существенное значение имеет трактовка самосознания. Значение этого вопроса обусловлено как теоретической важностью, так и практической необходимостью. Что такое самосознание и что дает раскрытие его сущности для раскрытия путей формирования осознания человеком самого себя как субъекта, познающего и преобразующего мир, как гражданина? Отправляясь от общефилософской характеристики сознания, самосознание можно психологически характеризовать как вид сознания. Видовая его специфика обусловлена особенностями отраженного в самосознании объекта. Таким объектом для самосознания является сам человек, субъект. Общим для самосознания и сознания является их общественная сущность, отражательная природа, рефлекторные механизмы формирования. В исследовании самосознания применяются те же методологические принципы, которые дали плодотворные результаты в философском и психологическом анализе сознания: диалектико-материалистический принцип детерминизма, принцип развития, принцип историзма и принцип единства сознания и деятельности.

Самосознание, особенно закономерности формирования нравственно-го самосознания личности, является предметом комплексного исследования, в котором большая доля принадлежит общественным наукам. Другой такой проблемой, возникающей на стыке психологии и общественных наук, является взаимодействие индивидуального и общественного сознания. Общественное сознание состоит из идеологии и общественной психологии. Уже в самой структуре общественного сознания общественная психология является предметом психологической науки, специальной ее области. Предметом психологии является, разумеется, и индивидуальное сознание. И хотя для общей психологии проблема сознания выступает прежде всего как проблема индивидуального сознания, но вопрос о взаимодействии индивидуального и общественного сознания является объектом и психологического исследования. Для психологического анализа этот вопрос выступает как вопрос о факторах формирования индивидуального сознания, как вопрос о влиянии идеологии на психологию.

Большая доля в комплексном исследовании проблемы сознания принадлежит естественным наукам, а среди них прежде всего физиологии высшей нервной деятельности.

В естествознании проблема сознания представлена несколькими аспектами. Сквозной в течение многих лет является проблема локализации сознания. Спор между представителями узкого локализационизма и эквипотенциализма в настоящее время продолжается. Для обоснования точек зрения в новых условиях привлекаются новейшие данные естествознания, выдвигаются и оспариваются специальные теории (теория центр-энцефалической системы, представления о роли звездчатых клеток в психической деятельности и т. д.). Решение вопроса о локализации сознания тесно связано с тем или иным представлением о механизме деятельности нервной системы, о физиологических механизмах возникновения психического вообще, сознания, в частности. В последние годы в этой области сделаны существенные успехи. Уточнились представления о структуре рефлекса как единице физиологической и психической деятельности. Многие становятся понятными в физиологической деятельности думающего мозга. Однако вопрос о физиологической картине сознательного отражения действительности еще далек от разрешения. Так, недостаточно выясненной является нейрофизиологическая основа сознания. Если до последнего времени ведутся споры по поводу того, каков нейрофизиологический механизм самых простых психических явлений, то к раскрытию физиологических основ сложных форм сознательных психических процессов современная наука по существу только приступает. Здесь дело не редко сводится к постулированию некоторых общих положений, смысл которых заключается в констатировании общих основ высшей нервной деятельности животных и человека. Это бесспорно: общие закономерности высшей нервной деятельности, открытые И. П. Павловым и его школой при изучении поведения животных являются закономерностями высшей нервной деятельности и человека. Бессмертная заслуга И. П. Павлова заключается в том, что он наряду с этим сформулировал положения о наличии у человека специфических особенностей высшей нервной деятельности, обусловленных специфическими условиями его существования. Концепция И. П. Павлова о двух сигнальных системах впоследствии наполнилась определенным конкретным содержанием.

К сожалению, те усилия, которые вкладываются в изучение специфических особенностей высшей нервной деятельности человека, далеко не соответствуют теоретической и практической важности задач, встающих в связи с этим перед исследователями.

Проблема специфических особенностей нервной деятельности цело-

веческого мозга встает на новом уровне в связи с прогрессом экспериментального изучения строения и функций мозга.

Между тем в экспериментально-физиологическом изучении сигнальных систем особенно заметного продвижения нет.

До сих пор не решенным полностью остается вопрос о морфологической обеспеченности, о специфике структуры человеческого мозга, лежащих в основе специфической его функции. До последнего времени еще продолжает обсуждаться вопрос о том, имеет ли вторая сигнальная система только ей свойственные мозговые структуры или ее деятельность обеспечивается частями мозга, являющимися одновременно и структурой нервосигнальной функции.

Таким образом, учение о высшей нервной деятельности является основой, отправным пунктом, а концепция о сигнальных системах руководством в характеристике специфических закономерностей высшей нервной деятельности человека, а следовательно и его сознания. Но крайне необходимо дальнейшая и интенсивная физиологическая работа в этом направлении.

Такого же всестороннего физиологического раскрытия требуют некоторые интересные представления, приближающие ученых к осмыслению естественнонаучных основ сознания (концепция П. К. Анохина об акцепторе действия; представления Н. А. Бернштейна о формировании задачи, цели действия и т. д.).

Если говорить в самом общем виде о естественнонаучном аспекте проблемы сознания, то можно сделать вывод, что к настоящему времени отдельные стороны проблемы сознания раскрыты, проанализированы, целиком же картину природных основ сознания еще предстоит создать.

При плодотворности специфического подхода к проблеме сознания философии, психологии и естественных наук, при употреблении ими своих методов исследования всестороннее изучение сознания — этого сложнейшего явления представит собой результат именно комплексного исследования ряда наук, при использовании самых новейших приемов и методов.

О МАТЕРИАЛЬНОЙ ОСНОВЕ ОТРАЖАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ СОЗНАНИЯ

Будучи свойством особым образом организованной материи — мозга человека, сознание одновременно является общественным продуктом. Марксизмом впервые установлено, что ведущая роль в процессе возникновения и дальнейшего развития сознания принадлежит труду, материальному общественному производству. Практическая деятельность, труд не только генетически предшествует, но и с необходимостью определяет своим содержанием содержание сознания. Говоря словами Ф. Энгельса, труд создал самого человека. Но труд с самого начала, по самой своей природе не мог не иметь коллективного, общественного характера. Сознание не может возникнуть на основе безусловных рефлексов животного, оно существует как высшая условно-рефлекторная деятельность центральной нервной системы общественного человека.

Возникновение труда как целенаправленной деятельности связано с достижением предком человека в процессе биологического развития такого уровня, на котором стал возможен переход от пассивного приспособления организма к окружающей среде, к активному взаимодействию со средой, к изменению самой среды — к труду, чем была создана предпосылка для перехода человека от биологических к социальным формам связи со средой.

Тот факт, что мышление человека связано с деятельностью его мозга, был известен науке в той или иной форме задолго до появления учения К. Маркса об общественной природе мышления и сознания. Эти материалистические в своей основе представления домарксовского материализма были скорее неполными, чем неверными. Поэтому мы говорим, что марксистская философия учением о социальной природе сознания существенно дополняет эти взгляды, не отвергая в то же время их в главном, т. е. в том, что сознание есть свойство мозга человека.

«...Наше сознание и мышление, — по словам Ф. Энгельса, — каким бы сверхчувственным оно ни казалось, является продуктом вещественного, телесного органа, мозга»¹. По определению К. Маркса, «...идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»². Причем, под «пересаживанием» Маркс понимал процесс отражения материальных общественных и природных связей, материи в голове человека. Отсюда совершенно ясно, что сознание человека есть не изолированная, чисто внутренняя способность мозга «производить» идеальное, поскольку оно имеет отражательную природу, но такое его свойство, которое может существовать лишь в качестве продукта (отражения) другого материального процесса — общественной трудовой деятельности. Таким образом, материалистическое

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. 11, стр. 353.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 21.

понимание общественно-исторических закономерностей позволило расширить и углубить представление и о самой материальной основе сознания. Для нас сейчас материальность основы сознания — это не только материальность физиологических процессов коры больших полушарий головного мозга человека, лежащих в основании его психики, но также и материальность отражаемых ими социальных форм движения, т. е. материальность в историческом понимании. Однако социальная и физиологическая основа неотрывны друг от друга и существуют как единая материальная основа сознания. Каждая из них сама по себе есть только необходимое условие, но лишь в единстве друг с другом они образуют то достаточное основание, на котором возникает и существует сознание. Это и означает, что общество без людей, а человека вне общества быть не может.

В той степени, в какой внутренняя, мыслительная деятельность и внешняя, практическая связаны между собой, неспособность животного трудиться означает одновременно непригодность его нервной системы к отражению социальных форм связей. И, наоборот, потенциальная способность человека мыслить не существует отдельно от способности трудиться. Эти две стороны человеческих способностей настолько тесно взаимосвязаны, что также не существуют отдельно. Поэтому животные, даже наиболее высокоорганизованные, в такой же степени лишены возможности трудиться из-за незрелости конечностей (рук), в какой они лишены способности мыслить и сознавать себя в связи с недостаточным развитием мозга. Энгельс писал, например, что человеческий мозг, «при всем своем сходстве с обезьяньим, далеко превосходит его по величине и совершенству»¹.

Находясь в обществе и даже участвуя по воле человека в трудовом общественном производстве, животные, тем не менее, всегда остаются животными. С другой стороны, человек, наделенный способностью трудиться и мыслить, но лишенный с самого начала контакта с обществом, не мыслит и не осознает себя и в этом смысле остается на уровне животного.

Существуя как различные стороны деятельной способности человека, а именно, как деятельность внутренняя и внешняя, мышление и труд находятся в то же время в единстве. По мнению Леонтьева А. Н., внешняя, практическая и умственная деятельности «могут входить в одну и ту же, единую деятельность в обеих своих формах — и внешней, и внутренней»². Не следует, однако, забывать, что труд и мышление — это две качественно различные формы деятельности человека, которые в такой же степени едины как и противоположны. Было бы ошибкой, к примеру, представлять дело так, будто сознание возможно в каждом отдельном случае лишь там, где имеются орудийная деятельность, физический труд. В классовом обществе как раз, наоборот, существует социальное разделение между трудом физическим и умственным, хотя здесь мы и должны сказать, что без умственного труда невозможен вообще никакой труд.

Таким образом, в силу единства внутреннего с внешним, под трудом в широком смысле слова мы можем понимать уже не одну только внешнюю, предметную деятельность, а также и внутреннюю, умственную. Но если мышление может выступать в роли труда, то это не означает, что всякий труд и есть уже мышление. Внешняя, практическая деятельность всегда качественно отличается от умственной и потому не может быть названа мышлением, хотя и не существует, как говорилось, без связи с ним. Между этими двумя понятиями при одновременном наличии моментов единства и противоположности всегда существует качественное раз-

Ф. Энгельс. Диалектика природы, 1955, стр. 135.

А. Леонтьев. Мышление. Философская энциклопедия, т. 111, стр. 518.

личие. Непонимание или непризнание такого различия может привести, как мы увидим ниже, к совершенно неожиданным выводам о природе сознания.

Попробуем сначала уточнить существо понятия «сознание». В этом есть определенная необходимость, поскольку случается, что, пытаясь определить его, невольно ставят задачу таким образом, что так или иначе подразумевается его субстанциональность в картезианском духе. Сознание рассматривается онтологически как порождаемая деятельностью нематериальная, непротяженная субстанция (идеальное), представленная нам в виде «того, чего нет и вместе с тем — есть», или в форме «бытия, которое, однако, равно небытию»¹ и т. д. Любые попытки представить сознание таким образом неизбежно ведут к тупику, превращая сознание из свойства материи в некую загадку бытия с мистическим оттенком или без него. Часто подобная позиция совещается с материалистическим мировоззрением. К примеру, признание вторичности идеальных форм по отношению к материальным служит даже аргументом в пользу принципиальной возможности создания мыслящих машин на основе электронно-вычислительной техники. В самом деле, говорят нам, если сознание (идеальное) есть продукт мозга, то почему оно не может быть продуктом кибернетической машины, которая по большинству рабочих параметров даже превосходит мозг? Пожалуй, самое удивительное (хотя и столь же закономерное) состоит в том, что в данном пункте указанная точка зрения по сути дела совпадает с противоположной ей, отрицающей полезность рассмотрения физиологического механизма мыслительных процессов только на том основании, что главным фактором, определяющим реальное содержание сознания, является внешняя по отношению к мыслящему индивиду практическая деятельность, имеющая к тому же общественный характер. Действительно, если единственное, что нужно для возникновения сознания, имеется во внешней деятельности, то достаточно лишь смоделировать ее в «электронном мозге» и сознание должно возникнуть само собой. Разница между двумя точками зрения здесь лишь в том, что одна из них заранее предполагает, что ей известен до конца весь физиологический механизм мышления, другая — что он и не обязательно должен интересоваться нас, поскольку для понимания (по крайней мере — философского) сущности сознания значения не имеет². Обе эти позиции в равной степени отличает скептическое отношение к физиологическим законам и биологической форме движения материи, как лежащей в основании сознания наряду с социальными формами. Но ни в философском, ни в естественнонаучном плане мы не можем утверждать, что с открытием социальной природы сознания сама проблема может считаться полностью и во всех отношениях решенной. Это тем более верно, что и в социальной плоскости существует немало нерешенных вопросов, связанных с конкретным проявлением положения Маркса о том, что бытие общества определяет его сознание. Ясно, что такие вопросы должны решаться дедуктивно, исходя из общего методологического положения философии марксизма о соотношении бытия и сознания.

Вернемся еще раз к определению Марксом идеального как «материального, пересаженного в человеческую голову и преобразованного в ней». Сказано довольно определенно. Между тем предпринимаются попытки истолковать Маркса таким образом, когда под идеальным понимаются уже формы внешней деятельности, а сама эта деятельность представляется как некое «духовное производство». В упомянутой работе Э. В. Ильенкова мы читаем: «...идеальное как общественно-определен-

¹ Философская энциклопедия, т. 11, стр. 222.

² Э. Ильенков. Философская энциклопедия, т. 11.

ная форма деятельности человека, создающей предмет определенной формы, рождается и существует не «в голове», а с помощью головы в реальной предметной деятельности человека...»¹.

Бесспорно, внутренняя — мыслительная и внешняя — практическая деятельности человека находятся в тесной взаимосвязи, но эта связь отражательная, при которой всегда сохраняется качественное различие отражаемого и отраженного. Как отмечает Н. П. Антонов, стирать это различие, значит снимать тем самым проблему отражения². Поэтому, в действительности все обстоит как раз наоборот: идеальное существует не с помощью головы во внешней деятельности, а в голове с помощью этой деятельности, т. е. субъективно.

Социальные формы деятельности и связи, определяющие содержание сознания индивида существуют для него как внешние и материальные, но в той степени, в какой они определяют его сознание, они должны стать, по выражению Гегеля, его «собственным и внутренним», т. е. идеальным. Но таковыми они становятся не иначе как в связи с деятельностью коры больших полушарий головного мозга человека, т. е. на физиологической основе. Причем, никакого отождествления, «слияния» объективно существующего предмета с его идеальным образом при этом не происходит. Ведь и по своему содержанию идеальное не совпадает с материальным, хотя мы и знаем, что содержанием идеального может быть только материальное. Поэтому уточним: идеальное отражает лишь те стороны и те объективные связи, которые заранее содержатся в формах материальной производственной деятельности общества или в формах определяемых ею, но отнюдь не являются самой этой деятельностью. Любые попытки свести идеальное к материальному, растворить его в материальном не могут не носить вульгарно-материалистического оттенка, независимо от того, где это материальное берется — в структурах мозга или в материальной деятельности. Верно только то, что сознание связано с определенными формами движения материи, но его нельзя отождествлять ни с движением ни с материей, как нельзя и отделять от материи, превращая тем самым в особую субстанцию. Если мы говорим, что сознание неотрывно от материи вообще, то его тем более нельзя отделить от движения материи, как способа существования всех ее форм. Поскольку сознание не тождественно самой материи, постольку оно не есть и какая-либо форма ее движения. Сознание существует лишь как свойство особого рода движения, но не как само движение, оно имеет содержание, отличное от содержания того движения, функцией которого непосредственно является (физиологических процессов коры головного мозга). Другими словами, содержание сознания человека объективно. Бесполезно, поэтому, искать в отражении материальные структуры, сходные с отражаемыми, их нет даже в простейших случаях отражения.

Важно также и то, функцией и свойством чего объявляется непосредственно сознание, с какими структурами непосредственно связывается. «Психическое, сознание и т. д., — писал В. И. Ленин, — есть высший продукт материи (т. е. физического), есть функция того особенно сложного куска материи, который называется мозгом человека»³. Мозг — орган мышления и сознания и было бы ошибкой, устанавливая необходимую связь его деятельности с деятельностью организма человека как целого и обнаруживая, далее, социальную сущность человека, обусловленность его сознания обществом, стирать качественные различия между понятиями, обозначающими деятельность мозга, человека в целом и общества. Все другие процессы, имеющие место в организме человека и в

Философская энциклопедия, т. 11, стр. 221.

² См. Н. П. Антонов. К вопросу о природе психического. «Философские науки», 1965, № 4, стр. 83.

³ В. И. Ленин. Соч., 18, стр. 239.

обществе, какую бы тесную связь с мышлением они не имели, не есть собственные отражательные процессы мозга, и потому не есть мышление. Идя противоположным этому путем, т. е. отождествляя различные качества на том основании, что между ними существует актуальная связь, мы в конце концов могли бы отождествить что угодно, ибо все явления материального мира взаимосвязаны и взаимообусловлены и нет других границ между ними, кроме границ качественных.

В попытках исчерпать проблему сознания анализом лишь его социального содержания угадывается, вместе с тем, стремление приуменьшить или вообще поставить под сомнение участие биологической формы движения материи в «производстве» идеального. Логика рассуждений примерно такова: сознание не наследуется вместе с биологическими признаками и безусловными рефлексам, оно возникает только в обществе и, следовательно, принадлежит, прежде всего, обществу. Действительно, сознание и мышление не передаются по наследству, а воспитываются и воспринимаются человеком, живущим в обществе. Скажем больше, по своему содержанию сознание целиком обусловлено обществом. Но если нельзя говорить о наследовании человеческой психики, то можно и должно говорить о наследовании человеком самой способности мышления, сознательного психического отражения. Эта способность передается в виде возможности, которая в соответствующих условиях становится действительностью, актуальным мышлением. Именно этой способностью не обладают животные, как биологически менее развитые в сравнении с человеком живые существа. Мышление, как потенциальная способность отдельного человека, может стать действительным мышлением только в обществе и только через отражение социальных связей, но сама эта способность принадлежит исключительно человеку.

Проблема сознания потому и содержит несколько аспектов, что не может быть исчерпана каждым из них в отдельности. Наиболее всесторонняя и глубокая постановка этой проблемы, а потому и наиболее верное ее решение возможно лишь в марксистско-ленинской философии, т. к. она есть законченная материалистическая система взглядов. В этой связи утверждение, что лишь социальный, исторический аспект сознания является собственно философским, нельзя признать правомерным, т. к. едва ли кому-нибудь из марксистов может прийти в голову по аналогии с этим заявить, что только исторический материализм, в противоположность диалектическому, есть философский материализм. Скорее, наоборот, любой марксист знает, что диалектический и исторический материализм — это единое, цельное материалистическое мировоззрение. И как таковое, оно имеет самое непосредственное отношение к проблеме сознания не одной лишь своей стороной, а связано с ней через основной вопрос философии всем своим содержанием.

Если стремление отделить сознание от мыслящей материи-мозга связано с целями доказательства принципиальной невозможности создания мыслящих машин, то оно, таким образом, не достигает этих целей. Скорее наоборот, раз отказав сознанию в связях с биологической формой движения, мы далее не смогли бы последовательно защищать тезис, согласно которому кибернетические устройства принципиально неспособны мыслить и сознавать себя. Можно, правда, аргументировать его тем, что электронно-вычислительные машины (ЭВМ) не трудятся и не связаны с обществом социальными связями. Этот довод, конечно, верен, но только для тех, кто, говоря о социальной сущности труда, видит в то же время его связь с определенными внутренними биологическими и духовными потребностями человека, связь труда с высшей нервной деятельностью организма. Ведь труд в смысле орудийной, целенаправленной деятельности не есть, как говорилось, еще само мышление. Кроме того, не существует пока непреодолимых препятствий для его моделирования

в ЭВМ, хотя возможно, это и трудная задача. Не менее трудной может оказаться и задача моделирования всех социальных связей мыслящего индивида, но и они, при всем своем многообразии и малоизученности, все же должны существовать как конечные и количественно выразимые.

Если мы говорим о сознании, то для нас гораздо важнее то обстоятельство, что внешний труд, будучи всегда трудом общественного человека, предполагает и обуславливает такую внутреннюю физиологическую форму деятельности центральной нервной системы, мозга человека, т. е. биологически живой ткани, которая и называется мышлением.

Позиция диалектического материализма должна заключаться не в априорном отрицании полезности любых усилий естествознания, направленных на изучение и моделирование процессов мышления. Такая позиция противоречила бы в корне всей диалектико-материалистической концепции сознания, ибо последнее имеет материальную основу и потому безусловно познаваемо. Задача философии заключается в том, чтобы показать глубину и гносеологическую неисчерпаемость сознания, существующую как отражение неисчерпаемости материальной.

Мы не знаем другого способа мышления кроме мышления с помощью мозга. Оно есть всегда мышление общественного человека. Поэтому приходится согласиться с точкой зрения, согласно которой задача искусственного воспроизведения процессов мышления, если она имеет гносеологический смысл и разрешима актуально, лежит на путях искусственного построения живой ткани мозга человека. Подчеркнем только, что речь идет не просто о мозге человека, как о биологической структуре, но о мозге общественно-го человека с воспроизведением в нем всех тех физиологических отражательных процессов, на основе которых и существует собственно сознание. Разумеется, прежде потребуются решить комплекс задач, вытекающих из необходимости изучения всех путей и способов «превращения энергии внешнего раздражения в факт сознания». Но если справедливо утверждение, что «вопрос, сформированный в данном виде, не имеет непосредственного отношения к кибернетике»¹, то приходится констатировать здесь, несовпадение или несоответствие самой задачи искусственного воспроизведения мышления, используемым для этого средства в рамках электронно-вычислительной техники. Этот вывод должен быть, однако, ограничен теми пределами, в которых решение данной задачи ставится как конечная или даже как промежуточная цель кибернетики, т. е. как философская проблема, поскольку изучение процессов мышления с помощью средств электроники уже сделало и, вероятно, еще сделает огромный вклад в науку о мышлении.

Весьма вероятно, что, благодаря такому несоответствию конечных целей и задач, сформулированных таким образом в кибернетике, используемым ею приемам и методам решения, могло возникнуть требование «уточнить» понятия мышления и сознания, дать им функциональное определение в противоположность гносеологическому², другими словами — формализовать. Отсутствие формального определения сознания представляется, при этом, едва ли не единственным препятствием на пути к положительному решению проблемы машинного «мышления». Но, во-первых, формализовать можно далеко не все даже из того, что мы уже знаем, не говоря уже об остальном. Кроме того, формальные дефиниции, как известно, имеют ограниченное значение в познании, в особенности для определения гносеологических и диалектических понятий и категорий. Наконец, сущность любого явления содержательна, а не формальна. С точки зрения формальной, современная электронно-вычислительная машина, способная производить десятки тысяч математических операций

Б. С. Грязнов. Кибернетика и философия, сб. «Диалектический материализм и вопросы естествознания», Изд. МГУ, 1964, стр. 218.

² См. Б. С. Грязнов, там же, стр. 214—215.

в минуту, по своему «уму» далеко опередила индейца племени карибов из Южной Америки, которому не под силу смехотворная для кибернетики задача: сколько будет дважды два, по той простой причине, что он не может считать даже до трех¹. И, тем не менее, мы с полным основанием сомневаемся в способностях ЭВМ мыслить и сознавать себя, а не этого человека, находящегося лишь на сравнительно низком уровне социального развития, но обладающего всеми признаками жизнедеятельности, имеющей право называться мышлением и сознанием. Ведь сознание и мышление, если оно возникло и существует, есть форма жизнедеятельности общественного человека, существующая, однако, лишь в единстве с социальными формами.

В. И. Ленин писал в «Философских тетрадах»: «Жизнь рождает мозг. В мозгу человека отражается природа»². Отсюда следует, во-первых, что если мы ставим задачу познания и воссоздания процессов мышления, нам нужно прежде изучить и научиться воспроизводить сначала хотя бы элементарные жизненные процессы. Во-вторых, детального и всестороннего изучения заслуживает чрезвычайно сложный и многосторонний процесс, имеющий к тому же социальное содержание, который мы обозначаем одним очень емким понятием: отражение. Думается, что все эти задачи должны решаться не одной наукой, а всем естествознанием и общественными науками.

¹ Пример взят из статьи П. К. Анохина в сб. «О сущности жизни». Изд. «Наука», М., 1964, стр. 206.

² В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 192.

О СООТНОШЕНИИ ПСИХИЧЕСКОГО И ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО В ОТРАЖАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЗГА ЖИВОТНЫХ

Марксистско-ленинская философия рассматривает психику высших животных как предисторию человеческого сознания и понимает возникновение человеческого сознания как качественный скачок, обусловленный появлением труда и общества. Проблема эволюции психики имеет не только общебиологическое, но и философское, мировоззренческое значение, поэтому подход к решению этой проблемы всегда был связан с философскими представлениями, характерными для данной эпохи. Естественно, что эти вопросы привлекали внимание великих мыслителей, философов. Рассматривая эту проблему в философско-логическом плане, Ф. Энгельс писал: «Нам общи с животными все виды рассудочной деятельности»¹. Необходимость исследований для теории познания «умственного развития животных» подчеркивал В. И. Ленин². В самое последнее время, после некоторого периода нигилистического отношения, в науке вновь повысился интерес исследователей к проблемам психологии животных.

На диалектико-материалистическом понимании единства и коренной, качественной противоположности психики животных и человека, обусловленной наличием у человека абстрактного мышления и речи, базируется возникшее в последние десятилетия экспериментальное направление в психиатрии (Барюк, Винцент, Бускаино, А. С. Чистович, В. М. Банщиков, Д. Д. Федотов и др.). Работая много лет в этой области, профессор М. А. Гольденберг с сотрудниками (Ц. П. Короленко, П. П. Волков, Е. И. Терентьев, А. С. Тимофеева, Ю. Ф. Приленский и др.) создали модели психозов на животных при различных интоксикациях (атропиновой, акрихиновой, тофраниловой, синтомициновой, алкогольной, свинцовой и др.) и инфекциях. На этих моделях впервые экспериментально изучались общие вопросы теории патогенеза экзогенных психозов. Работы этого направления имеют определенный успех и привлекают внимание не только психиатров, но и биологов, физиологов, психологов, фармакологов и представителей других медицинских дисциплин. В частности, об этом свидетельствуют положительные отзывы и рецензии на работы школы профессора М. А. Гольденберга в Советском Союзе и за рубежом (в Румынии, Италии, Франции, ФРГ, США и в других странах).

Не ставя перед собой задачу специального освещения методики и результатов исследований, проводимых нами в течение ряда лет, мы считаем необходимым отметить лишь некоторые принципиальные положения, вытекающие из многочисленных опытов на большом количестве животных (собак, кошек, кроликов):

1. Прежде всего было установлено, что при экспериментальных ин-

¹ Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат, 1953, стр. 176.

² В. И. Ленин. Философские тетради. Полное собр. сочинений, изд. 5, т. 29, стр. 314.

токсикациях и инфекциях у животных, наряду с соматическими, развивались психические расстройства в форме грубых, элементарных симптомов и синдромов, отдаленно напоминающих болезни человека, и эти экспериментальные модели в какой-то мере выступали в качестве упрощенных аналогов соответствующих психических заболеваний человека.

2. Подобно клинике экзогенных психозов у человека, картины психопатологических нарушений у животных при различных инфекциях и интоксикациях характеризовались некоторыми специфическими особенностями (например, как и у человека, при атропинной интоксикации у животных развивались психические расстройства в форме «делирия», при хронической тофраниловой — в форме «гипоманиакального» состояния, при стафилококковой инфекции — в форме апатии, кататонии и т. д.).

3. В экспериментах была доказана связь дозы и темпа действия экзогенных вредностей (интоксикаций, инфекций) с характером, степенью выраженности и последовательностью развивающихся психопатологических синдромов (например, при небольшой дозе торфанила, подкожно введенного животным, наблюдалось легкое оглушение; при большой дозе — «сумеречное» состояние; еще большие дозы приводили к эпилептиформным припадкам).

4. Многочисленные исследования (высшей нервной деятельности, патологоанатомические, биохимические, гистохимические, электроэнцефалографические и другие) позволили установить определенные корреляции в динамике психопатологических расстройств и нарушений структуры и физиологических функций центральной нервной системы. Эти результаты имеют особо важное значение, если учесть, что проведение подобных исследований на человеке чрезвычайно затруднено, а часть методов оказывается вообще неприменимой.

Достижения экспериментальной психиатрии важны не только в естественнонаучном плане, но и имеют определенное мировоззренческое, философское значение.

При психических заболеваниях детерминация психической деятельности внешним миром ослабляется или полностью исчезает. Интересно, что В. И. Ленин в замечаниях на книге А. Рея «Современная философия» положительно отметил и специально подчеркнул то место, где автор упоминает о психических расстройствах, при которых «опыт оказывается сведенным... к чисто субъективному». При экспериментальных психозах объективная, внешняя обусловленность, психической деятельности животных также искажается, извращается или даже совсем отсутствует, и поведение животных оказывается внешне (непосредственно!) немотивированным. Поэтому отношения «психическое — мозг», «психическое — физиологическое» выступают в экспериментальной психиатрии, так сказать, в «чистом виде».

В эксперименте удается не только констатировать расстройства поведения животных в форме упрощенных психопатологических симптомов и синдромов, но и получить представления о механизмах, лежащих в их основе. Психические нарушения при экспериментальных психозах выступают как проявления патологического процесса, развивающегося в головном мозгу у животных при экзогенных воздействиях. Причем, в динамике психопатологических симптомов и гистопатологических нарушений центральной нервной системы устанавливаются определенные корреляции. Кроме того, иногда наблюдается некоторое соответствие между характером психопатологического синдрома и локализацией патологического процесса в головном мозгу животных. Следовательно, материальные воздействия (инфекции, интоксикации) вызывают в материальном субстрате (мозг) материальные изменения (регистрируемые объективными методами), которые клинически проявляются в форме нарушений

естественного поведения животных. Это ли не подтверждение листического взгляда на сущность психического, как свойства функции высокоорганизованной материи!

Психическая деятельность животных есть высшая форма приспособления их к быстро меняющимся условиям внешней среды, поэтому, вскрывая интимные механизмы высшей нервной деятельности в норме и патологии, нельзя забывать о том, что психика животных всегда остается отражением действительности, «отношение психики к мозгу всегда и при всех условиях есть (опосредованное) отношение субъективного образа к предмету»¹. Интерпретация данных экспериментальной психиатрии также свидетельствует против вульгарно-материалистического подхода к изучению психики. В отражательной деятельности животных и тем более человека — отношение «мозг — психика» всегда связано с отношением «предмет — образ». Отрицание этого обстоятельства означает игнорирование противоположности между образом предмета и самим предметом. Субъективное отождествление образа объекта с самим объектом в психической деятельности животных происходит лишь в условиях экспериментальной патологии, именно при галлюцинаторных состояниях, когда отражение животными внешнего мира нарушается, и поведение их оказывается адекватным не реальной окружающей ситуации, а содержанию галлюцинаторных переживаний. Таково, например, поведение животных в состоянии экспериментального «делирия». Марек описывает галлюцинации у собак следующим образом: «Они как будто нападают или защищаются, со страхом осматривают невидимые предметы и бессмысленно убегают, или, сильно лая, бешено как бы сопротивляются, иногда «хватают мух» и проявляют парестезии»². Механизм истинных галлюцинаций у животных (и человека) состоит в патологическом оживлении представлений до уровня живого восприятия, следствием чего и является отождествление образа объекта с самим объектом. Это отождествление вообще возможно благодаря объективности представлений по содержанию, обусловленной их объективным источником — внешним миром. Таким образом, даже при психических расстройствах, в условиях искажения или отсутствия непосредственной объективной детерминации психической деятельности животных (и человека), проблема «психика—мозг» не может быть оторвана от проблемы «образ—предмет», т. е. от отражательного характера психической деятельности животных и человека.

В этой связи становится очевидной несостоятельность точки зрения некоторых философов, отрицающих противоположность сознания и материи в рамках онтологии. Вопрос о первичности материи есть общепсихологический вопрос и в гносеологическом и в онтологическом плане. Отрицание этого положения приводит к вульгарно-материалистическим представлениям о материальности психики за пределами гносеологии. Однако, как справедливо указывает В. В. Орлов³, сторонники тезиса о материальности психического не замечают, что в таком случае сам термин «материальное» теряет всякий смысл, поскольку определение материи возможно лишь через противопоставление ее сознанию.

Марксистско-ленинская философия рассматривает психическое и физиологическое как две неразрывные стороны единого, противоречивого процесса отражения. «В высшей нервной деятельности,—пишет Н. П. Ан-

Ф. И. Георгиев. О порочности вульгарно-субъективистского истолкования природы психического. В кн. «Диалектический материализм и современное естествознание», М., 1964, стр. 394.

² Цитируется по: М. А. Гольденберг. «Воспроизведение синдромов акрихинового «психоза» у животных». Новосибирск, 1961, стр. 49.

³ В. В. Орлов. О природе психического. В кн. «Диалектический материализм и современное естествознание», М., 1964, стр. 357.

тонов,— психическое и физиологическое действительно выступают как две стороны единого процесса—отражательной деятельности мозга. Физиологическое, как материальная основа, а психическое, как его результат, субъективный идеальный образ, неотделимый от своей основы и неразрывно связанный с ней»¹.

При воспроизведении на животных психических заболеваний человека задача состоит в изучении материальных нарушений высшей нервной деятельности; однако при экспериментальных психозах расстройства отражательной деятельности головного мозга животных не исчерпываются только патофизиологическими нарушениями. Патофизиологический анализ мозговых расстройств у животных не исключает, а предусматривает анализ психопатологический. «Психопатологическое исследование является как бы продолжением патофизиологического, но в ином аспекте, в новом специфическом качестве». (А. В. Снежневский)².

Как показывают наши опыты, богатство патологических поведенческих реакций животных, развивающихся при интоксикационных и инфекционных поражениях центральной нервной системы, не сводимо к анатомо-физиологическим механизмам, лежащим в их основе. Психические и патофизиологические расстройства, являясь выражением единой общемозговой экспериментальной патологии, не тождественны. С познавательной целью в условиях эксперимента диалектическое единство психического и физиологического в отражательной деятельности головного мозга животных может быть искусственно расчленено. Констатируя у животных расстройства поведения в форме различных психопатологических симптомов и синдромов, мы основное внимание, естественно, фиксируем на изучении их физиологических механизмов. Выяснение наряду с общими признаками и специфических патофизиологических механизмов экспериментальных психозов различной этиологии, а также изучение значения качества, дозы, темпа действия определенной экзогенной вредности для развития психических нарушений определенного типа позволяет установить некоторые корреляции в динамике психопатологических и патофизиологических (в широком смысле, включая электроэнцефалографические, биохимические, гистохимические и другие) расстройств. Однако психические расстройства не могут быть исчерпаны даже самым тонким патофизиологическим анализом нарушений функции центральной нервной системы животных при экспериментальных психозах. Для характеристики психических и патофизиологических расстройств в психиатрии исторически сложились различные понятия, отражающие определенные качественные различия этих явлений, отсутствие между ними однозначного соответствия. В основе всех психопатологических расстройств у животных лежат в конечном итоге нарушения рефлекторной деятельности, взаимоотношения процессов возбуждения и торможения, но в науке нет таких понятий, которые были бы патофизиологическими «прообразами» делирия, сумеречного состояния и других синдромов.

«Психическая деятельность есть результат физиологической деятельности определенной массы головного мозга»,— писал И. П. Павлов³, поэтому, произвольно воздействуя на центральную нервную систему различными экзогенными вредностями, вызывая таким образом комплекс определенных патофизиологических нарушений, мы получаем у животных и психические расстройства, являющиеся результатом расстройств патофизиологических. Зависимость психопатологических расстройств от патофизиологических механизмов, лежащих в их основе, дает возможность не только произвольно моделировать на животных раз-

¹ Н. П. Антонов. Происхождение и сущность сознания. Иваново, 1959, стр. 385.

² А. В. Снежневский. Психопатология. БМЭ, изд. 2, т. 27, стр. 372.

³ И. П. Павлов. Полное собрание сочинений, т. 3, кн. 2, 1951, стр. 320.

личные психические заболевания человека, но и открывает перспективы в изучении терапии этих состояний. Важно и то, что в изучении экспериментальной патологии психики животных опосредовано, в познании ее материальной основы — патофизиологической деятельности головного мозга могут быть использованы различные естественнонаучные методы исследования (физические, химические, математические и др.).

По-видимому, благодаря этому прогрессивному проникновению естественнонаучных методов исследования в изучение психики наука достигнет такого уровня, когда мы экспериментальным путем расшифруем материальные механизмы, лежащие в основе мышления (Ф. Энгельс)¹.

Условно-рефлекторная деятельность головного мозга высших животных и человека наряду с чертами сходства характеризуется и качественными различиями. С точки зрения современной эволюционной теории общность физиологических функций центральной нервной системы обусловлена тем, что в эволюционном процессе основные классы позвоночных начали дивергировать в тот момент, когда у их общих предков нервная система была уже в основном сформирована. (Это положение сравнительной физиологии является одним из аргументов в обосновании правомерности и границ возможности переноса данных, полученных в эксперименте на животных, в область клинической психиатрии). Качественная особенность физиологической деятельности головного мозга человека состоит в наличии у человека второй сигнальной системы — физиологической основы абстрактного мышления и сознания.

В отличие от человека «животное непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью. Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть эта жизнедеятельность». (К. Маркс)².

У животных отсутствует отделение субъекта от объекта отражения. Это отделение происходит по мере развития процесса познания. «Возникновение языка, мышления и сознания в процессе общественно-трудовой деятельности первобытных людей и отделение субъекта от объекта отражения представляют собой единый исторический процесс, в котором все эти явления взаимно связаны и обуславливают друг друга» (Н. П. Антонов)³.

Таким образом, в связи с отсутствием у животных второй сигнальной системы и возникающих на этой основе абстрактного мышления и сознания, соотношение «психическое — физиологическое» выступает у животных в элементарном виде. Однако для правильного понимания проблемы «психическое — физиологическое в отражательной деятельности мозга человека это соотношение необходимо рассматривать в историческом развитии от простого к сложному. Анализ этой проблемы с использованием естественнонаучных методов исследования психической деятельности животных и физиологических механизмов, лежащих в их основе, позволяет отметить некоторые черты диалектического единства психического и физиологического в отражательной деятельности мозга высших животных:

1. Воспроизведение на животных различных психопатологических расстройств, отдаленно напоминающих соответствующую патологию человека, свидетельствует о том, что у животных имеются психические формы отражения (ощущения, восприятия, представления, конкретно-образное мышление, эмоции и т. д.).

2. Психика животных есть свойство высокоорганизованной материи — головного мозга. Экспериментальные поражения этого матери-

Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат, М., 1955, стр. 179.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. Гослитиздат, М., 1956, стр. 565.

³ Н. П. Антонов. Происхождение и сущность сознания, 1959, стр. 156.

ального субстрата приводят к различным нарушениям естественного поведения животных, причем устанавливаются определенные корреляции в динамике морфологических и психопатологических расстройств.

3. На основании анализа психопатологических нарушений, в частности галлюцинаторных расстройств, при экспериментальных психозах у животных следует считать, что даже в искусственных условиях искажения непосредственной объективной детерминации психической деятельности животных проблема «психика — мозг» не может быть оторвана от проблемы «образ — предмет». Это косвенно свидетельствует о несостоятельности так называемого онтологического подхода к изучению психики.

4. Психическая деятельность животных является результатом материальной физиологической (условно-рефлекторной) функции головного мозга. Однако психика животных не сводима к механизмам, лежащим в ее основе. Психическое и физиологическое — разнокачественные явления, между элементами психического и физиологического отсутствует однозначное соответствие.

5. Материалистическое понимание психики как результата физиологической деятельности головного мозга открывает широкие перспективы для опосредованного изучения ее с использованием современных естественнонаучных методов исследования.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ ТЕОРИИ И ЭКСПЕРИМЕНТА В ФИЗИОЛОГИИ ВЫСШЕЙ НЕРВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

1. С момента своего возникновения физиологии ВНД выступала одной из естественнонаучных предпосылок материалистического понимания сознания. Можно ожидать, что и в дальнейшем ее развитие будет служить уточнению и углублению такого понимания. Вместе с тем развитие самой физиологии ВНД требует дальнейшей разработки ряда методических вопросов, связанных, в частности, с выяснением соотношения экспериментальных и теоретических исследований.

В физиологии ВНД сейчас накоплен огромный эмпирический материал, полученный сплошь и рядом на базе известных принципиальных установок, а иногда и на базе одних и тех же методик. Возникает необходимость не только и не столько в теоретическом обобщении материала, но и в разработке новых методов экспериментального исследования. В свою очередь сложившаяся в физиологии ВНД ситуация дает богатый материал для общего методологического анализа структуры познавательной деятельности. Все эти вопросы и являются предметом нашего сообщения. Содержательное их решение требовало одновременно выработки средств методологического анализа познавательной деятельности. В процессе такой работы выделился ряд вспомогательных средств, опираясь на которые, удалось выделить различные виды экспериментальной деятельности. Таким средством явилась абстракция «черного ящика». Сама эта абстракция сформировалась в экспериментальной познавательной деятельности ученых. Та система операций, которая входит в эту схему деятельности и была принята в качестве эталона экспериментальной деятельности.

Очевидно, что между изучением структурных и функциональных особенностей головного мозга существует тесная связь. Так, изучение структурных особенностей приводит, как правило, к постановке новых экспериментов, направленных на исследование соответствия функциональной деятельности со вновь обнаруженными структурными особенностями. В свою очередь, исследование функций изучаемого объекта, возможностей их образования и способов их проявления приводит к более детальному изучению структурных особенностей.

Структурные и функциональные особенности коры головного мозга изучаются при помощи специфических процедур. Изучение функций и особенностей их проявления предполагает функциональный эксперимент, цель которого состоит в выяснении связи между входными и выходными сигналами объекта, условно признанного «черным ящиком». Изучение структурных особенностей основано на особом виде экспериментальной деятельности, схема которой представляет собой набор операций,³ состо-

ящих из вскрытия «черного ящика», введения индикатора неоднородности, установления морфологических составляющих этого объекта. Наконец, имеет место структурно-функциональный эксперимент, постановка которого связана с соотношением знаний, полученных в результате функционального и морфологического экспериментов.

Каждому из выделенных экспериментов уже с момента их проведения предшествует некоторая абстрактная теоретическая схема, полученная в результате практического освоения окружающей природы. Такая схема проявляется в том, что исследователь, не представляя детального механизма поведения изучаемой системы, а выделяя эмпирически входные и выходные каналы, начинает целенаправленно изучать связь между сигналами, поданными на вход и, полученными на выходе. Строго говоря, абстрактная теоретическая схема — это некоторая модель, некоторое знание, непосредственно неконкретизированное экспериментом, а обусловленное повседневной деятельностью человеческого общества.

В силу такого положения познавательная задача, определяющая экспериментальную деятельность, первоначально несколько недифференцирована. Отсюда план экспериментальной деятельности впоследствии всегда требует коррекции и дополнительных знаний. Результат же экспериментальной деятельности в виде некоторого знания фиксируется в форме конкретизированной теоретической схемы. Процесс постоянного уточнения схемы в принципе бесконечен, но на каждом определенном этапе может наступать и наступает соответствие между познавательными задачами и их решениями. Таким образом, иерархия теоретических схем и экспериментальная деятельность, их связующая, представляют собой в данном случае функциональный предмет исследования.

Одновременно с функциональным предметом исследования формируется структурный предмет исследования со своими познавательными задачами, своеобразными теоретическими схемами и особой экспериментальной деятельностью. Схема предмета здесь определяет экспериментальную деятельность, результат которой интерпретируется, с одной стороны, как система знаний о морфологии объекта исследования, с другой стороны, как система знаний о структуре.

Совершенно особым образованием является структурно-функциональный предмет исследования и экспериментальная деятельность, формирующая его. Особенность этого исследования, прежде всего, в его построении. Совокупность знаний, полученная в результате предшествующей экспериментальной деятельности, выступает в виде общей схемы экспериментальной деятельности. Построена такая схема может быть различными способами, например, по принципу прямого наложения знаний. Именно в результате такого или подобного соотношения знания появляется возможность структурно-функциональной экспериментальной деятельности, где обоснованием и совокупностью познавательных задач служит некоторый гипотетический предмет исследования, выше означенная система знаний.

Никакая другая экспериментальная деятельность не указывает столь четко исследователю на недостаточность знаний о структурной или функциональной стороне объекта исследования. Интересна в этом отношении система знаний, полученная в результате экспериментальной деятельности: с одной стороны — это некоторая модель исследуемого объекта, с другой стороны — это источник познавательных задач, переформулировка которых происходит либо в функциональном предмете исследования, либо в структуре.

Итак, выделенные три вида экспериментальной деятельности различны по исходным задачам, по схеме самой экспериментальной деятельности и по системам теоретических знаний предшествующих им.

Рассмотрение выделенных экспериментов, как отдельных самостоя-

тельных образований не дает возможности определить основные закономерности их развития. Выяснение развития экспериментальной деятельности на основании общепсихологической схемы — теория — эксперимент — теория не может дать, вероятно, полной картины развития эксперимента и не может детально представить всей системы связей эксперимента с теорией в различные моменты построения теории.

Проблема соотношения теории и эксперимента возникла в период, когда развитие теоретических и экспериментальных исследований достигло определенного уровня. В общих чертах эта проблема описывается известной схемой. Однако эта схема, во-первых, не дает возможности провести типологию теоретических построений и генетических связей, во-вторых, пользуясь схемой нельзя установить этапы построения знания, в-третьих, представляя практику как нерасчлененное целое, абстрагируясь от сложных взаимоотношений между отдельными элементами этой категории и естественнонаучными экспериментами, схема не раскрывает всего многообразия видов экспериментов и их развития.

Особенностью нашего исследования является то, что мы рассматриваем соотношение эксперимента и теории в рамках представления об однозначном соответствии их. Такое соответствие выступает в виде сложной, особым образом сформированной и особым образом развивающейся системы знаний. Мы считаем неправомерным разрывать эту исторически сложившуюся систему и исследовать отдельно эксперимент и теорию. Рассмотрение эксперимента в отрыве от теоретических образований, во-первых, не раскрывает закономерностей перехода от одного экспериментального исследования к другому, во-вторых, не дает возможности проследить, как с усложнением теоретических схем уточняется и усложняется отдельно взятое экспериментальное исследование.

Вид экспериментальной деятельности и соответствующая совокупность теоретических представлений, взятые попарно, образуют подсистемы. (Термин — подсистемы и их обозначение введены автором для простоты изложения). Нас будут интересовать подсистемы следующих типов. Функциональный эксперимент — функциональная теоретическая схема (подсистема типа 1Ф), структурный эксперимент — структурная теоретическая схема (подсистема типа Эс—1с); структурно-функциональный эксперимент — структурно-функциональная теоретическая схема (подсистема Эсф—1сф).

Отметим наиболее общие положения, характеризующие каждую из подсистем. Возможность существования каждой из подсистем обусловлена саморазвитием всей системы в целом. Это совершенно не означает одновременности существования их, они сосуществуют лишь в общественной познавательной деятельности. Весьма вероятно, что каждая из подсистем формируется и функционирует на различных этапах исследовательской деятельности. Не представляя до определенного времени системы, они подчиняясь некоторым модельным представлениям, выросшим в их недрах, образуют целостное системное образование с новыми элементами и связями функционирования. Такое образование обладает рядом особенностей, состоящих в появлении новых связей и элементов.

Эмпирическая область исследования системы формируется под влиянием двух основных факторов. Первый из них — это непосредственная предметная деятельность, производственная деятельность людей, результатом которой есть материальный продукт. Хотя именно, в недрах материальной деятельности появляется, как особое образование, познавательная деятельность находится на втором плане.

Таким образом, формирование эмпирической области системы с одной стороны протекает непосредственно, в то время как эксперимент,

участвуя в формировании эмпирической области исследования, обусловлен имеющимися уже первичными теоретическими знаниями, скажем, в форме познавательной задачи.

Далее, результат экспериментального исследования трансформируется в знание, в некую конкретизированную теоретическую схему, по сравнению с абстрактной теоретической схемой, появившейся в результате практической деятельности. Отсюда видно, что структура эмпирической и теоретической частей системы неоднородна и довольно сложна.

Рассмотрим наиболее подробно структуру теоретического уровня системы. Как наиболее общие элементы нами выделены абстрактная теоретическая схема (или первичная теоретическая схема) и конкретизированная схема (или вторичная теоретическая схема).

Абстрактная теоретическая схема возникает как обобщение результатов практической производственной деятельности, а затем функционирует как поставщик познавательных задач, определяющих направленность экспериментальной деятельности.

Вообще говоря, абстрактная теоретическая схема только в идеальном случае представляет собой образование, построение которого обусловлено практической деятельностью. Чаще всего на построение такой схемы накладываются различного рода знания, появляющиеся в деятельности другого рода. Такое наслоение знаний, одной стороны, помогает сформулировать более четко познавательную задачу, с другой стороны, усложняется возможность генетического анализа самой структуры познавательной задачи и ее функционирования.

Интересным образованием является конкретизированная теоретическая схема, отличающаяся от абстрактной теоретической схемы по построению и способу функционирования. Прежде всего, конкретизированная схема появляется как знание специальным образом преобразованное из результатов экспериментального исследования. Именно в этом смысле такая теоретическая схема обладает большей конкретностью и выступает как конечное образование на данном уровне экспериментального исследования.

Отличительной чертой конкретизированной теоретической схемы является и способ ее функционирования. Функционирование любого элемента системы определяется количеством и, самое главное, характером связей этого элемента с другими элементами системы. Так, конкретизированная теоретическая схема с момента ее возникновения обладает обратными связями в пределах своей подсистемы. Она (конкретизированная теоретическая схема) служит коррелятом абстрактной теоретической схемы, которая осуществляет, в свою очередь, корреляцию практической деятельности, дифференцирует систему познавательных задач и в какой-то мере экспериментальную деятельность.

Итак, мы рассмотрели элементы и связи отдельных подсистем. Кроме связей внутри подсистемы существуют связи между подсистемами как элементами более крупного образования — системы экспериментальной теории. Дело в том, что прежде чем построить знание о структурно-функциональных характеристиках исследуемого объекта и организовать экспериментальную деятельность тем или иным образом, необходимо соотнести поэлементно ранее полученные знания в функциональном и структурных исследованиях. Затем построить предварительную модель структурно-функциональных отношений. Интересно, что эта модель будет представлять собой теоретический конфигурактор независимо от способа соотнесения знаний. Существование таких отношений между подсистемами хорошо иллюстрируется историей учения о локализации функций в коре головного мозга.

Рассмотренные выше вопросы в какой-то мере помогли составить представление об общих элементах и связях подсистем типа Эф—Тф.

Эс—Тс. Самое интересное образование во всей системе — это подсистема типа Эсф—Тсф со всеми ее элементами, внутренними и внешними связями и особенностями функционирования.

Особое строение элементов подсистемы, особенности образования этих элементов и их функционирования, выделяют эту подсистему из вышес рассмотренных. Подсистема—только один элемент, наиболее роднящийся ее с другими подсистемами. Этот элемент — абстрактная теоретическая схема, результат непосредственной практической деятельности, сама же практическая деятельность, очевидно, отлична, хотя бы по предмету оперирования. Вероятнее всего, что абстрактная теоретическая схема, наиболее общая всем подсистемам, развивается и строится по одним законам, но они отличаются друг от друга в различных подсистемах. Если в разбираемых по способу организации своей деятельности подсистемах вся экспериментальная деятельность определяется только абстрактной теоретической схемой, то в подсистеме Эфс—Тфс познавательная задача, объект исследования и средства решения познавательной задачи определяются еще одним теоретическим построением в виде результата соотнесения знания, полученного в подсистемах Эф—Тф и Эс—Тс. Особенности этого элемента довольно сложны, и определение всех особенностей составляет следующий этап работы. Одно можно сказать с уверенностью: если во всех других подсистемах экспериментальную деятельность определяет теоретический элемент, построенный на базе практической деятельности, то экспериментальную деятельность в разбираемой подсистеме определяет сверх того и та система знаний, которая построена в предшествующих подсистемах. Следовательно, первой особенностью является сама постановка экспериментального исследования. Вторая особенность в том, что эксперимент в данной подсистеме по логике развития должен быть некоторым конгломератом экспериментов предшествующих подсистем, совмещенным экспериментом. Этот эксперимент должен устанавливать взаимосвязь и взаимосвязь между двумя сторонами предмета исследования.

Интересным образованием является и та система знаний, которая получена в результате интерпретации экспериментальных данных. На наш взгляд, это новое образование, от которого остается один шаг до модельных представлений.

Таким образом, экспериментальное исследование в разбираемой подсистеме есть, до некоторой степени, заключительный этап, дающий возможность построить такую теоретическую схему предмета исследования, которая заставит пересмотреть все предшествующие теоретические знания, переформулировать познавательные задачи, перестроить экспериментальные исследования.

Далее, если модели более развитых наук позволяют решать познавательные задачи как данной области исследования, так и из других областей знания то модели развивающиеся, формирующиеся великолепно выполняют роль, о которой говорилось выше. Кроме того, такие модели изменяют и практическую деятельность человека. Короче говоря, это единственный элемент системы, обладающий обратными связями на все элементы подсистем. Появление такого образования в системе и придает ей возможности саморазвития, саморегуляции.

Проведенный анализ позволяет, во-первых, выделить различные типы экспериментов и теоретических схем в физиологии высшей нервной деятельности, во-вторых, позволяет установить зависимость между закономерной сменой различных исследовательских процедур и развитием самих категорий структуры и функций¹.

По этому поводу см. ст. Г у в а к о в В. И. «Некоторые закономерности развития структурно-функционального исследования в физиологии ВНД», сб. «Некоторые философские вопросы современной медицины и естествознания», стр. 43—47. Изд. Читинского Государственного медицинского института, Чита, 1965.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ОТРАЖЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПОЗНАНИЯ

Прогресс научного познания находит свое философское выражение не только в формировании новых понятий и положений, но заставляет возвращаться к рассмотрению коренных, исходных принципов материалистического мировоззрения, давать им более глубокое и всестороннее обоснование, конкретизировать и развивать на базе нового фактического материала. Это относится и к пониманию сознания как отражения объективного мира в мозгу человека.

Проблема сознания представляет в настоящее время узел переплетения интересов и направлений исследования целого ряда наук. Вопросы, связанные с выяснением природы сознания и закономерностей его развития, широко дискутируются как в философской, так и в специальной естественнонаучной и социологической литературе. Потребности самой марксистско-ленинской философии и специальных наук как естественных, так и общественных, определяют необходимость более полного и глубокого выяснения гносеологической природы сознания.

В гносеологическом отношении сознание представляет собой познание человеком внешнего объективного мира и самого себя как субъекта познания и действия. При этом познание является не пассивным отражением действительности, а активной целенаправленной деятельностью субъекта. Основой такого активного характера познания выступает в конечном счете практическая деятельность человека. Эта связь познания с практикой в основном раскрыта в нашей философской литературе, но к ней не сводится решение проблемы в целом. Дело в том, что на основе связи с практикой познание само выступает как активная целенаправленная деятельность. В связи с этим возникает вопрос о соотношении отражения и деятельности в самом процессе познания.

Всякая деятельность предполагает активное отношение субъекта к объекту деятельности. Исходя из тех или иных целей, выражающих его личные или общественные потребности, субъект осуществляет активные действия с объектом, приводящие к результатам, удовлетворяющим поставленным целям (если цели и действия соответствуют объективным условиям). В случае практической деятельности, объектами, с которыми действует субъект, выступают материальные предметы и явления, и также материальными оказываются результаты деятельности.

Иначе обстоит дело в случае познавательной деятельности. Прежде всего ее результатом оказывается изменение не самих познаваемых предметов и явлений внешнего объективного мира, а лишь наших знаний о них. Это различие познавательной и практической деятельности довольно очевидно, и его понимание не вызывает особых затруднений.

Сложнее оказывается вопрос об объекте познавательной деятельности. Правда, у материалиста не вызывает сомнений тот факт, что человек познает в конечном счете внешний объективный мир, а не свои

собственные восприятия и мысли (последние, конечно, также могут познаваться, но это уже будет вторичная познавательная деятельность). Однако лишь в простейшем случае чувственного восприятия познавательные действия непосредственно относятся к воспринимаемым предметам и явлениям. На ступени же логического мышления мы оперируем не с самими познаваемыми объектами, а с нашими знаниями о них в форме понятий, суждений, умозаключений, гипотез, теорий и т. п. Именно с ними совершаются различные логические действия, приводящие к новым познавательным результатам.

Таким образом, возникает определенная трудность в понимании мышления, состоящая в том, что, когда мышление рассматривается как отражение предметов и явлений объективного мира, оно не выступает как деятельность субъекта с этими предметами и явлениями, когда же мышление рассматривается как активная, целенаправленная деятельность, исчезает ее отражательный характер.

С этой трудностью не мог справиться идеализм. Раздувая активность познавательной деятельности, он отрицает ее отражательный характер и превращает в абсолютно самостоятельный процесс. Особенно рельефно бессилие в разрешении проблемы отражения и деятельности проявляется в различных направлениях субъективного идеализма и агностицизма, начиная с Беркли и кончая современным позитивизмом. Их исходный принцип, что человек познает не объективный мир, а свои собственные ощущения и восприятия, тесно связан с неспособностью найти переход от понимания познания как деятельности субъекта к пониманию его как отражения внешнего объективного мира. Если человек совершает познавательные действия с явлениями своего собственного сознания, значит и познает он эти явления, а не объективный мир.

Поэтому критика идеализма не будет достаточно убедительной до тех пор, пока не будет раскрыта с позиций материализма взаимосвязь отражения и деятельности в процессе познания. От этой проблемы нельзя просто отмахнуться ссылкой на практику как основу активного, целенаправленного характера познания. Само понимание связи познания с практикой, как показал В. И. Ленин на примере прагматизма, может быть идеалистическим, если отрицается отражательный характер познания по отношению к внешнему объективному миру. «Господство над природой, проявляющее себя в практике человечества,— указывал В. И. Ленин,— есть результат объективно-верного отражения в голове человека явлений и процессов природы...»¹. Поэтому рассмотрение поставленной проблемы мы начнем с анализа отражательного характера познания. Сам этот анализ должен быть проведен таким образом, чтобы закономерно подвести к пониманию познания как активной деятельности субъекта.

Понятие отражения в применении к познанию раскрывает прежде всего вторичность, производность познания по отношению к внешнему объективному миру. «Наши ощущения, наше сознание есть лишь образ внешнего мира, и понятно само собою,— подчеркивал В. И. Ленин,— что отображение не может существовать без отображаемого, но отображаемое существует независимо от отображающего»². Материальный мир выступает единственным объективным источником всего человеческого познания.

Понятие отражения выражает, далее, гносеологическое отличие познания от отображаемых предметов и явлений действительности. Образ какого-либо объекта не есть сам объект. Ощущения и мысли не являются также какими-то особыми предметами, существующими в голове че-

В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 14, стр. 177.

² Там же, стр. 57.

ловека и подобными отображаемым предметам внешнего мира в том же смысле, в каком, например, копия какой-либо картины или статуи подобна оригиналу. Ощущения и мысли не являются материальными копиями отображаемых предметов, и поэтому человек не может их использовать так же, как он использует сами предметы и явления объективного мира.

Ощущения и мысли являются образами, копиями предметов и явлений объективного мира в том смысле, что они представляют собой знания человека об этих предметах и явлениях и ничего более. В этом своем отличии от отображаемых материальных объектов они выступают как идеальные явления, т. е. как явления нашего сознания, а не самого объективного мира.

Это гносеологическое отличие образа от отображаемых в нем явлений действительности подчеркивали все последовательные материалисты. Так, по словам И. Дицгена, «всякое определенное представление, всякое действительное мышление совпадает со своим содержанием, но не со своим предметом. Мой письменный стол как содержание моей мысли совпадает с этой мыслью, не отличается от последней. Однако письменный стол вне головы есть совершенно отличный от нее предмет»¹. Вместе с тем у И. Дицгена имеется попытка подвести мышление под понятие материи на том основании, что оно существует реально в качестве продукта человеческой головы. За эту ошибочную попытку, стирающую гносеологическую противоположность материи и сознания, И. Дицгена критиковал В. И. Ленин, отмечая одновременно его заслугу в подчеркивании относительного характера этой противоположности за пределами вопроса о том, что признать первичным и что вторичным.

Понятие отражения позволяет также раскрыть и относительность противоположности материи и сознания. Представляя собой знания о явлениях объективного мира, их свойствах и отношениях, ощущения и мысли характеризуются наличием сходства с отображаемыми явлениями, для подчеркивания которого марксистско-ленинская теория познания и пользуется понятием «образ». В. И. Ленин подверг решительной критике агностическую теорию символов, отрицавшую сходство ощущений с отображаемыми вещами и их свойствами.

Нельзя поэтому согласиться с мнением А. Шаффа, что марксистско-ленинская теория отражения как по своему названию, так и по существу, пользуется этим термином лишь как метафорой. «Со случаем отражения объекта субъектом в буквальном смысле слова,— утверждает он,— мы сталкиваемся только в области зрительных ощущений, так как видеть предмет можно только при условии появления на сетчатке его образа...»² Но сам же А. Шафф двумя страницами дальше совершенно правильно указывает, что содержание мыслительного акта, не будучи особым предметом, похожим на предмет мысли, является снимком последнего в том смысле, что представляет собой более или менее адекватное схватывание его свойств, законов его развития. В таком широком значении термин «образ» применим к характеристике не только чувственного познания, но и мышления.

Современная наука широко пользуется понятием отражения для выражения сходства, соответствия в каком-либо отношении одних объектов другим. В этом смысле понятие отражения применяется в теории множеств, в теории подобия, в теории моделирования и т. п. В этом же смысле это понятие применимо и для характеристики познания в его отношении к познаваемым объектам.

С позиций материалистического монизма, человеческое сознание выступает по отношению к отображаемому внешнему объективному ми-

¹ И. Дицген. Избранные философские сочинения, госполитиздат, 1941, стр. 21.

² А. Шафф. Некоторые проблемы марксистско-ленинской теории истины. М., 1953, стр. 50.

ру в качестве идеальной формы его существования. По мнению В. Ф. Асмуса, именно в этом заключается смысл знаменитого принципа Парменида: «Одно и то же есть мысль и то, о чем она мыслит», — хотя Парменид не улавливает еще диалектики соотношения мысли и ее объекта¹. В более развитом виде это положение было выдвинуто и разработано Спинозой, рассматривавшим мышление, как и протяженность, в качестве необходимого атрибута единой субстанции — природы. Обычно это положение истолковывается в духе гилозоизма, но это слишком упрощенное понимание глубокого учения великого материалиста. Несмотря на наличие определенных элементов гилозоизма, Спиноза интересовался в основном гносеологическим вопросом об отношении объекта и идеи, рассматривая мысль как другую форму существования протяженных материальных тел. Вещи, с его точки зрения, существуют в природе двояким образом: как тела, протяженные в пространстве, и как идеи в мышлении. Ограниченность этого положения у Спинозы в том, что оно не связывается еще с пониманием сознания как отражения материи.

Что же представляет собой сознание как идеальная форма существования объективного мира с позиций марксистско-ленинской теории отражения? Раскрывая диалектическое взаимоотношение производства и потребления, К. Маркс указывал, что они создают предмет в двоякой форме: материальной и идеальной. Производство создает и предоставляет потреблению предмет в его внешней, материальной форме, а потребление создает предмет идеально, как мысленно представляемый предмет для производства. По его словам, «потребление создает потребность в новом производстве, стало быть, идеальный, внутренне побуждающий мотив производства, который является его предпосылкой. Потребление создает побуждение к производству, оно создает также и предмет, который воздействует на производство, определяя его цель. И если ясно, что производство предоставляет потреблению предмет в его внешней форме, то точно так же ясно, что потребление полагает предмет производства идеально, как внутренний образ, как потребность, как побуждение и как цель. Оно создает предметы производства в их еще субъективной форме»². Это и обуславливает отмеченное Марксом отличие человеческого труда от деятельности животных, состоящее в том, что человек заранее предполагает результат своей деятельности, имеет его уже в своей голове в идеальной форме. В то же время К. Маркс подчеркивает, что идеальное есть не что иное, как материальное, переведенное в человеческую голову и преобразованное в ней. Во взаимодействии производства и потребления определяющим моментом является производство, и создание в процессе производства предмета в его материальной форме является первичным по отношению к полаганию этого предмета потреблением в его идеальной форме.

Это положение К. Маркса имеет важнейшее значение для понимания сознания как идеальной формы существования объективного мира. В процессе познания предмет познания не исчезает, он остается существовать сам по себе, объективно, но вместе с тем, отражаясь в сознании человека, он в отраженных своих признаках существует также в сознании в виде образа, идеальной копии, одним словом, в виде наших знаний о нем. «Посредством мышления, — говорил И. Дицген, — у нас имеется возможность иметь дело с миром в двоякой форме: вне нас — в действительности, внутри нас — в мысли»³.

Подобное соотношение сознания и объективного мира подчеркивали

В. Ф. Асмус. История античной философии, ИВШ, М., 1965, стр. 36.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 12, стр. 717—718.

И. Дицген. Избранные философские сочинения, стр. 23.

и другие материалисты. Дело заключается не в простом признании существования действительности и сознания, указывал А. И. Герцен, а в связи, в переходе внешнего во внутреннее, в понимании действительного единства их, которое заключается в том, что «...мысль и предмет составляют не два разные предмета, а два момента чего-то единого»¹.

«Действуя на нас,— говорил Г. В. Плеханов,— вещь в себе вызывает в нас ряд ощущений, на основании которых составляется наше представление о ней. Раз явилось это представление, существование вещи удваивается: она существует, во-первых, в себе, во-вторых, в нашем представлении. И совершенно так же ее свойства — скажем, ее строение — существуют, во-первых, сами по себе, а во-вторых, в нашем представлении»². Правда, Г. В. Плеханов сам противоречит этому положению, когда отрицает сходство наших ощущений с действительностью, хотя и утверждает, что они имеют тот же смысл, если перевод действительности на иероглифический язык сознания сделан правильно.

Материалистическое понимание сознания как идеальной формы существования объективного мира означает, что отображаемый предмет, не переставая существовать реально во внешнем мире, становится в нашем сознании идеальным предметом, существующим в виде наших знаний о нем. Поскольку все наши знания о предмете являются относительными, неполными, отражая лишь некоторые его стороны, постольку в форме знания предмет существует только в этой отраженной своей части. В непознанной же своей части он не существует для нашего сознания, хотя и существует объективно, в самой действительности.

Это и означает, по словам В. И. Ленина, что нет принципиального различия между явлением и «вещью в себе», а различие существует лишь между тем, что познано, и тем, что еще не познано. Познание поэтому и представляет собой превращение «вещи в себе» в «вещь для нас», что однако не дает никаких оснований для отождествления наших знаний о предмете с самим предметом. «...понятие о вещи и ее действительность,— писал Ф. Энгельс,— движутся вместе, подобно двум асимптотам, постоянно приближаясь друг к другу, однако никогда не совпадая. Это различие между обоими именно и есть то различие, в силу которого понятие не есть прямо и непосредственно действительность, а действительность не есть непосредственно понятие этой действительности. По той причине, что понятие обладает основной природой понятия, что оно следовательно, не совпадает прямо и непосредственно с действительностью, от которой его сначала надо абстрагировать, по этой причине оно всегда все же больше, чем фикция»³.

Материалистическое понимание сознания в качестве идеальной формы существования объективного мира не имеет ничего общего с субъективно-идеалистическим учением о «чистом опыте», выступающим одновременно в форме субъекта и объекта. По мнению Джемса, например, шедшего в этом вопросе за махистами, вещь можно рассматривать одновременно и как нечто внешнее, и как мое личное переживание, но в обоих случаях человек имеет дело с одним и тем же опытом. Положение о субъективном и объективном одновременно характере чистого опыта исходит из отождествления объективного мира с сознанием познающего субъекта и является лишь иным выражением берклианского положения о том, что вещь есть комбинация ощущений. Это совершенно ясно выступает в утверждении Дьюи о том, что объективная действительность не предшествует идее, а, наоборот, следует за нею, представляя собой не что иное, как ее осуществление, успешное применение идеи в достижении целей субъекта.

А. И. Герцен. Избранные философские произведения, т. 1, стр. 276.

Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения, т. 3, стр. 246.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 482.

Итак, отношение познавательного образа к отображаемому объекту диалектически противоречиво. С одной стороны, образ представляет собой реальное психическое явление, отличное от отображаемого объекта. Вместе с тем посредством образа человек имеет дело с тем же объектом, только идеально. Образ не существует сам по себе, вне отношения к объекту, что находит свое выражение в так называемой предметной отнесенности знания.

В тех случаях, когда предметом познания выступает реальный объект, понимание предметной отнесенности знания не вызывает особых затруднений. Но последние сразу же возникают, когда мы оперируем понятиями, которым нет прямых аналогов в действительности. Наиболее ярко это проявляется в случае ложных понятий и представлений, употребляемых как в научном мышлении, так и за его пределами. История науки дает множество примеров подобных понятий, вроде «мирового эфира», «теплорода» и т. п. Нельзя поручиться, что целый ряд понятий, которыми оперирует современная наука, не разделит их судьбу. Тем более это относится к различного рода фантастическим, мифологическим понятиям и представлениям, вроде «кентавра», «русалки» и т. п.

Объективный источник и способ образования подобных понятий достаточно ясны. Все они являются отражением, хотя и искаженным, объективного мира. Основная трудность связана с определением их предметной отнесенности. Возьмем, например, понятие «эфира». В настоящее время это понятие отвергнуто физикой. Но в XIX веке оно широко применялось для объяснения целого ряда физических явлений, прежде всего, природы света. У физиков в то время не было сомнений в реальности эфира и речь лишь шла о выяснении его конкретной природы и свойств. В чем же в таком случае состояла предметная отнесенность этого понятия? Прежде всего, понятие «мирового эфира» не было полностью беспочвенным. В нем отражались определенные реальные стороны и свойства физических явлений, в частности, волновой характер света. Но понятие эфира относилось, однако, не к самим этим реальным свойствам непосредственно, а к такой их системе, которая выступала в качестве особого физического объекта. Только при таком понимании эфира могла встать проблема определения движения земли относительно эфира, обнаружения эфирного ветра и т. п.

Практически, в эксперименте, физики имели дело с какими-то неизвестными физическими явлениями и процессами, в мышлении же это отражалось как оперирование с таким объектом, как мировой эфир. По сути дела мировой эфир — это объект, существующий лишь в сознании человека. Но если мы успокоимся на констатации этого факта, то не сможем решить проблему предметной отнесенности знания.

Дело осложняется тем, что подобная трудность возникает и в понимании многих истинных понятий, которыми оперирует современная наука. К ним относятся многие математические понятия и, прежде всего, понятие «числа», а также и понятия других наук, например, понятия «материальной точки», «идеального газа» в физике и т. п.

Все эти трудности находят выражение и в знаковой плоскости. В самом деле, что обозначают такие слова, как «мировой эфир», «кентавр», «материальная точка» и т. п. Может быть они обозначают лишь соответствующие понятия и употребляются тем самым лишь в автономном значении? Но это не так. Совершенно очевидно, что мы вкладываем в них определенное предметное содержание.

Нужно признать, что неопозитивисты раньше нас обратили внимание на эту трудность и пытались преодолеть ее путем различения объектов и псевдообъектов. Однако это не решает проблему предметной отнесенности знания, а переводит вопрос совсем в другую плоскость, не говоря уже о том, что неопозитивистский критерий различения объектов и

псевдообъектов — наличие референта — ведет к субъективному идеализму.

Таким образом, все эти трудности также связаны с проблемой соотношения отражения и деятельности в процессе познания. Гносеологической основой ее решения служит понимание сознания как идеальной формы существования объективного мира. Конкретное же выражение это решение находит в понимании познания как интериоризации внешней предметной деятельности человека¹.

Анализируя структуру трудовой деятельности, К. Маркс отмечал, что она включает самый труд, как целесообразную деятельность, предмет труда и средства труда. Кроме того, «в конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действия и которой он должен подчинять свою волю»². Эта цель является отражением потребности человека в результатах его деятельности с предметом.

Таким образом, общая структура человеческой деятельности включает следующие элементы: 1) определенная потребность человека, на удовлетворение которой направлена его деятельность, 2) предмет деятельности, 3) действия с предметом, 4) средства деятельности и 5) результат деятельности. Важно подчеркнуть, что в случае внешней предметной деятельности все эти элементы носят материальный характер и вместе с тем отражаются в сознании человека, но это отражение вплетено в саму предметную деятельность.

При интериоризации внешней предметной деятельности и превращении ее во внутреннюю идеальную деятельность, т. е. в мышление, общая ее структура сохраняется, но также переводится во внутренний идеальный план. Прежде всего меняется характер потребности, на удовлетворение которой направлена деятельность. Целью деятельности становится удовлетворение не материальных, а познавательных потребностей человека, находящих свое выражение в постановке познавательных задач. Решение этих задач осуществляется посредством выполнения определенных познавательных действий с применением тех или иных логических средств мышления. Наконец, предметом такой идеальной деятельности выступают не предметы и явления объективного мира непосредственно, а знания о них, результатом же деятельности оказывается изменение этих знаний.

Таким образом, знание выступает в качестве идеального объекта, с которым осуществляется познавательная деятельность. Но поскольку знание является лишь идеальной формой существования отображаемого в нем объекта, то познается при этом не знание, а сам объект. Однако это не значит, что между знанием, как идеальным объектом, и отраженной в нем действительностью существует взаимоднозначное соответствие. Критикуя агностическую теорию символов, В. И. Ленин указывал, что «изображение необходимо и неизбежно предполагает объективную реальность того, что «отображается»³. Но это положение нельзя понимать упрощенно. Ведь ложные понятия и представления также являются отражением действительности, но в природе нет ни мирового эфира, ни кентавров. Нет в природе также и идеального газа, материальной точки и т. п. Думать, что мир абсолютно таков, каким он отражается в наших знаниях, значит совершать ошибку, аналогичную так называемому «онтологическому доказательству бытия бога».

¹ Это понимание познания с психологической стороны глубоко разработано А. Н. Леонтьевым (Проблемы развития психики, 1965).

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 189.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 223.

Познание как совпадение знаний с объектом, в смысле соответствия первых второму, есть противоречивый процесс, осуществляющийся через диалектическое соотношение объективного и субъективного в самом познании. Ленинское определение ощущения как субъективного образа объективного мира может быть отнесено к познанию в целом. Знания человека о мире всегда имеют две стороны: объективную и субъективную. Первая определяется самим объектом познания и не зависит от субъекта, а вторая, наоборот, субъектом познания, человеком. Соотношение этих сторон диалектически противоречиво, ибо они одновременно исключают и предполагают друг друга.

В каком же отношении познание объективно, а в каком — субъективно? Познание объективно, прежде всего, по своему происхождению, поскольку единственным источником всех наших знаний выступает внешний объективный мир. Познание объективно также в том отношении, в каком оно является истинным отражением объективного мира, т. е. соответствует ему по своему содержанию. В. И. Ленин называл объективной истиной такое содержание человеческих представлений, которое не зависит от субъекта, не зависит как от отдельного человека, так и от всего человечества, поскольку оно определяется объектом познания. Объективны также законы и формы познания, поскольку они также являются отражением наиболее общих объективных отношений между вещами, закономерностей их существования и развития.

Вместе с тем познание всегда субъективно. Оно субъективно, прежде всего, как идеальное отражение объективного мира, как переведенное, говоря словами К. Маркса, на человеческий язык материальное. Познание также субъективно, поскольку оно является всегда неполным, приблизительным отражением объективного мира, что приводит к относительности различия между истиной и заблуждением. Хотя заблуждение обуславливается в конечном счете объективными общественно-историческими условиями, но в гносеологическом отношении оно представляет собой субъективный момент в познании. Диалектика здесь в том, что во всякой относительной истине есть частичка абсолютной, что имеет важнейшее значение в борьбе с субъективизмом и релятивизмом.

В процессе познания неизбежно в той или иной мере смещение объективной и субъективной сторон, что при определенных социальных условиях выступает гносеологической основой идеализма. Так, субъективный идеализм абсолютизирует субъективную сторону ощущений, отрывает их от внешнего мира как их объективного источника и превращает сам внешний мир в комплекс ощущений познающего субъекта. Но развитие познания на основе общественной практики постоянно корректирует наши знания, позволяет отделить в них объективное от субъективного и познавать мир таким, каким он существует на самом деле. «Человеческие понятия,— по словам В. И. Ленина,— субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике». «Ход познания приводит его к объективной истине»¹.

Однако это не значит, что с развитием научного познания субъективная сторона в нем исчезает. Она также получает дальнейшее развитие, выступает в новых формах и отношениях. Не говоря уже о том, что на любом этапе познание сохраняет относительный характер и содержит, наряду с истинными знаниями, также заблуждения, с его развитием изменяются конкретные формы диалектического соотношения объективного и субъективного. На современном этапе развития научного познания важно подчеркнуть такие формы их соотношения, которые связаны с его творческим характером, с активным применением новых средств и методов научного исследования.

¹ В. И. Ленин. Философские тетради, 1947, стр. 180 и 179.

Диалектическое познание явлений природы и общества в их взаимной связи и развития не может основываться на простом наблюдении фактов и сопоставлении данных наблюдений. Оно опирается на развитие общественной практики, получая теоретическое выражение в разработке различных логических систем знания. Не случайно вошло в обиход выражение: «построение» науки, теории, концепции и т. д. Современная научная картина мира в буквальном смысле слова строится. Такими построениями являются «Капитал» К. Маркса и системы неевклидовой геометрии, модели атома и метагалактики и т. п. Движение научной мысли определяется уже не непосредственно объективным миром, а сложившейся системой знаний, благодаря чему оно приобретает относительно самостоятельный характер. Особенно ярко это обнаруживается в различных аксиоматических теориях, например, в геометрии. Математизация физики и других отраслей современного естествознания еще более усиливает эту черту и придает ей всеобщий характер.

Субъективная сторона процесса мышления и проявляется в том, что мышление выступает как познавательная деятельность с идеальными объектами, которым часто нет прямых аналогов в действительности. В связи с этим необходимо выяснить гносеологический смысл понятия «идеальный объект», которое широко применяется сейчас в теории познания и логике. Д. П. Горский, например, употребляет в этом смысле термин «абстрактный предмет». При этом он проводит различие между понятием и абстрактным предметом¹. Это различие он видит в том, что понятие выражает свойства в такой форме, что они приложимы к отдельным объектам (Иванов — честный), а абстрактные предметы не приложимы (честность). Однако в дальнейшем Горский сам же показывает относительность этого различия. Действительно, предикаторное воздействие возможно только в том случае, если субъект и предикат в суждении будут сравнимыми понятиями. Применительно к приведенному примеру это можно выразить в двух формах: «Иванов — честный человек» и «Свойством Иванова является честность».

Противопоставление понятий и абстрактных предметов, а к ним Горский присоединяет еще так называемые идеализированные предметы, вроде материальной точки, может привести к выводу, что когда мышление оперирует такими предметами, оно теряет понятийный характер. Конечно, между понятиями о вещах и понятиями о свойствах самих по себе имеются определенные логические различия, но развитое логическое мышление всегда осуществляется как понятийная деятельность. В связи с этим любое понятие как истинное, так и ложное, а также и более сложные системы знаний представляется возможным рассматривать как идеальные объекты, с которыми и осуществляется непосредственно познавательная деятельность, а через них уже раскрывается отношение познания к объективному миру. Даже когда мы решаем простейшую арифметическую задачу, вроде такой, например: «Сколько нужно заплатить за полкило хлеба, если 1 кг стоит 20 копеек», — мы оперируем с некоторой идеальной ситуацией, существующей в нашем сознании, и отражающей объективные количественные отношения и реально возможную конкретную форму их проявления в действительности.

Понимание познания как деятельности с идеальными объектами, отражающими реальную действительность, дает возможность применить к нему ряд новых понятий и положений, играющих важную роль в современной науке. Прежде всего, представляется естественным распространить на понимание познания понятие моделирования.

Метод моделирования в его различных специализированных формах получил очень широкое применение в современном научном познании. В связи с этим все большее внимание привлекает анализ гносеологических

¹ Д. П. Горский. Вопросы абстракции и образование понятий, М., 1961, стр. 103.

проблем моделирования. Однако в большинстве случаев оно рассматривается как специальный, хотя имеющий очень широкую сферу применения, метод познания. Нам представляется, что познание в целом может рассматриваться как моделирующая деятельность.

Понятие модели выражает наличие сходства в каком-либо отношении моделирующего объекта с моделируемым. Модель воспроизводит некоторые стороны последнего, отражает их. Благодаря этому модель может быть использована в определенных целях вместо моделируемого объекта, в частности она может заменять моделируемый объект в познавательной деятельности. В этом случае познавательные действия осуществляются не с самим объектом, а с его моделью, но через деятельность с моделью познается в конечном счете сам объект.

Эта характеристика модели и ее роли в процессе познания целиком применима и к самому познанию. Знание как идеальный объект, т. е. как идеальная модель отображаемого объекта, замещает последний в процессе познания. Поэтому познание осуществляется как деятельность не с предметами и явлениями объективного мира непосредственно, а как деятельность понятийная, но вместе с тем оно является познанием самого объективного мира.

Рассматривая познание как моделирующую деятельность, нужно подчеркнуть, что в качестве идеальной модели объекта знание выступает со стороны своего содержания, а не внешних, в частности, знаковых средств выражения. Это ни в коей мере не отрицает роли последних в процессе моделирования, но важно различить применение языка в процессе содержательного мышления и формализацию последнего в каких-либо знаковых системах. В первом случае язык выступает лишь средством выражения знания как идеальной содержательной модели объекта, а во втором — сама знаковая система выступает в качестве модели, но не идеальной, а материальной. Переход от нее к содержательной идеальной модели, т. е. к содержательному знанию, осуществляется путем интерпретации или раскодирования.

Наконец, понимание познания как деятельности с идеальными объектами, отражающими реальную действительность, позволяет рассмотреть его также в информационном плане. С этой точки зрения, познание представляет собой деятельность по получению и переработке информации. Само понятие информации, правда, не получило до сих пор четкого определения, но ряд его черт, имеющих существенное значение для решения поставленной проблемы, выступают достаточно ясно. Это касается, во-первых, отличия информации и ее объекта. Поэтому деятельность по передаче и переработке информации не есть деятельность с самим объектом информации. Во-вторых, информация не обладает собственным содержанием, поэтому через деятельность с информацией раскрывается состояние и поведение самого объекта. В-третьих, содержание информации отлично от материальных средств ее передачи, хранения и переработки.

Все эти черты являются общими для информационного процесса в любой его форме: осуществляется ли он в голове человека или в каких-либо технических устройствах. Различие этих двух форм лишь в том, что в голове человека содержание информации выступает в виде знания, т. е. в виде идеальной содержательной модели объекта, а в технических устройствах — в закодированном виде.

Таким образом, применение к анализу познавательной деятельности понятий моделирования и информационного процесса не только раскрывает их общность в определенных отношениях, но позволяет также более глубоко раскрыть гносеологическую природу сознания, более конкретно установить взаимосвязь отражения и деятельности в процессе познания.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СООТНОШЕНИЯ ТРУДА И ПОЗНАНИЯ

Познавательная деятельность является частным случаем деятельности социальной. Выделившись из процесса труда¹, она продолжает быть связана с ним по многим своим параметрам. Это проявляется не только в том, что труд выступает в качестве основы познания и критерия истины, а потребности труда определяют, в конечном счете, направленность познания. Перечисленные стороны зависимости познания от труда в более или менее достаточной степени раскрыты в марксистской философской литературе. Связь познания с трудом заключается также и в том, что структура познавательной деятельности в принципе не отличается от структуры труда, обусловлена и порождена ею. Поэтому мы вправе говорить об относительности противопоставления по структурным элементам труда и познания. Отличие этих двух видов деятельности состоит в первую очередь в их функциональных особенностях в целом и отдельных составляющих элементов структуры. Поскольку познавательная деятельность является аналогом трудовой, структурно-функциональный анализ К. Марксом труда и его основных элементов имеет прямое отношение к исследованию структуры и функций элементов.

Выделяя основные элементы труда — целесообразную деятельность, или сам труд, предмет труда и средства труда, К. Маркс подчеркивал их подвижность в процессе деятельности. Тот или иной предмет становится средством, предметом или продуктом труда в зависимости от выполняемой им функции. Так продукт труда может стать предметом или средством труда, предмет труда — средством труда и т. д.

Наиболее интересно в плане сопоставления по структуре и функции труда и познания рассмотрение К. Марксом средств труда. Средства труда он называет посредниками между природой и человеком, с помощью которых происходит изменение предмета труда. Предметом труда, по его мысли, человек овладевает всегда опосредствованно с помощью средств труда, данных человеку непосредственно. Даже тогда, когда имеется иллюзия как бы непосредственного овладения предметом, эти посредники присутствуют. Так, в определенных случаях в качестве посредников — средств труда выступают «органы тела рабочего»².

К числу средств труда К. Маркс относит большой комплекс предметных явлений, одни из которых служат для прямого воздействия на предмет труда, результатом которого является продукт труда (это костно-мышечная система производства), другие служат только для хранения предметов труда (сосудистая система производства). Поэтому в качестве средств труда в широком смысле К. Маркс называет «все материальные условия, необходимые вообще для того, чтобы процесс мог

¹ Термин «труд» в статье употребляется для обозначения деятельности, конечным результатом которой является материальный продукт.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 190.

совершаться»¹. Иначе говоря, в узком смысле о средствах труда он говорит как об «орудиях воздействия на другие вещи»², а в широком смысле как обо всех условиях, при которых может совершаться трудовая деятельность. Несомненно, что та или иная вещь является орудием или средством труда в широком смысле лишь в зависимости от своего назначения в конкретном трудовом акте.

Рассматривая функциональные отличия трудовой и познавательной деятельности, надо отметить специфику их задач. Задачей труда является получение определенного материального продукта, который затем идет в индивидуальное или общественное потребление. Задачей же познания является получение знания, которое существует как знак (знаковая форма, отнесенная к объективному содержанию). Та или иная деятельность человека может рассматриваться как трудовая или познавательная в первую очередь по своей общей задаче и конечному продукту. Далее, отличие труда и познания проявляется в специфике воздействия на объект. Если в процессе трудовой деятельности объект (предмет) труда обязательно подвергается физическому воздействию, то в процессе познавательной деятельности этого может и не происходить, а если происходит, то результат воздействия не относится к прямым продуктам познавательной деятельности.

Функциональное отличие труда и познания можно также проследить в специфике назначения процедур, совершаемых с объектами. Так, например, исследуя операцию мышления, как элементарную клеточку познавательного процесса, Г. П. Щедровицкий пришел к выводу, что она состоит «из двух функционально-различных частей (называемых действиями) — сопоставления и отнесения. Сопоставления — это действия с объектами (или знаками, заместителями объектов), посредством которых выделяются определенные единицы объективного содержания; отнесения — это действия по установлению связи между объективным содержанием и знаковой формой»³. Действия с объектами внешне могут напоминать и трудовые действия, однако последние не ставят себе целью сопоставление каких-либо предметов (т. е. не несут функцию сопоставления), действия же отнесения ни внешне, ни функционально не похожи на трудовые процессы.

В предыдущих рассуждениях о связи и различии трудовой и познавательной деятельности мы старались подчеркнуть, что их отличие заключается совсем не в том, что в процессе труда люди действуют с материальными предметами, а в процессе познания со знаками — различие их состоит главным образом в той функции, которую выполняет та или иная деятельность. Для нас доказательство этого тезиса особенно важно, так как мы, рассматривая средства познавательной деятельности, исходим из того, что познает человек с помощью всех средств, которые ему представляет для этого природа и общество, что мышление человека поэтому не есть только процесс, совершающийся «в уме», он может выражаться и в действиях с материальными предметами, т. е. и в форме внутренней мыслительной деятельности и во «внешней практической форме», «протекающей в виде действий с внешними объектами»⁴.

Анализ К. Марксом структуры трудовой деятельности послужил основой для воспроизведения и изучения структуры познавательной деятельности. Так, в работе Г. П. Щедровицкого «Проблемы методологии системного исследования» строение познавательной деятельности очень удачно, на наш взгляд, изображено в специальной «блок-схеме», включа-

¹ Там же, стр. 191.

² Там же, стр. 190.

³ Г. П. Щедровицкий. О различии понятий «формальной» и «содержательной» логик. В кн. «Проблемы методологии и логики науки», Томск, изд. ТГУ, 1962, стр. 88.

⁴ А. Н. Леонтьев. Мышление. «Философская энциклопедия», т. 3, стр. 515.

Ющей «основные составляющие» «любого акта» деятельности по получению знаний»¹.

ЗАДАЧИ	ПРОЦЕДУРЫ	ФОРМЫ ЗНАНИЯ
СРЕДСТВА		ОБЪЕКТЫ

Данная схема представляет самое общее выражение основных элементов, входящих в социальный механизм познания. Система связи этих элементов не является однозначной, она зависит от вида познания — отсюда вытекает задача типологии познания. Сами же элементы выступают как сложные образования — отсюда вытекает задача выяснения функций и структуры самих элементов как подсистемных образований. Исходя из этой последней задачи, в соответствии с предметом нашего исследования, мы обратимся к анализу функций, которые выполняют познавательные средства.

Экстраполируя рассмотренные положения К. Маркса о средствах труда на средства познавательной деятельности, можно ли среди них выделить средства в широком смысле слова и в узком, т. е. орудия познания? Нам представляется, что такая аналогия вполне правомерна. В число средств познания в широком смысле можно отнести все необходимые условия, при которых может совершаться познание и которыми человек овладевает непосредственно. Среди этих необходимых условий далеко не все принимают прямое участие в «воздействии» на предмет познания с целью получения знаний. Однако и здесь должен быть функциональный подход. Так, наличие языковых средств является необходимым условием совершения познавательного процесса. Но язык можно рассматривать и как орудие познавательной деятельности на ступени теоретического познания. А рецепторный аппарат человека, выступая как всеобщее условие любого познания, может рассматриваться как орудие на уровне эмпирического восприятия объекта. Поэтому разделение средств познания на собственно орудия и средства познания очень подвижно и относительно.

Элиминируя пока это разграничение, постараемся дать общую характеристику средств познавательной деятельности. При таком общем подходе можно выделить две большие группы — знаковые и предметные средства познания². (Логико-методологические формы познания мы относим к процедурам познавательной деятельности, т. к. они состоят из познавательных действий, операций, способов и методов познания).

Знаковые средства выступают в виде языковых знаков (естественных и искусственных) и неязыковых (знаки копии, признаки, показатели, сигналы). Предметные средства эмпирического познания — это приборы, эталоны, установки, экспериментальные устройства. Различие знаковых и предметных средств имеет главным образом функциональное основание. За этими пределами оно относительно, ибо знак тоже предмет, а любое материальное средство, используемое в познании, может функционировать и как знак. Однако их основное назначение оказывается несовпадающим. Знак состоит из знаковой формы, отнесенной к определенному объектному содержанию. Его функция — быть обозначением предметов, а поэтому и средством коммунизации между людьми. Знак всегда выступает как заместитель некоторого предмета (или знака), его собственная предметная форма не имеет самостоятельного значения, являясь лишь средством обозначения другого предмета.

Г. П. Щедровицкий. Проблемы методологии системного исследования. Изд. «Знание», М., 1964, стр. 12.

² С целью ограничения и некоторого упрощения проблемы соотношение предметных и знаковых средств рассматривается на базе анализа деятельности по получению эмпирического знания.

Предметные средства являются средствами выделения предметного объективного содержания (которое получает свое обозначение в знаке) или средствами, создающими условия для такого выделения. Предметные средства познания представляют собой материальные тела искусственного или естественного происхождения, которые человек приводит в соприкосновении с объектом познания с целью выявления свойств последнего или создания соответствующих условий для такого выявления. Процесс использования предметных средств познания предполагает наличие в познании не только внутренне мыслительных, но и внешне предметных действий. Однако эти внешнепредметные действия, как мы уже отметили, не относятся по своим функциям к трудовой деятельности: их назначение заключается не в получении материального продукта, т. к. результат познавательной деятельности, в которую включены эти действия, существует в форме знания.

Наличие предметных средств познания обусловило и существование особых предметных познавательных процедур, связанных с использованием этих средств. Причем, сами эти действия могут быть названы познавательными лишь в составе более сложного цикла, в котором завершающим моментом будут действия в знаковой плоскости и результатом явится некоторое знание. Вне этого цикла такие действия могут быть как трудовыми (если они включены в акт труда), так и не относящимися ни к трудовым, ни к познавательным (если они не включены ни в один из этих циклов). Например, если мы приставим линейку к какому-либо предмету и не произведем действия «считывания» ее показаний или хотя бы действия сопоставления ее с предметом по длине и выражения результата сопоставления в реальных или потенциальных высказываниях типа «больше-меньше» и т. п., то само действие с линейкой явится ни трудовым, ни познавательным.

Отличие предметных средств познания от знаковых заключается не только в том, что они играют роль среды, с помощью которой выявляются свойства объекта, ни в том, что они могут быть и средствами труда, т. е. выполнять функцию воздействия на предмет с целью его преобразования в материальный продукт. Так, например, прибор, используемый для автоматического контроля и регулирования производственного процесса, является средством трудовой, а не познавательной деятельности. Функционирование выделенных нами предметных средств как средств познания или средств труда всецело определяется их включением в трудовой или познавательный акт. (При этом надо иметь в виду, что в трудовом процессе осуществляются и познавательные действия, которые имеют самостоятельный цикл и самостоятельное значение. Но это уже другая проблема).

Итак, противопоставление труда и познания как предметной деятельности и деятельности «в уме», как материального и идеального процесса, за пределами основного вопроса философии относительно и не всегда имеет смысл. Так, при рассмотрении познания как деятельности по получению знания предметность или не предметность не являются специфическими признаками, по которым можно было бы отнести действия субъекта к трудовому или познавательному акту. Мало того, эмпирическое познание обязательно включает в себя в той или иной форме («свернутой» или «развернутой») действия с предметами, а в арсенал средств познавательной деятельности обязательно входят особые предметные средства. Основанием для различения труда и познания как двух видов социальной деятельности является анализ функций основных элементов, составляющих их структуру. Подобный структурно-функциональный анализ трудовой деятельности был дан К. Марксом в «Капитале». В настоящей статье была сделана попытка экстраполировать этот метод исследования для сопоставления труда и познания.

О РОЛИ ЗНАКОВЫХ СРЕДСТВ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

Одна из особенностей развития науки состоит в том, что усиливается осознанность познавательного процесса — он не совершается стихийно, а внутри самой науки вырабатываются специальные средства познавательной деятельности, в том числе различные знаковые средства. Современная наука вообще немыслима без широкого использования знаковых средств и систем — с их помощью осуществляются сложные преобразования информации без непосредственного обращения к обозначаемым объектам, производится логический анализ различных теорий, строятся логические доказательства тех или иных положений и т. д.

В данной статье из проблемы функционирования знаковых средств в теоретическом познании берется для обсуждения более узкий вопрос — роль знаковых средств в формировании предмета теоретического исследования, в частности, предмета аксиоматических теорий. Постановка вопроса о предмете аксиоматических теорий обусловлена следующим. За последнее время в философской литературе появился целый ряд работ, посвященных анализу аксиоматического метода построения научного знания¹, в которых рассматривается история развития аксиоматики, структура аксиоматически построенного формализованного языка, обсуждаются вопросы о границах применимости аксиоматического метода в познании закономерностей объективной действительности и т. д. Однако нигде не изучается вопрос о предмете исследования аксиоматических теорий. Правда, в работе В. Н. Садовского говорится, что «предметом аксиоматически построенной теории являются любые ее интерпретации»². Но этот вывод не был результатом какого-то детального и специального анализа проблемы предмета вообще, и предмета аксиоматических теорий в частности. А такой анализ совершенно необходим, ибо вопрос о предмете исследования — это один из первых вопросов, которые встают в логике при анализе познавательной деятельности в какой-либо области науки.

Аксиоматические теории — специфический способ организации научного знания. Изучение этапов развития предмета этих теорий, выяснение средств задания предмета и т. п. поможет выяснить и некоторые черты формирования предмета теоретического исследования в целом. Кроме того, рассмотрение этих вопросов может иметь «прикладное» значение — очевидно, что аксиоматические системы многих разделов математики находятся на более высоком уровне развития, чем известные аксиоматические системы в физике, механике, биологии. Поэтому, есте-

¹ В. Н. Садовский. Аксиоматический метод построения научного знания, сб. «Философские вопросы современной формальной логики». М., 1962, изд. АН СССР; сборник «Проблемы мышления в современной науке», гл. 7, § 5 — Аксиоматический метод и аксиомы. «Мысль», М., 1964; А. А. Фурман. Логическая структура аксиоматических систем физики. Ученые записки ТГУ, 1964, № 52, изд. Томского университета; и др.

² В. Н. Садовский. Указ. раб., стр. 222.

ственно, что для развития этих наук имело бы определенный смысл знать этапы своего дальнейшего пути, средства перехода от одного этапа к другому и т. п.

В рамках данной небольшой статьи обсудить все эти вопросы невозможно. Здесь будет предпринята попытка описать, и то лишь схематично, как функционируют различные знаковые средства в процессе формирования предмета исследования аксиоматических теорий на разных этапах их развития. Средствами такого описания будут служить некоторые из расчленений, введенных в работах Г. П. Щедровицкого¹ и М. А. Розова², посвященных анализу проблемы предмета. Во всяком процессе исследования обычно выделяют группу явлений и определяют ту точку зрения, с которой она будет рассматриваться. Для того, чтобы подчеркнуть, что одно и то же явление может быть рассмотрено с разных точек зрения, вводятся два понятия: объект (то, с чем оперирует наука) и предмет исследования (сторона объекта, которая выделяется в нем в деятельности по постановке и решению познавательных задач). Если на этапе эмпирического исследования объект задан как объект экспериментальных процедур, то на этапе теоретического исследования объектом являются некоторые знаковые конструкции, и вопросы: «как строятся такие знаковые конструкции», «как они функционируют» и т. п., — и представляют собой вопрос о том, что исследуется на теоретическом этапе.

В качестве конкретной аксиоматической теории, которую мы будем анализировать, возьмем евклидову геометрию и рассмотрим, как там возникает такая знаковая оперативная система как чертеж, как меняются функции чертежа на разных этапах развития аксиоматического метода в геометрии, исходя из каких задач там вводятся новые знаковые системы и т. п.

Основная задача статьи — выяснение вопроса о предмете теоретического исследования. Начать ее решение необходимо с краткого рассмотрения эмпирического исследования, ибо оно генетически всегда предшествует теоретическому как этап развития науки. Именно в недрах эмпирического исследования вырабатываются средства для построения адекватной модели объекта, чтобы можно было исследовать объект теоретически, не обращаясь к эксперименту³. Иными словами этап эмпирического исследования будет интересовать нас именно с точки зрения возникновения чертежа как знакового образования.

Эмпирическое исследование в геометрии почти не представлено в дошедших до нас текстах научных работ. Геометрия со времен древних греков является перед читателем в виде стройной теоретической системы «Начал» Евклида. Пользуясь немногими оставшимися источниками (шумеро-вавилонские клинописные таблички, египетские папирусы и т. п.), можно лишь предположительно восстановить то, как начиналось развитие познавательной деятельности в геометрии, как там возник и функционировал чертеж. Это сделано, например, В. М. Розиным в работе «Логический анализ функций чертежа в геометрии»⁴. Розин считает, что первоначально чертеж был рисунком или моделью различных объектов, относительно которых решались задачи на вычисление площадей, объемов и т. п., на чертеже проставлялись числа, обозначающие, напри-

Г. П. Щедровицкий. Проблемы методологии системного исследования. М., «Знание», 1964.

² М. А. Розов. Предмет исследования и некоторые закономерности его формирования и развития. «Проблемы исследования систем и структур», материалы к конференции. М., 1965.

³ См., напр., В. С. Швырев. Некоторые вопросы логико-методологического анализа отношения теоретического и эмпирического уровней научного знания. «Проблемы логики научного познания». Наука, М., 1964, стр. 66.

⁴ Тезисы докладов на II съезде общества психологов, вып. 2. Изд. АПН, М., стр. 172—175.

мер, размеры поля. Рисунок и числа задавали алгоритм деятельности, необходимый для подсчета площади поля. То есть чертеж сначала возник как средство описания объектов, встречающихся в практической деятельности человека, как средство, фиксирующее, выделяющее в этих объектах то, что было важно для решения геометрических задач, — форму.

Чертеж — это знак-модель, поэтому с ним можно совершать некоторые эмпирические процедуры: измерять длину отрезков линейкой, величину углов транспортиром и т. п. В конструкторской деятельности, например, как раз важны такие свойства чертежа. Наличие в геометрии задач на построение с помощью циркуля и линейки обусловлено тоже, вероятно, тем, что чертеж сохраняет форму знака-модели. Если сравнить развитие знаковых систем в геометрии и арифметике, то можно обнаружить, что и в формировании систем счисления был этап существования знаковых-моделей. Например, у майя такой знак представлял собой количество кружков, точно равное количеству обозначаемых объектов¹. Однако в настоящее время в арифметике это пройденный этап, там возникли цифры — новая знаковая система, не имеющая ничего общего по своей знаковой форме с обозначаемыми множествами объектов. Правда, если проводить параллель дальше, то, вероятно, можно сказать, что обозначение геометрических объектов в аналитической геометрии с помощью уравнений является чем-то подобным (с логической точки зрения) переходу к арабским цифрам в арифметике.

Но, несмотря на то, что по своей знаковой форме чертеж — это знак-модель, он выступает в геометрии как некоторая условная, оперативная система, ибо там совершенно не важно, действительно ли на чертеже какие-то отрезки равны, а важно лишь, что будут равны те отрезки, которые обозначены соответствующими линиями чертежа. Чертеж, например, « Δ » — знак особого рода, в отличие от знака «треугольник», ибо сама знаковая форма «треугольник» не имеет значения. И для того, чтобы объяснить кому-нибудь, что такое треугольник, пользуясь знаком «треугольник», необходим еще эталон, т. е. надо показать при этом какой-либо объект треугольной формы: треугольное поле или треугольный лист бумаги. А знак « Δ » сочетает в себе и знаковую форму, и эталон.

«На каком-то этапе развития в контексте уже выработанных способов деятельности встает новая задача — сравнить между собой различные фигуры или преобразовать одни в другие. При этом чертеж как бы отрывается от нижней плоскости объектов (полей, пирамид) и сам становится объектом особого рода, относительно которого образуются новые знания»². Превращение чертежа в объект особого рода означает изменение алгоритмов деятельности в геометрии — это уже не вычисление, а преобразование и сопоставление чертежей, разложение одного чертежа на несколько и т. п. Возникает геометрия как наука — в отличие от «свода» некоторых эмпирически найденных формул и алгоритмов теперь это система теоретического знания с выводом и обоснованием. Появляется и особый метод построения теории в геометрии — дедуктивный или аксиоматический, когда ряд предположений принимается без доказательства, а все остальное знание выводится из этих предложений по заранее фиксированным логическим правилам или законам.

Первый этап развития аксиоматического метода в геометрии представлен «Началами» Евклида. Чертеж там выступает как такая оперативная система, схемы деятельности с которой заданы аксиомами и постулатами. Но, вообще говоря, утверждения «Начал» не относятся ни к

¹ См., напр., В. Истрин. Возникновение и развитие письма. Наука, М., 1965, стр. 119.

² В. М. Розин, указ. раб., стр. 174.

чертежам, ни к объектам из практической деятельности человека. Они относятся к чему-то другому — некоторым идеальным объектам: «параллельным вообще», «треугольникам вообще» и т. д. А чертеж является посредником в деятельности построения знания об этих идеальных объектах. Можно сказать, что чертеж — это предмет оперирования в геометрии, а схемы деятельности заданы аксиомами.

Наличие чертежа в аксиоматической системе Евклида отнюдь не является свидетельством полуинтуитивного характера античных доказательств. Конструктивная деятельность Евклида с чертежами наряду с дедуктивным выводом или доказательством в собственном смысле слова есть свидетельством сложной логической структуры деятельности по построению знания в «Началах».

Далее, Розин отмечает, что важнейшим моментом деятельности с чертежами в геометрии становится разделение их на связанные между собой структуры и выделение структур, которые в геометрических рассуждениях необходимо связывать¹. Проиллюстрируем это на примере анализа доказательства предложения 30 из 1 книги «Начал»²: «Прямые, параллельные той же прямой, параллельны и между собой».

В доказательстве этого предложения для нас важно следующее:

1. Сначала Евклид вводит в ход доказательство чертеж, т. е. то, о чем в теореме говорится в общем виде, он прилагает к фактически выполненному чертежу и формулирует по чертежу то, что требуется доказать: прямая АВ параллельна ЕФ, прямая СД параллельна прямой ЕФ. Доказать, что АВ параллельна СД.

2. Затем он преобразует исходный чертеж — проводит прямую НК, пересекающую все три заданные прямые АВ, СД, ЕФ.

3. Преобразовав чертеж, Евклид получает возможность выделить в нем некоторые «знакомые» или эталонные конструкции, относительно которых уже сформулировано определенное знание в аксиомах или в доказанных теоремах. Проведя секущую НК, он выделяет такую, например, эталонную ситуацию: две параллельные прямые и секущая. Это позволяет ему воспользоваться предложением 29 о том, что прямая, падающая на параллельные прямые, образует накрест лежащие углы, равные между собой.

Таким образом, оказывается³, что в операциях с чертежом можно обнаружить аналоги эмпирических процедур: преобразование чертежа аналогично преобразованию объекта в эксперименте к удобному для наблюдения виду; распознавание эталонных ситуаций на чертеже аналогично наблюдению в эмпирическом исследовании и т. п. Но это не более, чем только аналогии, ибо с чертежом в геометрии не действуют как с физическим объектом, с ним не совершается физический эксперимент и т. д.

Рассмотренный факт (доказательство предложения 30) является типичным для геометрических книг «Начал». Это позволяет сделать вывод, что деятельность с чертежом — необходимый момент при построении знания в аксиоматической системе Евклида: сначала преобразуется чертеж для того, чтобы привести исследуемые ситуации к эталонным, которые тоже заданы с помощью чертежа, а затем уже следует дедуктивный вывод. Но в деятельности Евклида с чертежом существенно то, что он исходит при этом из понимания, знает, какие именно объекты чертеж обозначает. Поэтому ему нет необходимости фиксировать в постулатах и аксиомах все операции, которые он совершает с объектами.

Следующий этап развития аксиоматического метода в геометрии

¹ В. М. Розин, указ. раб., стр. 174.

Доказательство см.: «Начала Евклида». Книги 1—5, М.—Л., 1948, стр. 42—43.

³ Это подробно проанализировано в кандидатской диссертации Г. П. Щедровицкого «Языковое мышление» и методы его исследования». М., 1964.

представлен наиболее отчетливо «Основаниями геометрии» Гильберта. При построении геометрии у Гильберта тот же предмет исследования, что и у Евклида — закономерности евклидовой геометрии. Однако создавая «Основания геометрии», Гильберт решал главным образом другую задачу — построить такую систему аксиом, которая полностью характеризовала бы геометрическое исследование, т. е. Гильберт специально занимается деятельностью по обоснованию знания — строит систему аксиом и устанавливает ее непротиворечивость, полноту и т. д.

Исходя из такой системы аксиом в деятельности получения знания, операции с чертежом можно совершать чисто формально, можно и не знать, какие объекты чертеж обозначает, ибо все необходимые операции зафиксированы в аксиомах. То есть если у Евклида чертеж был знаком, жестко связанным с единственной системой объектов, то у Гильберта чертеж становится обозначением всех возможных объектов, удовлетворяющих аксиомам.

В аксиоматических системах типа гильбертовой не зафиксирована никакая определенная оперативная система в качестве посредника, и часто приводятся доказательства теорем, не содержащие ссылок на использование оперативных систем. Но получение знания и изложение доказательства — это разные процессы¹. Изложить доказательство можно и без привлечения оперативной системы, а получить знание на этапе теоретического исследования в принципе невозможно без какой-либо оперативной системы, ибо при ее отсутствии пропадает система эталонов, становится невозможным проведение исследовательских процедур, аналогичных эмпирическим процедурам, и т. д. И Гильберт в «Основаниях геометрии» широко пользуется различными системами: чертежом, аналитическими и числовыми пространствами.

Появление у Гильберта вопросов о непротиворечивости и полноте системы аксиом означает построение нового предмета исследования. Изучается уже не объект геометрии, а сама геометрия как система знания становится объектом исследования; вопросы же о непротиворечивости, полноте, независимости системы аксиом характеризуют предмет исследования, т. е. показывают, что в этом объекте интересуется исследователя.

Деятельность по обоснованию знания, т. е. необходимость решать вопросы о полноте и т. п., как и любое теоретическое исследование, требует для своего осуществления какой-либо оперативной системы, и она появляется — аксиомы записываются на искусственном формальном языке и в качестве правил берется одно из исчислений математической логики. Эта новая знаковая система, возникнув для решения задач обоснования знания, функционирует и в деятельности построения знания. Правда, в геометрии Евклида в этом нет необходимости, ибо она построена и закончена и без такой системы. Но в общем, деятельность записи аксиом на формальном языке и получение знания путем операций в этом языке представляют собой третий этап развития аксиоматического метода². И на этом этапе есть процедуры, аналогичные эмпирическим, — преобразование формул, причем эталонные формулы, которые надо распознавать, задаются метатеоремами.

Уже после деятельности Гильберта стало ясно, что система объектов Евклида — одна из возможных интерпретаций, и для того, чтобы строить знание, вовсе не надо иметь в виду ту или иную интерпретацию геометрических объектов. Интерпретации функционируют после того, как теории построены, например, в деятельности по обоснованию знания (в качестве средств), или определяют сферу применения теории, поэтому и неправо-

См., напр., Д. Пойа. Математика и правдоподобные рассуждения. М., ИЛ. 1957.

² Об этапах развития аксиоматического метода см. В. Н. Садовский, указ. раб., стр. 215—226.

мерно считать, что интерпретации — это предмет аксиоматических теорий.

Таким образом, рассмотрение аксиоматики показывает, что процесс построения предмета теоретического исследования представляет собой создание целого ряда замещений объекта знаками (причем, часто эти знаки первоначально возникают из потребностей другой деятельности), задаются правила оперирования со знаками, и исследование состоит, в частности, в том, что совершаются операции с этими знаками, а затем результаты интерпретируются на объект.

О СПЕЦИФИКЕ ЗНАКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МЫШЛЕНИИ

На материале художественной литературы

Необходимость решения вопроса о специфике искусства определяется как задачами теоретического характера, так и практическими задачами эстетического воспитания.

Обычно специфику искусства стараются выяснить, определяя его место в системе других форм общественного сознания, его назначение и роль в общественной жизни.

В системе гносеологических категорий искусство рассматривается как специфическая форма отражения действительности. Сравнение научного и художественного познания осуществляется путем сопоставления таких категорий, как понятие, силлогизм, научная теория, с одной стороны, и художественный образ — с другой. Понятие силлогизм, теория — категории логики, художественный образ — эстетики. И хотя в своем возникновении, функционировании они подчиняются различным законам, подобное сопоставление дает свои положительные результаты в исследовании проблемы соотношения научного и художественного мышления.

Тем не менее нам представляется, что в исследовании данной проблемы лучше использовать такие категории, которые в равной мере применяются как в научном, так и в художественном мышлении. Такими категориями являются категории знака, модели, предмета исследования. Использование их в качестве методологических категорий поможет, как нам кажется, выяснить специфику художественного мышления.

Данная статья представляет собой характеристику знаков, которые удалось выделить при анализе литературно-художественных текстов.

В исследовании специфики знака в художественном мышлении мы исходим, во-первых, из понимания мышления как деятельности по выработке новых знаний, которые из продуктов индивидуальной деятельности посредством знаков отчуждаются в форму общественной культуры, во-вторых, из понимания знака как единства значения и знаковой формы. Тот или иной природный материал становится знаком в деятельности сопоставления и соотнесения. Один и тот же процесс деятельности порождает и содержание и форму знания. Значение знака с этой точки зрения создается в процессе деятельности и определяется способом этой деятельности, то есть типом сопоставления, характером выделяемого содержания и характером связи между выделенным содержанием и знаковой формой. Следовательно, «чтобы раскрыть суть и природу значений, необходимо проанализировать природу и суть... деятельности, которая эти значения создает. В то же время «значение знака создает его специфику как знака»¹.

Обращаясь непосредственно к анализу знака в художественном

¹ Г. П. Щедровицкий. «Языковое мышление» и методы его исследования». М., 1964, автореферат кандидатской диссертации.

мышлении, следует отметить, что в деятельности по созданию художественных произведений все обстоит сложнее, чем в научном мышлении. Сложность состоит, во-первых, в том, что художественное мышление недостаточно определять только как деятельность по выработке знания. Художественное мышление — деятельность сложная, имеющая познавательную и эмоциональную стороны. Во-вторых, эта сложность деятельности по созданию литературно-художественного текста накладывает отпечаток и на функционирование знака в художественном мышлении, точнее сказать, создает дополнительную функцию, которая вытекает из задач художественной деятельности и определяется как поэтическая функция.

Литературно-художественное произведение представляет собой знаковое образование. Встает вопрос: является ли это образование знанием. Мы исходим из того, что если знаковое образование способно функционировать в новой деятельности как заместитель объекта, то оно является знанием. Когда Добролюбов говорит что «Обломов» Гончарова — ключ к пониманию коренных явлений русской общественной жизни, то он использует роман в деятельности по построению нового знания как средство этой деятельности. Следовательно, познавательный момент присутствует в художественной деятельности как один из ее основных моментов.

Естественно, однако, что художественная деятельность не сводится только к познавательной деятельности. Вторым ее моментом является эмоциональная деятельность. Более того, многие видные исследователи искусства утверждают, что познавательные моменты, «акты рационального познания, понимания» носят в художественном мышлении чисто вспомогательный характер, в основном как обязательное условие, предшествующее творческому акту искусства. Самое важное в искусстве, с этой точки зрения, — момент эмоциональный, имеющий характер бессознательной, интуитивной деятельности. И если содержательные моменты в искусстве обеспечиваются за счет логического мышления, то художественное расположение материала является результатом эмоционального мышления¹.

Эйзенштейн называет эмоциональную деятельность чувственным мышлением и считает, что в основе формотворчества лежит это чувственное, образное мышление. Но если Выготский разрывает познавательную деятельность, как область рационального, и эмоциональную деятельность, как область бессознательного, то Эйзенштейн предлагает взорвать китайскую стену между языком логики и языком образов, так как «диалектика произведений искусства строится на любопытнейшей «двуединности». Воздействие произведения искусства строится на том, что в нем происходит одновременно двойственный процесс: стремительное прогрессивное вознесение по линии высших идейных ступеней сознания и одновременно же проникновение через строение формы в слои самого глубинного чувственного мышления»².

В этих высказываниях для нас важны два момента: признание эмоциональной деятельности в составе творческого процесса по созданию художественного произведения и утверждение того, что форма художественного произведения является продуктом эмоциональной деятельности.

С нашей точки зрения, характеризовать художественное мышление как в целом, так и его составные элементы можно лишь на основе выяснения специфики знаковой структуры произведения. Текст художественного произведения является продуктом и той и другой деятельности. Как результат познавательной деятельности, так и эмоциональной фиксируется в тексте посредством словесных знаков.

¹ Л. С. Выготский. Психология искусства. М., 1965.

Эйзенштейн. Избранные произведения, т. 2, 1964.

Какие типы знаков удалось выделить, анализируя художественный текст? Во-первых, знаки, которые условно можно назвать знаками-образами. При характеристике этого типа знаков следует исходить из идеи Потебни о внутренней форме слова. Потебня различал в слове три элемента: внешнюю форму (членораздельный звук), содержание и внутреннюю форму (этимологическое значение).

В знаке мы различаем знаковую форму и значение как связь объективного содержания и знаковой формы. Но говоря о том, что природный материал становится знаком в деятельности сопоставления и соотнесения, в процессе которой и создается значение знака в зависимости от типов выделенного объективного содержания, характера сопоставления и соотнесения, мы вскрываем этимологию слова, его происхождение, его историю. «...Представим себе,— пишет Щедровицкий,— что какой-то предмет X впервые попадает в сферу коллективного производства. Чтобы обнаружить какие-либо из его непосредственно чувственно не воспринимаемых свойств, надо поставить его в отношении реального взаимодействия с каким-либо другим предметом (обозначим его буквой И и будем называть его предметом-индикатором. Например, чтобы выяснить, горит ли этот предмет, «горюч» он или нет, мы должны привести его во взаимодействие с огнем. Этого практически установленного отношения взаимодействия достаточно для обнаружения свойства предмета, но чтобы сообщить об обнаруженном свойстве предмета X другим членам коллектива, человек, оперировавший с предметом X, должен еще сопоставить его с каким-либо другим предметом А, обладающим тем же свойством... (мы будем «называть такой предмет эталоном»). Таким образом здесь происходит операция практически-предметного сравнения, которая складывается из двух действий: сопоставления трех предметов и отнесение знака А к одному из этих предметов, а именно к предмету X»¹.

Механизм операции получения знания X → А вскрывает причину образности слова, объясняет факт существования образного мышления в истории всех народов. Поэтому этот период в мышлении человечества можно назвать мышлением предметами-эталонами или докатегориальным мышлением². В некоторых словах внутренняя форма слова ощущается и сейчас, но в большинстве слов она стерлась. Слова с «живой» внутренней формой характеризуются Потебней и его школой как поэтические слова. В деятельности художников имеет место специальное оживление внутренней формы слова с целью поэтизации языка, а в конечном счете, «в целях чувственного художественного воздействия», как пишет Эйзенштейн.

«...Когда... мы осознаем внутреннюю форму слова, т. е. то, почему данная вещь называется именно так, у нас возникает гораздо более отчетливое и яркое представление о предмете. Здесь не только знак, но и известный образ. Так, когда мы сознаем, что «медведь» — это тот, кто «ведает» мед, «петух» — тот, кто поет,...мы получаем некоторое дополнительное представление о предметах, называемых этими словами, а именно элемент конкретного наглядного действительного восприятия³. Таким образом, если в научном мышлении значение функционирует в свернутом виде, то в художественном мышлении раскрывается механизм деятельности, в которой возникает значение, причем делается это художником специально, с определенной целью (как прием средства передачи эмоционального заряда). Но надо сказать, что знаки с подобной

¹ Г. П. Щедровицкий. О строении атрибутивного знания. Сообщение 1. Доклады АПН РСФСР. 1958, № 1.

² М. А. Розов. Научная абстракция и ее виды. Новосибирск, 1965.

³ Кожин В. Слово как форма образа. Сборник «Слово и образ». М., 1964, стр. 40.

структурой есть и в научном мышлении, но они являются там не результатом намеренной деятельности ученого, а случайными элементами. Анализ специфики данного типа знаков не дает основания для выводов о специфике художественного мышления.

Структура знаков второго типа, характерных для художественного мышления, вскрыта профессором Винокуром. Он писал: «Смысл литературно-художественного произведения представляет собой известное отношение между прямым значением слов, которыми оно написано, и самим содержанием, темой его... это «более широкое» или «более далекое» содержание не имеет своей собственной раздельной звуковой формы, а пользуется вместо нее формой другого, буквально понимаемого содержания. Таким образом, формой здесь служит содержание. Одно содержание, выражающееся в звуковой форме, служит формой другого содержания, не имеющего особого звукового выражения. Вот почему такую форму часто называют «внутренней формой»¹. Речь, таким образом, идет о формировании на основе словесных знаков совершенно специфических знаков, обладающих художественным значением. Это значение тоже возникает в действиях сопоставления и отнесения, но совершенно специфическим образом. Действия сопоставления осуществляются художником постоянно (осознанно или неосознанно), в течение всей жизни, пока, наконец, поразивший его факт не отойдет в форме художественного замысла, что и соответствует выделенному объективному содержанию. Содержание должно обрести форму. Формой в этом случае выступает словесный знак целиком, его знаковая форма и значение, т. е. функцию предмета-эталона выполняет в данном случае знак. Поэтическое значение выступает как отношение объективного содержания (замысла) и прямого значения словесного знака. В свете этого становится понятным распространенное мнение о том, что язык в художественном мышлении выступает не только как средство выражения мысли, но и как объект деятельности. Вместе с тем язык выступает здесь и в своей обычной функции как средство описания определенной ситуации.

Третьим типом знаков в художественном мышлении являются знаки, формирующие ритмико-интонационную и композиционную структуру произведения. Сюда относятся явления как поэтической речи, так и прозаической: рифма, размер, строка, определенное расположение составных частей в прозаическом произведении и т. д. Они создают те свойства художественного произведения, благодаря которым мы всегда можем отличить художественную речь от обыденной — ее организованность, стройность, ритм, экспрессивность. Многие в знаках подобного рода еще предстоит исследовать. Пока ясно лишь одно — они выполняют в художественном мышлении те же функции, что чертежи в научном, т. е. используются как средства для преобразования одних объектов в другие с целью наилучшего их исследования. Благодаря подобным знаковым структурам происходит нужное художнику изменение значения знаков естественного языка (инверсия значения) с целью создания соответствующей эмоциональной настроенности у читателя для лучшего восприятия, глубокого проникновения в смысл произведения. В сюжетных произведениях эти знаки выступают как средства построения модели.

В связи со всем вышеизложенным необходимо сделать вывод о том, что знаки в искусстве отличны как от знаков науки, так и от знаков естественного языка, хотя имеют с ними много общего. В процессе исследования специфики знака в художественном мышлении создается возможность восстановить объект деятельности, предмет художественного мышления, одним словом, художественную деятельность в целом.

К. О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр. 247, 390.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ МЫШЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Развитие кибернетики поставило ряд философских проблем, среди которых важное место занимает вопрос о возможностях моделирования мышления человека. Мы попытаемся сформулировать некоторые положения, с учетом которых, по нашему мнению, следует осуществлять анализ возможностей моделирования мышления.

Правомерность постановки вопроса о возможностях моделирования в рамках философии иногда оспаривается. С. Л. Соболев и А. А. Ляпунов, например, полагают, что возможности моделирования должны рассматриваться не философией, а кибернетикой¹. В дальнейшем мы попытаемся обосновать справедливость этого утверждения, но при условии понимания моделирования мышления как его имитации. Обсуждение же возможностей моделирования в плане обладания моделирующими устройствами свойства мышления, сознания тесно связано с философским вопросом соотношения материи и сознания.

Возражения против возможности моделирования мыслительных функций мозга, выдвигаемые некоторыми учеными, вызываются часто, по нашему мнению, тем, что понятие «моделирование» понимается не однозначно. Некоторыми авторами понятие «моделирование» отождествляется с понятием «воспроизведение», что не всегда правомерно. Так, например, Штофф В. А.² при переводе определения модели, данного Н. Винером и А. Розенблютом в работе «Роль моделей в познании»³, в термин "representation" вкладывает значение «воспроизведение». Однако это не точно. Русское «воспроизведение» соответствует английскому "reproduction". Термин же "representation" переводится как «изображение», «образ», «представлять в определенном свете». Дело заключается, конечно, не в тонкостях перевода. Воспроизведение означает воссоздание системы с сохранением ее качественной специфики. При моделировании воссоздаются какие-то отдельные стороны моделируемого процесса, а при воспроизведении — все стороны процесса, которые в совокупности сохраняют сущность системы, ее природу. Поэтому вряд ли можно согласиться также с утверждением И. Т. Фролова о том, что искусственное воспроизведение живой системы может быть осуществлено на неспецифическом для живого субстрате⁴. Если в этом случае и можно говорить о воспроизведении, то лишь в отношении принципа яв-

¹ С. Л. Соболев и А. А. Ляпунов. Кибернетика и естествознание. В кн. «Философские проблемы современного естествознания», изд. АН СССР. М., 1959, стр. 258.

² В. А. Штофф. Гносеологические функции модели, «Вопросы философии», 1961, № 12.

³ A. Rosenblyeth, and N Wiener The Role of Models in Science, „Philosophie of Science“, 1945, vol 12, No 4, p. 317.

⁴ И. Т. Фролов. Гносеологические проблемы моделирования биологических систем, «Вопросы философии», 1961, № 2, стр. 43.

ления, но отнюдь не самого процесса, его механизма. отождествление моделирования и воспроизведения может быть правомерным применительно к неживой природе. Если, например, модель железнодорожного моста создается из того же материала, что и сам мост, то моделирование моста означает воспроизведение его в уменьшенном масштабе. Когда же речь идет о моделировании живой системы на качественно ином субстрате, то термины «моделирование» и «воспроизведение» нельзя употреблять как тождественные. Когда одна часть ученых понимает под моделированием мышления его имитацию (А. И. Берг, С. А. Лебедев, В. В. Солодовников и др.), а другая — обладание ими (Э. Беркли, А. Тьюринг и др.), возникают недоразумения. Возражения, выдвигаемые некоторыми философами, психологами и физиологами, направлены против понимания моделирования мышления как обладания им. Но часто возражения такого рода облекаются в форму отрицания возможности моделирования мышления вообще. Если возражения против возможности обладания моделирующими устройствами свойства мышления являются совершенно справедливыми, то во втором случае они необоснованны.

Вопрос иногда ставится и так: если моделирующее устройство мыслит, то мышление можно моделировать, а если не мыслит, то моделировать мышление нельзя. Однако даже в последних работах, посвященных моделированию мышления, критикующих подобную постановку вопроса, делаются неверные выводы: считается, что «в настоящее время нет достаточных объективных данных для того, чтобы обосновать как положительный, так и отрицательный однозначные ответы» на вопрос о том, может ли моделирующее устройство обладать свойством мышления¹. Это также свидетельствует о различном понимании одних и тех же терминов. Этому способствовало перенесение терминов биологии, физиологии и психологии в кибернетику «...сторонники кибернетики распоряжаются по своему усмотрению тем запасом знаний, который был накоплен с таким трудом отдельными науками, а в популярных статьях научные данные, часто сравнимые лишь формально, слишком легко и просто объявляются равнозначными»². Когда в процессе создания систем автоматического регулирования были обнаружены аналогии между ними и живыми организмами, соблазнительно было использовать, например, термины психологии при моделировании психических процессов. Так появились выражения: машина «запоминает», машина «мыслит» и т. д. П. Латиль отмечает, что для определения процессов, происходящих в моделирующем устройстве, «из-за отсутствия новых слов мы вынуждены использовать такое сомнительное слово как «мышление»³. Раньше на подобные антропоморфизмы мы не обращали внимания, хотя часто пользовались ими (машина «работает», дождь «идет», «усталость» металла, «чувствительность» прибора и т. д.). Такие антропоморфизмы являются отражением сходства некоторых явлений и предметов, т. е. на основе аналогии люди называли одним термином совершенно различные понятия. Использование же антропоморфной терминологии при решении философских вопросов часто приводит к смешению живой и неживой материи. Многие термины, перекочевавшие из психологии в кибернетику, получили в последней права гражданства, поэтому отменять эту терминологию — дело ненужное и бесполезное. Однако при оперировании этими терминами не следует забывать о том, что один и тот же термин в технике и психологии имеет различное значение. Использование терминов в их точном значении — не пустая семантическая формальность. Каждый термин обозначает определенное понятие, т. е. между объектом и обо-

А. А. Братко-Кутынский. Философский анализ моделирования психики, автореферат диссертации, Киев, 1965, стр. 3.

² Э. Хольст. Процессы регулирования в биологии, ИЛ, М., 1960, стр. 14.

³ P. Latil Thinking by Machine. A study of cybernetics, Boston, 1957, p. 338.

значающим его термином устанавливается соответствие. Подведение под определенный термин не соответствующего ему понятия неизбежно приводит к путанице или, по словам М. Бунге, к «языковым ловушкам»¹. Описание психического процесса при помощи технических терминов приводит к тому, что в процессе рассуждения можно прийти (а некоторые и действительно приходят) к «открытию» машиноподобности психики. Поэтому при использовании терминов, заимствованных из других областей знания, следует соблюдать известную осторожность. Во всяком случае, такие, например, термины как «синапс» и «реле», «релейно-контактная сеть» и «нервная система», «машина» и «мозг» и т. д. не должны использоваться как синонимы.

По нашему мнению, при анализе проблемы моделирования мышления не следует смешивать связанные, но различные по своему существу вопросы: 1) Можно ли моделировать мышление человека? 2) Может ли моделирующее устройство обладать мышлением? 3) Можно ли искусственным путем воспроизвести живое мыслящее существо? В ходе дискуссий следует избегать подмены одного вопроса другим, чтобы избежать путаницы. Для правильного ответа на эти вопросы необходим трезвый анализ общего и особенного в работе мозга и моделирующих его работу устройств², а также необходимо выяснить сущность моделирования как метода познания.

Модель, будучи основанной на заключении по аналогии, в известном смысле является огрублением, упрощением оригинала, не учитывает ряд специфических свойств последнего. Моделирование мышления, осуществляемое на кибернетических устройствах, основывается на уточненно виде аналогии — отношениях изоморфизма (или гомоморфизма). Но и изоморфная модель имеет односторонний, неполный характер. Хотя в принципе все характеристики одной системы можно представить в виде изоморфных отображений на другой системе, практически модель отображает оригинал не полностью, так как изоморфизмы, будучи видом аналогии³, не означает полного тождества сравниваемых систем. Модель и оригинал находятся в отношениях не тождества, а сходства или соответствия.

Поскольку моделирование неизбежно связано с упрощением, огрублением оригинала в каких-то отношениях, то оно предполагает создание не тождественного с оригиналом процесса, а лишь сходного или находящегося в определенном соответствии с ним, т. е. означает имитацию, а не воспроизведение (обладание) того или иного процесса. Любая модель мыслительного процесса не тождественна самому мыслительному процессу у человека. В моделирующем устройстве можно моделировать мышление, но оно не может обладать мышлением как внутренне необходимым свойством. Сам мыслительный процесс, его субъективная, идеальная, содержательная сторона в модели утрачивается, а сохраняется лишь форма его проявления. Кибернетическое моделирование мышления, будучи по своему характеру информационным, отвлекается от физиологического и социального аспектов мыслительных процессов и рассматривает последние лишь как процессы переработки информации. Поэтому как принципиальные возможности моделирования мышления, так и конкретный прогноз на будущее должны обсуждаться не в плане обладания моделирующими устройствами свойства мышления, а в плане имитации функционального проявления мыслительных процессов, основанной на материальной форме внешнего проявления их. Четкое раз-

¹ Mario Bunge. Can Computers Think? (II), „British Journal of Philosophy of Science“, 1956, vol. VII, No 27, p. 217.

² См. А. Н. Кочергин. Общито и особеното в работата на мозъка и електронните сметачни машини, «НОВО ВРЕМЕ», София, 1964, № 1.

³ Д. Пойа. Математика и правдоподобные рассуждения, ИЛ, М., 1957, стр. 48—49

граничение понятий моделирования мышления и обладания им позволит устранить путаницу и преодолеть крайности идеалистического и механистического толка. И вопрос «может ли моделирующее устройство обладать мышлением», неправоммерно получивший главенствующее значение в связи с развитием кибернетики, должен быть заменен вопросом «какие мыслительные процессы можно моделировать и как это сделать». Проблема, таким образом, заключается в том, может ли моделирующее устройство быть полностью тождественным человеческому мозгу в функциональном отношении, а не в том, могут ли моделирующие устройства обладать мышлением, т. е. мыслить.

Что же касается создания искусственным путем живого разумного существа, то в принципе отрицать такую возможность нельзя. То, что сделала природа, может сделать и человек. Такая возможность в плане абстракции потенциальной осуществимости не противоречит принципам диалектического материализма. Но еще неизвестно, удастся ли человеку технически реализовать эту возможность и вообще будет ли в этом необходимость. Сторонники чисто функционального подхода к сущности жизни и мышления полагают, что реализовать эту возможность можно путем усовершенствования моделирующих устройств. Однако современная наука не дала еще ни одного аргумента в пользу такого подхода. Чтобы обладать мышлением, необходимо быть субъектом познания, личностью во всех ее проявлениях. Обсуждение вопроса о личности в отрыве от ее материального субстрата лишено всякого смысла. Сам функциональный подход к мышлению имеет все права на существование, так как он помогает изучению общих закономерностей функционирования качественно различных в субстратном отношении систем. Но переоценка его чревата нежелательными последствиями. При чисто функциональном подходе проблема выяснения качественной специфики мышления и сознания попросту снимается. Однако не только структура, но и субстрат связан с функцией. Мы можем отвлекаться от субстрата лишь в известных пределах, но не полностью. Этот вопрос важно исследовать и в естественнонаучном плане — выяснить способ связи структуры и субстрата с функцией в мозгу и в моделирующих устройствах. Это позволило бы конкретизировать философское положение о несводимости живого к неживому, мыслящего к немыслящему и на новом уровне показать несостоятельность гилозоизма и панпсихизма. Функциональный подход игнорирует, таким образом, не только биологическую, но и социальную природу мышления и сознания. Реализация же принципиальной возможности создания живого мыслящего существа невозможна без воспроизведения живой системы, включенной в общественное развитие.

При кибернетическом моделировании материальный субстрат мозга остается как бы в стороне, мозг рассматривается лишь со стороны функционирования. Поэтому важно выяснить, можно ли на модели иной физической природы имитировать все свойства такой высокоорганизованной материи как мозг. Будущее либо укажет на возможность имитации всех функций мозга на модели качественно иной природы, либо обнаружится, что функциональное рассмотрение мышления в отрыве от его материального субстрата возможно лишь до определенных пределов. В пользу последнего предположения говорит то, что функция любой системы определяется не только внешними воздействиями, но и внутренней природой этой системы. Однако априорно не следует отрицать и другой возможности, как бы проблематична она ни была. Эта задача еще ждет своих исследователей. Для решения ее нужны средства специальных наук, средства же философии здесь бессильны.

В настоящее время моделирование мышления преследует две цели: во-первых, изучение закономерностей, лежащих в основе мыслительных процессов, и, во-вторых, создание специальных устройств, практически

заменяющих человека в некоторых видах умственного труда. Модель мыслительного процесса не учитывает его человеческую специфику, т. е. способность воспринимать мир субъективно-сознательно и отражать его в идеальной форме, поэтому она не может дать исчерпывающего объяснения его. Моделирование является весьма важным методом познания мыслительных процессов, но не единственным. Электронная техника значительно увеличила возможности моделирования. В будущем будут создаваться все более совершенные устройства, на которых будут моделироваться самые сложные мыслительные процессы. Но изучение мыслительных процессов может быть плодотворным лишь в случае применения целого комплекса методов исследования. Моделирование в известной мере позволяет познавать закономерности, лежащие в основе мыслительных процессов. Однако не следует забывать о том, что мышление является не только определенным состоянием мозга, но и отражением общественного бытия. Поэтому природу и сущность мыслительных процессов нельзя полностью выяснить лишь через исследование мозга. Поскольку кибернетические модели мыслительных процессов являются функциональными, они не смогут обеспечить полное познание существенных свойств и качеств организации мозгового вещества как материального субстрата мыслительных функций¹. Будучи абстрактным методом исследования, моделирование должно сочетаться с физиологическим и психологическим экспериментом и другими методами. Залог успеха — именно в разумном сочетании методов исследования, при котором из поля зрения не выпадал бы собственно мыслительный процесс.

Опыт показывает, что модель может осуществить любую функцию мозга, которую можно описать, т. е. для успешного моделирования какой-либо мыслительной функции необходимо знать моделируемую функцию. Для этого необходимо ответить на вопрос, какие преобразования совершает мозг над поступающими в него сигналами. Но этого мы еще не знаем, не имеем мы также и достаточно разработанной теории нейронной организации в мозгу человека. По мере познания способа организации нейронных сетей мозга мыслительные функции последнего можно будет моделировать все более полно. Если в настоящее время моделируется, главным образом, внешний результат деятельности мозга, а не сам мыслительный процесс, то в будущем, несомненно, можно будет все более полно моделировать сам мозг. Для успешного моделирования функций мышления недостаточно одного философского определения последнего. Необходимо выявить его точные естественнонаучные признаки и критерии осознания. Необходимо, однако, учитывать и то, что моделирующие мыслительные функции мозга устройства осуществляют эти функции, по-видимому, не обязательно тем же способом, по той же схеме, что в мозгу человека. Если сопоставить функционирование естественного нейрона и его аналога в моделирующем устройстве, то основное сходство между ними обнаруживается в том, что они могут быть или включенными или выключенными. Но если перейти к рассмотрению не отдельных нейронов, а нейронных сетей, то конструкция сетей в моделирующих устройствах не является столь аналогичной конструкции нейронных сетей, как их отдельные элементы, хотя и в этом случае определенное сходство в отношении функции памяти, логических операций и т. п. остается. Но способ осуществления этих функций различен. Если бы мозг работал тем же способом, что и моделирующее устройство, то человек был бы просто не в состоянии что-либо сделать. Но если бы быстродействие осуществления операций, которым обладает человек, передать моделирующему устройству, то оно работало бы медленнее человека. Дело в том, что у человека сразу происходит отбор определенного вари-

Г. И. Поляков. Современное состояние нейронной теории, «Некоторые теоретические вопросы строения и деятельности мозга». Медгиз, М., 1960, стр. 46.

анта из массы возможных, т. е. своего рода стратегический отбор, что возможно благодаря более совершенной организации нейронных сетей головного мозга. С появлением эвристического программирования у моделирующих устройств также появилась возможность вместо перебора всех возможных вариантов выбирать наиболее вероятные для успешного решения задачи.

Ныне особо важное значение приобретает проблема моделирования творческого мышления. Успешное решение этой проблемы зависит от полноты описания функций творческого мышления, детального изучения сущности творчества, его механизмов и путей развития, выявления специфики научного и художественного творчества. Однако мы далеки еще от разрешения этой задачи, хотя она рассматривается и философами, и психологами, и логиками, и кибернетиками. Некоторыми авторами предпринимаются попытки изучения особенностей творческого мышления великих людей, например, у Эйнштейна¹, исследования факторов, влияющих на творческое мышление², объяснения сущности творчества на основе взаимодействия прямых и обратных связей³ и т. д. Наряду с признанием возможности исследования творческого мышления существует также мнение, что, хотя творчеству можно учить и ему можно научиться, оно никогда не станет предметом рассмотрения науки⁴.

Нас будет интересовать, главным образом, соотношение логического и психологического аспектов изучения научного творчества. Вначале творческое мышление изучалось преимущественно логикой. После обнаружения закономерностей, которые невозможно было объяснить на основе одной лишь логики, мышление стало рассматриваться психологией. Советской наукой внесен существенный вклад в изучение психологии творчества (работы С. Л. Рубинштейна⁵, А. Н. Леонтьева⁶, Я. А. Пономарева⁷ и др.)⁸. Исследователи психологии мышления пришли к выводу, что творчество не сводится к логическим умозаключениям из эмпирического материала. Однако еще Энгельмейер почувствовал неудовлетворительность одного лишь психологического анализа творчества. Им была предпринята попытка создания теории творчества (эврилогии), которая включала в себя три акта: 1) психологический — интуиция и желание (замысел), 2) логический — дискурсивное мышление, получение знания, создание модели; 3) конструктивный — конкретное выполнение изобретения⁹. Грин, разделяя творчество на два типа: интуитивное (обдумывание идей и их проверка) и логическое (накопление знаний и их анализ до получения нового знания), также признает необходимость включения логического аспекта в анализ творчества¹⁰. Де Бройль, отме-

¹ Wertheimer Max. Productive Thinking, New York, 1945, p. 168—188.

² A. E. Oriel. Environmental factors and research creativity, „Proceedings of the National electronics Conference“, vol. XIV, Chicago, 1958 p. 928—935.

³ Ю. Филиппьев. Творчество и кибернетика, изд. АН СССР, М., 1963.

⁴ A. F. Osborn Applied imagination. Principles and Procedures of Creative Thinking. New York, 1957.

Еще ранее на возможность организации творчества указывали: П. И. Вальден. О техническом творчестве. «Производительные силы России», М., 1916, № 2; П. И. Вальден. Об изобретениях и изобретателях, М., 1916; С. Ф. Ольденбург. Вопрос организации научной работы, «Творчество», Петроград, 1923; А. Е. Ферсман. Пути научного творчества, там же, и др.

⁵ С. Л. Рубинштейн. О мышлении и путях его исследования, изд. АН СССР, 1958.

⁶ А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики, Изд. АПН РСФСР, 1960.
Я. А. Пономарев. Психология творческого мышления, Изд. АПН РСФСР, 1960.

⁷ Ф. Ю. Левинсон-Лессинг. Роль фантазии в научном творчестве. «Творчество», Петроград, 1923.

⁸ П. К. Энгельмейер. Теория творчества, СПб, 1910, стр. 8—9, 98.

⁹ E. I. Green. Creative Thinking in Scientific Work, „Electrical Engineering“, 1954. vol. 73, No 6, p. 489—494.

чая важную роль интуиции в научном творчестве, «разрывающей жесткий круг, в который нас заключает дедуктивное рассуждение», также подчеркивает, что «интуиция, освобожденная от оков строгой дедукции, может ввести в заблуждение»¹. Таким образом, творчество, хотя и имеет психологическую природу, но, являясь процессом развития научного знания, не может быть понято без логического аспекта его рассмотрения². Анализ существующих определений творчества подтверждает это.

Под творчеством обычно понимается создание нового, принимаемого в определенной ситуации и в определенное время как нужное и полезное. Так, например, Ньюэлл, Шоу и Саймон определяют творчество как «вид деятельности по решению специальных задач, который характеризуется новизной, нетрадиционностью и трудностью в формулировании проблемы»³, Грин как «получение чего-либо нового в процессе мышления»⁴. Критерием творчества, таким образом, выступает создание чего-либо нового. Однако этот критерий довольно неопределен. Что такое «новое», можно ли ранее неизвестное принимать за «новое»? Стейн, например, новое определяет как продукт творческой мысли, ранее не существовавший в такой же форме, продукт, который может содержать уже известные материалы, но в своем завершенном виде обязательно включающий неизвестные ранее элементы⁵. По нашему мнению, для ответа на вопрос необходимо выяснить следующее: можно ли называть творчеством тот мыслительный процесс, который совершается на основе лишь формальной логики, или же творчество обязательно предполагает оперирование категориями диалектической логики? Иначе говоря, можно ли считать новым тот продукт мышления, который получен в рамках формальной логики, или же новое достигается на уровне диалектической логики? Если процесс творческого мышления связан с диалектической логикой, то встает вопрос: каким образом можно осуществить решение творческих задач на моделирующих устройствах?

Не следует, конечно, резко противопоставлять аппарат формальной и диалектической логики, так как диалектическая логика не исключает формальную, а включает ее в себя как необходимый, начальный элемент. Процесс творческого мышления, по нашему мнению, складывается из двух последовательных этапов логического преобразования информации — формально-логического и диалектического. Формально-логический этап не дает ничего принципиально нового относительно исходных данных. Иными словами, если происходит возврат к старому знанию, то оно тождественно самому себе, не содержит ничего нового. Диалектический же этап характеризуется тем, что возврат к старому осуществляется на новой основе, т. е. если речь пойдет опять о каком-либо исходном знании, то при возвращении к нему мы обнаружим, что оно содержит в себе элементы старого и элементы нового знания. Таким образом, принципиально новая идея невыводима на основе одних лишь законов формальной логики из имеющихся знаний, она еще в достаточной мере не обоснована ни логически, ни экспериментально и предполагает выход за пределы имевшихся ранее знаний. Поэтому творческий процесс следует связывать с тем качественным скачком в нашем знании, который происходит при рождении принципиально новой идеи, т. е. процесс творчества совпадает не с формально-логическим этапом переработки информации, а с диалектическим, включающим, однако, и первый. Об этом, в частно-

¹ Луи де Бройль. По тропам науки, ИЛ, М., 1962, стр. 295.

² См. А. В. Брушлинский. Творческий процесс как предмет исследования, «Вопросы философии», 1965, № 7

³ А. Ньюэлл, Дж. С. Шоу, Г. А. Саймон. Процессы творческого мышления. «Психология мышления», Изд. «Прогресс», М., 1965, стр. 503.

⁴ E. I. Green. Creative Thinking in Scientific Work, „Electrical Engineering“, 1954 vol. 73, No 6, p. 489.

⁵ M. S. Stein. Creativity and culture, „J. of Psychology“, 1953, vol. 36, p. 311—315.

сти, свидетельствует, известная теорема Геделя, которая показывает, что творчество не ограничивается рамками дедукции, законами формальной и математической логики.

Моделирование простейших операций укладывается в рамки формальной логики. Для решения же сложных задач аппарата формальной логики, по-видимому, недостаточно, так как вне поля зрения остаются отношения между мыслями человека, которые устанавливаются при разности знания. В связи с этим возникает необходимость рассмотрения возможности применения аппарата диалектической логики для решения такого рода задач.

Существует мнение, что познание диалектических закономерностей моделировать принципиально невозможно¹. Однако есть и другое мнение, указывающее на возможность создания программ операций диалектической логики². Осуществление такой возможности лежит, по-видимому, на пути формализации элементов диалектической логики, на пути математического описания процессов творческого мышления. Для этого потребуется создание нового математического аппарата. Математическая логика, как известно, учитывает лишь дискретные значения функций, основываясь на принципе «все — или ничего». Для описания процессов творческого мышления необходим переход с дискретного языка на непрерывный³. В этой связи заслуживает внимания предложение И. Б. Новика о формализации элементов диалектической логики, опираясь на математический анализ, учитывающий непрерывность изменения функций⁴. Если это окажется возможным, то поиски материального субстрата и создание соответствующей структуры, на основе которых можно было бы моделировать творческие мыслительные процессы, окажутся не первостепенной задачей. Чтобы понять это, обратимся к истории развития моделирования. В истории моделирования процесса познания на основе формальной логики можно выделить три этапа развития. Первый — создание алгебры логики. Второй — нахождение соответствующих алгоритмов для задач. Третий — конструирование устройств, на которых осуществлялось моделирование. (Выделенные этапы, разумеется, лишь схематично представляют картину развития моделирования мышления). Возможно, что таким же в общих чертах будет путь развития моделирования творческих мыслительных процессов. В этом случае потребуется разработка системы диалектических категорий, создание своего рода алгебры диалектики. Возможно, что и диалектика со временем станет наукой, оперирующей математическими формулами.

Логика творческого мышления, безусловно, содержательна, но это само по себе еще не означает невозможности формализации ее некоторых элементов. В. И. Ленин подчеркивал, что «мы не можем представить, выразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, угрубив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление, — и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и всякого понятия»⁵. Формализация, необходимая для осуществления моделирования, есть не более как мгновенный снимок с процесса познания. С развитием, углублением процесса познания этот снимок будет утрачивать сходство с тем этапом процесса познания, отражением которого является. Зафиксировать в одной формальной системе содержательный процесс невозможно. Однако ряд моделей, имитирующих отдельные этапы процесса познания, позволит,

¹ Ю. П. Фролов. Мозг человека и кибернетика, М., 1957, стр. 33.

Н. А. Бернштейн. Предисловие к книге В. Д. Моисеева «Вопросы кибернетики в биологии и медицине», Медгиз, М., 1960, стр. 23.

³ См. Д. Мак-Кей. Моделирование нервной деятельности, «Моделирование в биологии», ИЛ, М., 1963, стр. 271.

⁴ И. Новик. Кибернетика, М., 1963, стр. 191.

В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 168.

возможно, адекватно моделировать процесс познания в целом, осуществить седьмой элемент диалектики: «...Разборка отдельных частей и совокупность, суммирование этих частей вместе»¹.

Как известно, процесс решения всякой задачи можно разбить на несколько этапов. Первый из них — постановка задачи. Для этого требуется проблемная ситуация, в которой формулируется цель задачи. Второй этап — решение задачи. Для решения задачи человек использует известные ему методы решения подобных задач. Если этого оказывается недостаточно, то человек осуществляет детерминированный или случайный поиск недостающего для решения задачи элемента. Третий этап — интерпретация, осмысливание полученного результата.

Существует мнение, что можно моделировать лишь второй этап решения задачи, который считается нетворческим, а творческие мыслительные процессы моделировать невозможно². Другие авторы полагают, что нельзя моделировать постановку цели и интерпретацию³. Эти мнения, на наш взгляд, основаны на недоразумении. Если утверждать, что творческие процессы нельзя моделировать вообще, то придется признать невозможность моделирования процесса решения любой задачи, так как и второй этап решения задачи содержит элементы творчества. Такими элементами творчества являются выработка критериев поиска и критериев отбора в ходе решения задачи. Конечно, моделирующее устройство по своей внутренней потребности не может ни поставить задачу, ни определить критерии поиска и отбора, ни интерпретировать полученные данные. Но моделирование ставит своей задачей не воспроизведение способности ставить цель, необходимую для постановки задачи, что свойственно лишь человеку, а имитацию этой способности. Интерпретация предполагает определение возможности практического применения полученного при решении задачи результата. Моделирующие устройства уже в настоящее время в определенных рамках могут соотнести полученный результат с возможным желательным применением его, а также моделировать постановку задачи⁴. Моделирование постановки задачи, интерпретация полученного результата и выработка критериев поиска и отбора возможно сейчас лишь для решения некоторых задач, но круг их постоянно расширяется. Постановка же задач, имеющих определяющее значение для жизни общества, всегда будет прерогативой человека.

Возражением против возможности моделирования процессов творческого мышления является также то, что для решения какой-либо задачи на моделирующем устройстве необходимо формализовать ее. Считается доказанным, что полная формализация невозможна, а поэтому не все задачи могут быть решены машиной. Теорема Гёделя показывает, что на основе формального исчисления не может быть изложено даже учение о целых числах. Если имеется достаточно мощная непротиворечивая формальная система, то в ней при помощи математических средств, выражающих эту систему, можно сформулировать такие утверждения, которые в рамках ее нельзя ни доказать, ни опровергнуть, т. е. в рамках данной системы эти утверждения считаются неразрешимыми. Здесь встает важная проблема: можно ли формализовать сам процесс перехода от одной системы к другой, более мощной. В известных рамках это, по-видимому, возможно, так как из теоремы Гёделя вытекает не только неполнота, но также указание на то, что не охватывается системой.

Формальная система, получив «толчок» для своего существования

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 214.

² А. В. Голуб. Кибернетика, Ленинград, 1957, стр. 39; И. И. Гальперин. О рефлексивной природе управляющих машин, «Вопросы философии», 1957, № 4, стр. 165.

³ В. С. Бирюков, Б. В. Тютин. О философской проблематике кибернетики. Сб. «Кибернетика, Жизнь, Мышление», Изд. «Мысль», 1964, стр. 160

⁴ См. В. М. Глушков. Мышление и кибернетика. Сб. «Диалектика в науках о неживой природе», Изд. «Мысль», М., 1964, стр. 517—518.

со стороны человека, приобретает известную самостоятельность. Но поскольку характер такой системы чисто формальный, то она не содержит в себе возможности определить направление расширения в случае неразрешимости какой-либо задачи, содержащейся в ней. Для этого необходимо учитывать содержательные отношения системы с другой, более мощной системой. Если процесс творчества определить как именно такое «расширение», то следует признать, что он больше относится к области психологии, нежели логики, так как для содержательного анализа необходим индивидуальный и видовой опыт субъекта познания в его взаимодействии с объектом познания. Поскольку творчество имеет психологическую природу, то модель творческого процесса не обладает им как внутренне присущим качеством. Ситуация напоминает здесь известный миф о царе Мидасе. Как прикосновение Мидаса обращало все, к чему он прикасался, в безжизненное золото, так и моделирование творческого процесса означает «омертвление» творчества, утрату его содержательной, психологической стороны. Но так как моделирование процесса творческого мышления и не означает обладания им, то речь должна идти не о невозможности моделирования творческих процессов, а о степени полноты этого моделирования. Если модель недостаточно полно имитирует процесс творческого мышления, то это не может служить основанием для утверждения о принципиальной невозможности моделирования творческого процесса вообще. Из того, что современные моделирующие устройства моделируют не все творческие процессы, еще не следует, что это не удастся и в будущем.

Некоторые авторы полагают, что поскольку моделирующие мышление устройства работают с экстенциональными отношениями, а для обширных областей человеческого мышления характерны интенциональные связи, относящиеся к диалектической логике, то эти области мышления не могут быть познаны с помощью математических методов¹. Однако это не так. Конечно, в настоящее время невозможно все мыслительные операции уложить в прокрустово ложе существующего математического формализма. Но дело совсем не в том, что мы не сможем в принципе математически описать некоторые мыслительные операции, а в том, что мы не можем это сделать с помощью существующих в настоящее время математических средств. Более того, эвристическое моделирование на основе обучающихся и самообучающихся машин сделало возможным моделирование даже тех мыслительных операций, математического описания которых еще не существует².

Сказанное не означает, что в каждый момент времени мы обязательно сможем моделировать все творческие процессы. Творческое мышление постоянно развивается, поэтому всегда будут существовать моменты, которые в данное время еще не моделируются. Таким образом, граница между теми мыслительными операциями, которые моделируются и которые еще не моделируются в данный момент, определяется историческим уровнем развития познания.

¹ См. Г. Клаус. Кибернетика и философия, ИЛ, М., 1963, стр. 47.

² См. В. М. Глушков. Кибернетика и умственный труд. Изд. «Знание», М., 1965.

О МЕТОДИЧЕСКОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ В СОЦИОЛОГИИ

При подходе к познавательной деятельности как к особому рода производству выявляется, что, как и любое производство, она предполагает не только процесс выработки продукции (знаний), но и определенную технику и технологию, применяемую для производства этой продукции. В познавательной деятельности техника выступает в виде различных познавательных средств (приборы, системы понятий, искусственные языки), а технология в виде разных приемов оперирования со средствами (процедур).

Очевидно, что характер продукции (знания) зависит от применяемых средств и процедур. Поэтому задача совершенствования знаний постоянно требует решения задач по производству и совершенствованию средств и процедур, используемых для его получения. Это производство средств и процедур, по-видимому, должно предшествовать самому процессу получения знаний, постоянно выступая в качестве его предпосылки. Таким образом познание в широком смысле слова содержит в себе, во-первых, познание в узком смысле слова, т. е. получение знаний, касающихся какой-то области явлений; во-вторых, производство и совершенствование средств и процедур используемых для получения знаний.

В каждом из названных направлений познания применяется экспериментирование. Однако задачи, которые решаются с его помощью, в обоих случаях не одинаковы. В первом случае задача эксперимента — установить наличие или отсутствие определенных зависимостей между изучаемыми явлениями, в частности, получить социологическую информацию. Во втором случае задача эксперимента — установить зависимость между применяемыми в познании средствами и процедурами — с одной стороны, и получаемыми знаниями — с другой, т. е. получить методическую информацию.

Эксперимент, задача которого состоит в получении знаний о некоторых применяемых в познании средствах и процедурах мы называем методическим.

Необходимость экспериментального изучения познавательных средств и процедур возникает в любом познании. В связи с этим методический эксперимент приобретает общенаучное значение. Однако его использование в социологии диктуется дополнительно некоторыми специфическими особенностями социального познания по сравнению с естественнонаучным.

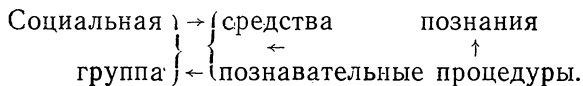
Прежде всего в социологии можно выделить два принципиально разных вида методических экспериментов: 1) экспериментальное изучение разных методов обработки, анализа и изображения полученной социологической информации. Сюда входит экспериментальное изучение эффективности применения ручной и машинной техники обработки материала, использования технических средств разного типа; экспериментирование при построении разного типа графиков

пр.; наконец, экспериментальное изучение разных математических методов анализа материала. 2) Экспериментальное изучение разных методов получения информации.

Эксперименты первой группы по своим задачам таковы, что они не затрагивают изучаемую социальную группу. Они начинаются тогда, когда все контакты между группой и исследователем уже закончены. По своей природе эти эксперименты являются мысленными (экспериментальное оперирование со знаковой моделью) и как таковые принципиально не отличаются от мысленных экспериментов в других областях знания.

В отличие от них эксперименты второй группы — как их необходимость, так и особые черты — определяются спецификой социального познания, состоящей в том, что в нем «и в действительности, и в голове дан субъект»¹.

Особенность экспериментов этой группы состоит в том, что с их помощью изучается отношение:

Необходимость этого вида эксперимента связана с тем, что реакция наблюдаемой группы на те или иные средства и процедуры не всегда может быть очевидна. Поэтому прежде чем эти средства и процедуры начинают использоваться для массового производства знаний они должны быть проверены на небольших совокупностях.

Невозможность выработки средств и процедур для получения информации без их экспериментального испытания связана с целым рядом обстоятельств, природа которых не одинакова. К их числу относятся следующие: 1) разные социальные группы обладают различным уровнем культуры, не одинаковым запасом знаний. Например, представления разных групп рабочих об экономических условиях их труда не одинаковы и зависят от общего уровня культуры и образования. Поэтому далеко не все те задачи, которые исследователь должен решать методом опроса, могут быть поставлены и решены в данное время. Набор вопросов, предлагаемых группе для ответа, должен соответствовать уровню ее развития. Но такое соответствие чаще всего без предварительных экспериментов не может быть достигнуто.

2) Процесс получения информации имеет и психологический аспект. В ходе исследования возникают разные виды реакций группы на применяемые средства и процедуры. На более высоком уровне развития социально-психологических теорий, по-видимому, можно будет без экспериментов знать, какой будет реакция на определенного типа вопросы анкеты или интервью. В условиях же, когда характер такой реакции нельзя предсказать достаточно обоснованно, предварительное экспериментирование становится необходимостью.

3) Сам процесс изучения, в какой бы форме он ни происходил, влияет на поведение наблюдаемых. В той реакции, которая возникает со стороны наблюдаемого на наблюдателя, смешаны два разных фактора: реакция на содержательную сторону наблюдения (что спрашивает — что отвечать) и реакция на сам факт наблюдения, его условия, включая и личность наблюдателя. Поэтому необходимо изучить характер каждого из этих факторов. В частности необходимо определить границы и меру влияния самого наблюдения на социальную группу с тем, чтобы можно было по возможности управлять им (т. е. держать в определенных пределах) и, учитывая его, знать, какие поправки при анализе результатов должны быть внесены.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 732.

Рассмотрим пример методического эксперимента, описанного А. Л. Свенцицким¹. Задача состояла в том, чтобы выяснить, каковы возможности такого метода исследования как нестандартизированное интервью по сравнению с анкетным обследованием. Интервьюирование было применено через 2 года после проведения анкетного опроса у 5% рабочих из числа опрошенных путем анкетирования (134 из 2665) и проводилось по той же схеме, по которой была составлена и анкета. Вместе с тем форма и последовательность вопросов, задаваемых в ходе интервью, варьировалась в зависимости от конкретной ситуации.

Для того, чтобы исключить действие временного фактора на характер ответов и получить результат, который можно было бы целиком отнести за счет применения другого метода исследования, после проведения интервью было повторено анкетирование по первоначальной анкете (повторному анкетированию подвергли менее 25% рабочих, опрошенных с помощью интервью — 30 чел. из 134).

Для сравнения результатов использования анкетирования и интервью были проанализированы ответы на одни и те же вопросы, полученные сравниваемыми методами. Результаты приводятся Свенцицким в виде таблицы. В таблице дается характеристика ответов на вопрос об удовлетворенности работой, полученных сравниваемыми методами (сравниваются индексы удовлетворенности работой — отношение числа вполне удовлетворенных работой к числу совершенно недовольных ею в данной группе, полученные с помощью анкет и интервью).

Показатели удовлетворенности работой в контрольных группах на основе данных анкет и интервью

Контрольные профессиональные группы	Величина индекса	
	по данным анкет	по данным интервью
II. Ручной квалифицированный труд (слесари)	6,15	8
III. Механизированный труд (станочники)	5,46	5
V. Полуавтоматизированный труд (автоматчики-металлисты)	4,62	3,5
VI. Автоматизированный труд (операторы, пультавики)	4,5	4
IV. Труд на конвейере	2,95	0,66
I. Неквалифицированный ручной труд (грузчики, обрубщики)	0,41	0,2

Как считает автор, результаты интервью здесь хорошо подтверждают достоверность анкетных данных.

Сравнение ответов на одни и те же вопросы, полученные с помощью анкеты и интервью показало, что интервью значительно расширяет круг получаемых ответов. В частности, при ответе на вопрос о мотивах выбора специальности, были даны следующие варианты ответов: 1. Специальность казалась интересной; 2. Привлекала хорошая оплата; 3. Обстоятельства сложились так, что иного выбора не было; 4. Другие мотивы (традиции семьи, совет друзей и т. п.). Около половины заполнявших анкету подчеркнули третий пункт. Интервью дало возможность понять смысл термина «сложившиеся обстоятельства». Из 134 интервьюированных при первом, т. е. анкетном опросе на сложившиеся обстоятельства сослался 51 человек. Интервью показало, что ссылка на обстоятельства и, следовательно, утверждение об отсутствии выбора было правомерно лишь у 18; у остальных же 33 опрошенных с помощью интервью были обнаружены вполне определенные мотивы выбора (хорошая оплата, советы друзей и т. п.).

¹ Философские науки. 1965, № 4, стр. 36—43.

Таким образом, оказалось, что метод интервью в значительной степени облегчает для наблюдаемого анализ мотивов своего поведения. —
ков общий результат данного методического эксперимента.

Как и всякий экспериментально полученный результат, этот результат должен быть интерпретирован с целью использования этой интерпретации как средства для построения теории поведения группы в условиях ее познания и самопознания. В частности, данный эксперимент позволяет сделать некоторые выводы о том, что отсутствие контроля за самопознанием опрашиваемых (анкетирование) приводит к движению по линии «экономии мышления», т. е. к отказу от ответов на вопросы, требующие серьезного анализа собственного опыта. С другой стороны, нередко необходимость личного контакта между исследователем и наблюдаемыми объясняется несоответствием между характером вопросов и возможностями обследуемых, что затрудняет для них процесс познания условий их жизнедеятельности и процесс самопознания в той мере и в той форме, которая необходима исследователю.

В настбящее время методические эксперименты довольно широко применяются. Однако экспериментов, в которых бы шло параллельное изучение разных познавательных средств и процедур проводится еще крайне мало. Гораздо чаще применяется экспериментальная проверка в небольших масштабах одного средства, которое после этой проверки начинает использоваться в «серийном» производстве знаний. Так, за последние годы у нас экспериментально изучались методы социометрии для изучения коллектива (Кузьмин, Коломинский), метод бальной оценки для построения коллективной модели личности (Шубкин, Карпов, Кочетов), открытые и закрытые вопросы при анкетировании, стандартизированное, полустандартизированное и нестандартизированное интервью, интервью с преобладанием прямых и косвенных вопросов (Свенцицкий). При этом задачи изучения различных средств и процедур социологического исследования, для решения которых используется эксперимент, могут быть различными. Так, экспериментальное изучение методов социометрии несколько лет назад проводилось для того, чтобы выяснить в принципе возможности их «отделения» от общей социологической концепции Морено и использования для изучения малых групп в системе марксистской социологии. Результаты экспериментального использования показали, что, как пишет Кузьмин «метод социометрии позволяет дать моментальный, быстрый, графически точный снимок с динамики внутренних отношений в коллективе, которые существуют в настоящее время: установить близость взаимоотношений, наличие групп, авторитетность, изолированность членов коллектива и пр.»¹. Задача данного эксперимента состояла в проверке метода (социометрический метод) изучения группы, поэтому результатом его является знание, относящее к этому методу. Но то, что в итоге выступает как знание о социометрическом методе, по-существу означает получение знаний о реакции людей на процесс их изучения с помощью средств и процедур, составляющих в своей совокупности социометрический метод. Различие между экспериментальной проверкой социометрии и экспериментальной проверкой результатов предложения разных форм вопросов лишь в том, что во втором случае эксперимент непосредственно направлен на изучение зависимости: вопрос — реакция, а в первом зависимость более сложная: вопрос — реакция — социограмма.

В заключение отметим, что изучение методических экспериментов представляет интерес как для самой социологии, так и для развития логики научного исследования.

¹ Тезисы докладов на II съезде Всесоюзного общества психологов. Вып. V, 1963, стр. 220.

АНАЛИЗ РОЛИ СОЗНАНИЯ В ОБЩЕСТВЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Для марксистской философии обязательным условием рассмотрения роли сознания в обществе является признание общественного бытия первичным, определяющим, независимым, а общественного сознания отражающим, вторичным, зависимым от общественного бытия. Любые открытия в области общественного сознания не могут поколебать этого фундаментального положения исторического материализма, а, наоборот, служат ему новым подтверждением. Доказательство, относительной самостоятельности в развитии общественного сознания вполне «укладывается» в рамки общей зависимости от общественного бытия.

Видимо, поэтому, в силу незыблемости отношения общественного сознания к общественному бытию, у части наших социологов, занимающихся проблемами сознания, сформировалась привычка анализировать различные закономерности развития сознания, исходя из него самого без отношения к общественному бытию. При этом материалистическое решение основного вопроса философии в обществе рассматривалось как общая методологическая посылка анализа роли сознания в обществе, но отнюдь не как собственная проблема той части исторического материализма, которая занимается общими вопросами сознания. Так и случилось, что само отношение общественного бытия и сознания не рассматривалось в связи с новыми открытиями в области сознания общества. Между тем, более углубленное понимание материалистического решения основного вопроса философии в обществе определяется не только новыми достижениями в познании общественного бытия, но и новыми аспектами в понимании сознания общества. На эту сторону дела нам представляется необходимым обратить особое внимание в связи с качественным возрастанием роли сознания в механизме функционирования всех законов развития социалистического общества, а также в связи с необходимостью давать материалистическую характеристику не только общественному бытию в целом, но и отдельным его элементам.

Возьмем к примеру, вопрос об объективном характере производительных сил общества. К. Маркс указывал, что производительные силы составляют материальный базис человеческого общества¹. «Развитие человеческого общества,— писал В. И. Ленин,— обуславливается развитием материальных производственных сил»². Но что значит материальность производительных сил? То, что они существуют и развиваются независимо от сознания, первичны по отношению к сознанию, определяют сознание? Естественно, возникает вопрос, какое сознание имеется в виду. Этого вопроса нет, пока отношения материального и идеального рассматриваются в общепhilosophическом плане, в плоскости соотношения.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 383.

² В. И. Ленин. Соч. т. 2, стр. 8.

материи и сознания вообще. Здесь само собой разумеется, что речь идет о том сознании, которое отражает данную материю. Этот вопрос далее не возникает, когда мы в общем виде изучаем отношение общественного бытия и общественного сознания, потому что здесь имеется в виду все общественное сознание. Но когда анализируется материальность отдельного элемента общественного бытия — например, производительные силы общества,— этот вопрос встает как вполне закономерный. Ведь по существу дела производительные силы общества связаны с двумя типами сознания, соответственно — с двумя типами отношений.

Первое отношение — это связь материальных производительных сил с той частью общественного сознания, которая в возможной для данной общественно-экономической формации форме отражает производительные силы. К этой части сознания относятся научно-технические, конкретно-экономические идеи, социологические идеи о роли и значении материального производства в обществе, о его общей структуре и законах. Сюда же, вероятно, следует отнести и желание общества, классов, чтобы развитие материального производства привело к определенным результатам. Содержание этой части общественного сознания сопоставимо с содержанием объективно существующих производительных сил.

Второе отношение совсем другого типа. Производительные силы общества реально существуют не как некая абстракция, а как определенным образом организованная деятельность людей по производству материальных благ. Люди же всегда и всюду действуют целенаправленно, сознательно. И это их сознание — та необходимая духовная среда, в окружении которой реально существует любая сфера общественной жизни, в том числе и сфера материального производства. Но по своему содержанию эти мысли, чувства, настроения людей, в труде которых реально функционируют производительные силы, совсем не обязателен суть осознание самих производительных сил в их всеобщности. Это скорее своеобразное приспособление обыденного сознания к требованиям объективных законов, приспособление, в ходе которого индивиды могут совсем не догадываться о характере той социальной силы, которая подчиняет их себе, определяет способ и направление их деятельности. Содержательная сторона этого сознания — отражение бытовых интересов, ближайшего микромира индивидов. Без этого сознания не действуют люди, не функционирует ни одна сторона общественной жизни.

В каком же из этих двух отношений проявляется объективность производительных сил или, точнее говоря, одинаковую ли роль выполняют материальные производительные силы общества, будучи членами двух различных типов отношений с сознанием? Вероятно, неодинаковую.

По нашему мнению, основным отношением, в рамках которого раскрывается материальная природа производительных сил общества, является отношение с той частью общественного сознания, содержание которого идеально копирует, отражает общую природу, сущность производительных сил общества. Характеризуя это отношение, мы выясняем, в чем сущность первичности производительных сил. Она в том, что материальные производительные силы общества определяют содержание соответствующей части общественного сознания. Это содержание всегда суть копия, отражение либо уже сложившихся производительных сил, либо объективных тенденций их развития. Поэтому наличие более или менее четкого теоретического представления о складывающихся производительных силах при условии, когда сами производительные силы еще окончательно не сложились, ничуть не меняет вторичности сознания и первичности бытия. Так, хотя материально-техническая база коммунизма еще только формируется и хотя уже имеется более или менее отчетливое представление о том, какой она будет, делать отсюда вывод, что теоретическое представление первично, нельзя, ибо эта часть нашего

общественного сознания сложилась как отражение уже существующих объективных тенденций в развитии материального производства.

В отношении материальных производительных сил и соответствующей им части общественного сознания мы находим и характеристику независимости производительных сил. Суть ее в том, что объективные свойства, тенденции в развитии производительных сил существуют независимо от соответствующего содержания общественного сознания, имеют источник своего существования и развития в самих себе, в собственных законах.

Эта независимость производительных сил может обнаруживаться в нескольких формах. Во-первых, когда производительные силы развиваются в условиях отсутствия в сфере общественного сознания более или менее правильного теоретического отражения тенденций и перспектив развития материального производства в целом. Такая ситуация, по-видимому, типична для исторически ранних общественно-экономических формаций. В подобных условиях независимость производительных сил выражает просто-напросто в том, что они функционируют без своего теоретического отражения в сфере общественного сознания.

Во-вторых, независимость производительных сил обнаруживается в условиях сопоставления объективных результатов развития материального производства с ложным, иллюзорным отражением их тенденций в общественном сознании. В таких случаях, а они типичны для общества со стихийным характером развития, независимость производительных сил выражается в том, что они не подчиняются действиям людей, основанным на ложных представлениях, а наоборот, заставляют людей менять свои взгляды и действия. В какой-то мере такая форма независимости материального производства проявляется и при социализме, когда наши действия базируются на необоснованных представлениях. Так, наша партия на последних Пленумах ЦК решительно осудила проявления субъективизма в политике и руководстве хозяйством, так как эти проявления пришли и не могли не прийти в резкое столкновение с объективными тенденциями развития нашего общества. В этом столкновении объективных тенденций развития материального производства с ошибочными, волюнтаристскими представлениями, основанными на пренебрежении требованиями объективных законов, победа оказалась на стороне объективных тенденций. В этом одно из проявлений независимости общественного бытия от сознания.

Указанные две формы проявления независимости материального производства довольно очевидны, ибо здесь противопоставление материального идеальному лежит как бы на поверхности общественного развития и представлено очень наглядно. Может быть, поэтому многие советские социологи, иллюстрируя и аргументируя положение о независимости общественного бытия, обращали свой взор главным образом к этим двум формам независимости общественного производства.

Наиболее трудной для теоретического рассмотрения является третья форма независимости материального производства, типичная как раз для коммунистической формации. Здесь, как правило, нормальное функционирование материального производства возможно при условии научно обоснованного отражения материальных производительных сил в общественном сознании. В условиях социализма и коммунизма теоретическое познание процесса материального производства исторически предшествует созданию производительных сил. В чем же выражается в таких условиях независимость материальных производительных сил? Ясно, что говорить здесь об отдельности от общественного сознания, о стихийности материального производства уже нет смысла. Независимость материального производства надо здесь понимать как субстанциальность

этого производства, как признание источника его развития в нем самом, в его собственных законах.

В неразрывном единстве социалистического и коммунистического материального производства с его отражением в сфере общественного сознания роль конечной причины, субстанции принадлежит материальному производству. Социализм и коммунизм — это, вероятно, та историческая эпоха, когда социально конкретным становится замечание В. И. Ленина о необходимости углубить познание материи до познания (до понятия) субстанции, чтобы найти причины явлений¹. Без такого углубления понятие независимости применительно к явлениям общественной жизни в социалистическом обществе неминуемо вульгаризируется.

Таким образом, в условиях социализма и коммунизма материальность и идеальность общественных явлений выводятся не столько из внешних сопоставлений во времени материального производства и духовного развития, сколько из характера их внутреннего отношения, в определенной степени скрытого внешним единством, все более растущим совпадением содержательной стороны сознания с содержанием второй, социальной природы, гармонией в развитии материальной и духовной сторон общественной жизни. И чем нагляднее, выпуклее это действительное единство материального и идеального развития, тем больше есть и будет тенденций смазать гносеологическое противопоставление этих сторон. Следовательно, тем больше необходимость подчеркивать, что это единство требует гносеологического противопоставления материального и идеального.

Таковы некоторые выводы из характеристики отношения материальных производительных сил с той частью общественного сознания, которая их идеально отражает. Но есть еще и отношение производительных сил к обыденному сознанию тех людей, в труде которых производительные силы функционируют и действуют как социальное явление. Это сознание, мы уже писали об этом, по своему содержанию отнюдь не всегда суть отражение производительных сил в целом, в их всеобщности. Оно отражает ближайшие потребности индивидов, их непосредственную среду.

Каково же отношение материальных производительных сил к этому сознанию, как здесь воспроизводится материалистическое решение основного вопроса философии?

Вернемся вновь к отношению материальных производительных сил и содержания определенной части общественного сознания, которое отражает это материальное явление, и посмотрим на него с несколько иных позиций. Выше мы характеризовали это отношение, имея в виду главным образом содержательную сторону общественного сознания. Это содержание определяется конкретными свойствами общественного бытия, отраженного в нем. Но процесс отражения в обществе не исчерпывается тем, что содержание материальных явлений просто воспроизводится в другом содержании. Вся суть человеческого отражения именно в том, что материя отражается в специфической идеальной форме, что материальные свойства воспроизводятся в сознании особо — без своей вещественности, телесности, объективности. «Способ, каким существует сознание, — писал К. Маркс, — и каким нечто существует для него, это — знание»². Этот особый способ существования содержания в человеческой голове, эта форма идеальности представляет собой уже не конкретно специфическую характеристику той или иной теории, мысли и т. д., а всеобщую черту всякой мысли, всякого чувства, всякой теории. При

В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 134.

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 633.

этом конкретное содержание той или иной мысли неразрывно спаяно с ее всеобщей формой идеальности, так что это содержание идеально, а сама идеальность — содержательна. Каждый акт познания, следовательно, это не только отражение нового содержания, но и постоянное новое воспроизведение всеобщей идеальной формы. Таким образом, рассматривая отношение производительных сил и соответствующей им части общественного сознания, мы можем сделать вывод, что вторичным, зависимым, отражающим выступает в данном отношении не только содержание общественного сознания, но одновременно и способ его существования — идеальность. Поскольку же этот способ представляет собой всеобщую черту мысли, чувства, постольку из отношения материальных производительных сил и соответствующей им части общественного сознания вытекают некоторые следствия, имеющие значение для характеристики отношения производительных сил ко всяким мыслям, всяким чувствам, независимо от их конкретного содержания.

Так, обыденное сознание своей содержательной стороной может не отражать сущность производительных сил. Но оно так же идеально, как те научные, технические теории, в которых это содержание отражается, следовательно, оно противостоит всем материальным явлениям, в том числе и материальным производительным силам общества. Правда, характер этого противопоставления иной, чем тот, что мы разобрали выше. Здесь уже не так четко выступает первичность производительных сил, ибо не они конкретно определяют содержание этого сознания.

Вероятно, здесь теряется смысл характеристика первичности производительных сил как их субстанциальности, так как тут нет сходства, единства в содержании объективных процессов и содержании духовного развития. Но тем не менее, общая и главная идея о независимости существования производительных сил как части общественного бытия от сознания остается незыблемой, ибо эта независимость соотносима с общей идеальной природой мышления. Материальные производительные силы в обществе существуют независимо от всякого сознания, общественного и индивидуального, научного и обыденного и т. д. Они материальны абсолютно и целиком без всяких оговорок.

Сделаем несколько выводов из этого фрагментарного обзора.

Во-первых, противопоставление материального и идеального в обществе имеет универсальное значение, это противопоставление включает в себя как все элементы общественного бытия, с одной стороны, так и все виды и подразделения сознания, с другой стороны.

Во-вторых, единичность и универсальность материалистического решения основного вопроса философии в обществе не исключают того, что форма противопоставления материального и идеального в обществе не является единственной. Такие понятия, как первичность, независимость общественного бытия приобретают различные виды в зависимости от того, с какой формой сознания в обществе они соотносятся.

И, наконец, в-третьих, надо признать, что анализ сознания в обществе в его различных подразделениях помогает нам глубже уяснить различные модификации материалистического решения основного вопроса философии, что особенно необходимо для более адекватного изучения законов развития социалистического общества. Сознание в этом смысле обладает своеобразной «поливалентностью», которую необходимо изучать.

К ВОПРОСУ О ТВОРЧЕСКОМ ХАРАКТЕРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Вопрос о природе человеческого сознания, о его творческом характере, будучи актуальным всегда, выдвигается буквально на первое место в настоящее время в связи с возрастанием субъективного фактора, в том числе и человеческого сознания в период строительства коммунизма.

С другой стороны, этот вопрос приобретает особую остроту в связи с дискуссией о соотношении электронно-вычислительных машин (ЭВМ) и человеческого мышления.

Несмотря на особую злободневность этого вопроса, наша философская литература не уделяет ему должного внимания. Нам, по крайней мере, неизвестны работы, посвященные исследованию творческой природы человеческого сознания. Больше того, в нашей литературе до сих пор имеет хождение неправильная теория о закономерности отставания сознания от бытия.

Сторонники этой теории говорят, что материя — это содержание, а сознание — форма, что в процессе развития содержание предшествует форме, форма отстает от содержания, значит сознание отстает от фактов.

Положение об отставании формы от содержания в лучшем случае имеет силу по отношению к материальной форме, но не характеризует связи между материальным объектом и его идеальной формой. Под идеальной формой мы понимаем наши ощущения, восприятия, представления, понятия, суждения, умозаключения, гипотезы, теории и др. формы мысли. Отношения между идеальной формой и материальным содержанием во времени можно подразделить на три вида.

Первый вид. Идеальная форма может отразить тот или иной материальный объект спустя многие годы, тысячелетия, спустя целую вечность после его возникновения. Буквально только в наши дни человечество делает первые шаги в области научного познания окосолнечного космического пространства, хотя последнее существует с тех пор, как существует солнечная система. Но эту идеальную форму, являющуюся последним словом науки, едва ли кто посмеет объявить отстающей от содержания.

Второй вид. Идеальная форма может отразить не только то, что существует, но также и то, чего еще нет, но что в недалеком будущем наступит. Идеальная форма, если она правильная, научная, способна предвидеть будущее и тем самым опережать развитие материального объекта. Создав теорию научного коммунизма, Маркс почти на целое столетие опередил развитие общества. Больше того, все научные законы включают в себя, как необходимый элемент, предвидение будущего. О такой идеальной форме, которая предвидит будущее, никак уж нельзя сказать, что она отстает от содержания, от фактов.

Третий вид. Идеальная форма бывает и такой, когда тот или иной отдельный человек или целые социальные группы и поколения создают фантастическое, превратное, извращенное представление о том или

нном отдельном материальном объекте или же о вселенной в целом (религия). Но едва ли можно и о такой идеальной форме говорить, что она отстает от материального содержания, так как она не беспочвенна, она возникает и существует в настоящее время в силу определенных, в том числе и материальных, причин. Эту идеальную форму нельзя считать отстающей от материального содержания также и потому, что она была фантастическим, извращенным отражением действительности и в момент ее возникновения. Если бы она была извращена и в момент ее создания, то от чего же она тогда отстала?

Основным аргументом, якобы обосновывающим закономерность отставания сознания от бытия, сторонники этой теории считают положение о первичности материи и вторичности сознания, положение, что материя предшествует сознанию. На первый взгляд, эта ссылка кажется достаточно убедительной. Она имела бы решающее значение, если бы спор шел по основному гносеологическому вопросу — что первично и что вторично. Спор же ведется по другому вопросу, а именно: обречено ли человеческое сознание на вечное отставание от бытия, от жизни, или же оно носит творческий характер и способно опережать развитие материальных объектов и предвидеть их будущее?

В. И. Ленин писал, что материя и сознание абсолютно противоположны «исключительно в рамках основного гносеологического вопроса о том, что признать первичным и что вторичным. За этими пределами относительность данного противоположения несомненна»¹.

Действительно, когда мы рассматриваем конкретные процессы жизни и деятельности как отдельных людей, так и общества в целом, то убеждаемся, что бытие и сознание меняются местами, переходят друг в друга. Известно, что каждый человек в своей деятельности преследует определенную сознательную цель, и результат его труда представляет осуществление этой цели, является его материализованной целью. Цели, которыми движутся люди в своих поступках, являются порождением общественного бытия данного периода, с одной стороны, и предшествуют общественному бытию будущего периода, будущей ступени развития, являются ее предвидением, с другой. Такова диалектика общественного бытия и сознания. «Самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, — указывает К. Маркс, — что прежде, чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже перед началом этого процесса имелся идеально, т. е. в представлении работника. Он не только изменяет форму того, что дано природой: в том, что дано природой, он осуществляет в то же время и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинить свою волю»².

Мы особо обращаем внимание на два момента этого гениального рассуждения Маркса: во-первых, на то, что сознательная цель предшествует практической деятельности каждого нормального человека, и, во-вторых, на то, что она как закон определяет способ и характер его деятельности и подчиняет его волю. С. Л. Рубинштейн правильно подчеркивает, что сознание вплетено в бытие, в жизнь людей как обусловленное и как обуславливающее. Оно обусловлено условиями жизни людей, с одной стороны, но оно же регулирует их поведение с другой.

Некоторые ссылаются на относительную самостоятельность сознания, как на аргумент, якобы подтверждающий теорию отставания сознания от бытия. Эта ссылка, на наш взгляд, также не убедительна. Относительная самостоятельность сознания означает, что последнее не обязательно должно автоматически, механически следовать за разви-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 134—135.

² К. Маркс. «Капитал», т. 1, 1939, стр. 120.

зающимся объектом. Но если это так, а это действительно самостоятельная самостоятельность сознания скорее является пользу теории опережения сознанием бытия.

Процесс отражения действительности в сознании человека — это не автоматический, не зеркальный, не механический, а творческий процесс. Сознание отражает действительность творчески, путем создания многогранного духовного мира ощущений, восприятий, представлений, понятий, суждений, умозаключений, гипотез, теорий и т. д. В этом творчестве видное место занимает фантазия. «Ибо в самом простом обобщении, в элементарной общей идее («стол» вообще) есть известный кусочек фантазии. Нелепо отрицать роль фантазии в самой строгой науке»¹. Фантазия, оторванная от жизни, извращающая действительные свойства и отношения исследуемых объектов, есть заблуждение. Фантазия же, связанная с жизнью, является одним из важнейших творческих моментов, свойств нашего сознания. Если в каждой простейшей общей идее, как указывает В. И. Ленин, заключен известный элемент фантазии и если познание состоит в подведении единичного под общее, то поистине без фантазии нет науки.

Академик АМН П. Н. Анохин на основе своих исследований пришел к выводу, что всему живому, начиная со ступени его становления, присуще свойство опережающего отражения действительности, без чего невозможно было бы его приспособление, а значит и существование. Опережающее отражение действительности он называет «универсальной и самой древней закономерностью» живой материи². Результаты исследований академика П. Н. Анохина, по нашему мнению, следует считать естественнонаучной основой теории опережающего отражения действительности в сознании человека. Человеческое сознание возникло и непрерывно развивается именно потому, что оно является необходимым и могучим средством человека в изменении окружающего мира, необходимым орудием его существования. А таким могучим орудием сознание является потому, что, отражая развитие объективного мира, оно способно предвидеть будущее. Человек способен создавать мысленный образ будущего результата своей практической деятельности, способен ставить перед собой сознательные цели, рисовать идеалы. Этот творческий характер и составляет важнейшую особенность нашего сознания, является его первейшей закономерностью. Сказанное относится как к научному, так и обыденному сознанию.

Но вопреки истине, некоторые по-прежнему утверждают, что «отставание сознания от действительности — закон его развития», что «сознание всегда отстает от бытия...», что «всякое, в том числе и передовое сознание «тоже отстает от бытия»³. Другие же объявляют ошибочной формулу «опережение общественным сознанием общественного бытия» и признают способность общественного сознания к консервации вообще, которая состоит в «способности сознания к затвердению понятий», в консервативной силе «старых традиций, нравов, привычек»⁴.

Рассмотрим некоторые из этих аргументов. Говорят, что консервативность сознания в том, что оно способно создавать такие понятия, идеи, которые, как бы «затвердевают», «окаменевают» и продолжают сохранять свою силу длительное время, т. е. и тогда, когда уже не существуют ни породившие их общественные условия, ни создавшие их люди. Да, такое свойство присуще человеческому мышлению. Но совер-

В. И. Лени. Соч., т. 38, стр. 370.

² Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности, стр. 175.

³ В. В. Журавлев. Марксизм-ленинизм об относительной самостоятельности общественного сознания, 1961, стр. 132.

⁴ Э. Х. Степанян. Об относительной самостоятельности идеологии, 1961, стр. 63, 69, 80.

шенно неубедительно, когда это свойство объявляют консервативным, считая его причиной отставания сознания от бытия. Наоборот, нам кажется, что это свойство характеризует мышление как величайший творческий процесс. Оно говорит о том, что человек способен настолько глубоко и правильно познавать окружающий его мир, что соответствующие понятия и идеи, творения человеческого ума, отразившие результат этого познания, не теряют своего значения на протяжении столетий и даже тысячелетий. Ярким примером таких понятий являются категории диалектики. Многие из них сформулированы более двух тысяч лет тому назад, но они не только не потеряли своего значения и до сих пор, наоборот, по мере развития науки, их роль все больше и больше возрастает. Такие понятия, как сущность, количество, качество, место, время и некоторые другие, сформулированные Аристотелем, действительно превратились за это время в нечто традиционное, в нечто как бы затвердевшее. Но от этого они не только не потеряли своего огромного научного, а значит и прогрессивного значения, а наоборот, их эвристическое значение все больше и больше возрастает¹. Объясняется это тем, что в этих понятиях правильно и глубоко отражены существенные свойства или стороны действительного мира. Многократное подтверждение правильности этих ступенек, элементов познания закрепляет их, превращает в аксиомы. «Практика человека,— пишет В. И. Ленин,— миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения»². Процесс «затвердения понятий» и превращения их в аксиомы является результатом многократного подтверждения их на практике, показателем их истинности, объективной значимости, показателем глубины наших знаний.

Таким образом, понятия, идеи, превратившиеся в аксиомы и приобретшие «прочность предрассудка», как выражается В. И. Ленин, являются выражением творческого характера нашего сознания и имеют огромное познавательное значение. Система категорий и законов материалистической диалектики, как известно, составляет теоретическую основу, теоретический хребет всего современного научного познания.

Нам могут сказать, что немало устаревших понятий и идей уже отброшено людьми, как ненужных и задерживающих общественное развитие. Это замечание правильно. Отброшенными оказались такие понятия и идеи, истинность которых не была подтверждена практикой. Но на том основании, что наряду с системой научных понятий, выработанных нашим сознанием, имеют хождение и некоторые неправильные идеи и понятия, нелогично объявлять консервативное самое способность нашего сознания вырабатывать понятия и идеи, имеющие непреходящий характер и превращающиеся в аксиомы.

Наличие традиций в сознании людей некоторые также считают консервативным свойством человеческого сознания. Традиции — довольно широкое понятие. Мы говорим о революционных традициях рабочего класса нашей страны, о революционных традициях нашей партии, о традициях ее борьбы с правыми и «левыми» оппортунистами, о патриотических традициях русского народа, о героических традициях советского народа и его вооруженных сил. В. И. Ленин указывал на наличие солидной материалистической традиции, имевшейся у главных направлений передовой общественной мысли России и считал это обстоятельство счастливым для развития общественного сознания в стране и после победы социалистической революции. Традиции подобного рода оказывают большое

¹ При этом имеется в виду, что по мере развития человеческих знаний обогащается, углубляется, а значит и изменяется содержание наших понятий.

² В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 209.

прогрессивное воздействие на общественную жизнь. Живые традиции революции 1905 года помогли русскому народу одержать победу над царизмом и капитализмом,— указывал Ленин. Существуют традиции отдельных предприятий, боевые традиции воинских соединений, кораблей, которые имеют огромное воспитательное значение.

На ряде исторических примеров Ленин прослеживает отношение к революционным традициям сил реакции, с одной стороны, и прогрессивных сил, с другой. Реакция стремится вытравить из сознания народа воспоминания и традиции революционной эпохи. Прогрессивные силы, пролетариат и его партия делают все для того, чтобы живо сохранить в памяти народных масс революционные традиции, укрепить и расширить их. «На русский рабочий класс,— писал Ленин в апреле 1908 года,— с особенной силой легла задача: сохранить традиции революционной борьбы (традиции революции 1905—1907 гг.— И. М.), от которой спешат отречься интеллигенция и мешанство, развить и укрепить эти традиции, внедрить их в сознание широких масс народа, донести их до следующего подъема неизбежного демократического движения»¹.

Но в сознании людей, особенно отсталых, имеет место немало всякого рода реакционных традиций, таких, как традиция кровной мести, или традиции, отражающие бесправное положение женщин в обществе, семье т. д. По мере развития производительных сил, по мере уничтожения господства частной собственности, уничтожения эксплуатации человека человеком, по мере овладения людьми научным мировоззрением, они все быстрее будут освобождаться от подобного рода традиций.

Говоря о традициях, обычно вспоминают известное положение Маркса о том, что «традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых». Из этого положения некоторые делают совершенно неправильный вывод о реакционности традиций вообще и об отрицательном отношении к ним Маркса. Это глубокое заблуждение. Маркс решительно выступал против консервативных традиций, против суеверного почитания старины, но он высоко ценил революционные традиции и жестоко бичевал ренегатское и филистерское отношение к ним. Он указывает, что народные массы, партии и отдельные герои английской и французской буржуазных революций, переодетые в костюмы прошлых поколений и даже с лозунгами прошлых веков на устах, решали «задачу своего времени — освобождение от оков и установление современного буржуазного общества». Им не мешали традиции прошлых поколений. В письме к Кугельману от 3 марта 1869 года Маркс негодует по поводу того, что реакции удалось в Германии совершенно вытравить воспоминания о революционных событиях 1848—1849 гг.

Духовной силой пролетарских революций, их незаменимым теоретическим оружием является научная теория революции, научное понимание ее неизбежности, характера, движущих сил, задач, а также форм организации и методов борьбы народных масс. Ей необходимо «уяснить себе собственное содержание». (К. Маркс). Но это ни в малейшей мере не отрицает необходимости сохранения, укрепления, расширения и использования революционных традиций и в пролетарских революциях, и в практике строительства социализма и коммунизма. Правильно говорится, что не всякое признание и продолжение традиций есть консерватизм. И наоборот: не всякий отказ от традиций есть новаторство, прогресс.

Наконец, наличие привычек некоторые считают также признаком консервативности нашего сознания. С этим никак нельзя согласиться. По нашему мнению, наоборот, привычки представляют огромную духовную силу человека. Такие моральные нормы, как не воровать, не обманывать,

уважать старших и другие, превратились в привычку, но от этого они не только не стали консервативной силой, а наоборот, стали как бы неразрывной частью самого человека, нормой, определяющей его поступки.

Воспитание человека коммунистического общества предполагает, прежде всего, превращение труда по способности в привычку каждого человека, в его первую жизненную потребность. В области утверждения коммунистической морали задача состоит в том, чтобы моральный кодекс строителя коммунизма, его нравственные заповеди стали внутренней потребностью каждого человека, чтобы они также вошли в привычку.

Нам могут напомнить, что ведь есть немало плохих привычек, таких как привычка к воровству, к безделью, к обману и т. д. Да, такого рода привычки у некоторых еще сохранились и они оказывают отрицательное воздействие на развитие общества. Но при этом надо иметь в виду, что не эти плохие привычки определяют повседневное поведение народных масс, творящих историю. Народные массы в повседневном своем поведении руководствуются нормами нравственности и справедливости, играющими прогрессивную роль. Но, с другой стороны, на том основании, что среди множества привычек, в подавляющем большинстве играющих прогрессивную роль, есть также некоторое количество привычек, не способствующих общественному развитию, нелогично на этом основании все привычки объявлять консервативным свойством, консервативной тенденцией сознания.

Привычка — это потребность совершать те или другие автоматизированные акты. Нам кажется, что без соответствующего комплекса привычек совершенно была бы невозможна жизнь и деятельность человека. Без наличия этого элемента нашего сознания человечество и до сих пор находилось бы еще где-нибудь на уровне дикого животного. Привычки, автоматизируя длительный опыт, значительно повышают эффективность деятельности людей.

В чем же находит свое выражение творческий характер нашего сознания? Он находит свое выражение, прежде всего, в практической материальной деятельности людей. «Сознание человека, — пишет В. И. Ленин, — не только отражает объективный мир, но и творит его»¹. Совершенно очевидно, что сознание само по себе, без человека не может создавать окружающего мира. Говоря о действенной, творческой, преобразующей роли сознания, мы всегда имеем в виду людей, руководимых определенными идеями и целями. Идеи становятся материальной силой, как только они овладевают массами, — указывает Маркс.

Творческий характер сознания находит свое выражение затем в познавательной, теоретической деятельности человека. В этом плане сознание творит мир в том смысле, что оно создает целую систему ощущений, представлений, восприятий, понятий, суждений, гипотез, законов, теорий, создает субъективный образ объективного мира. Идеальное — есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней, — говорит К. Маркс.

Уже чувственное познание человека носит направленный характер. Оно зависит не только от воспринимаемого объекта, но также и от состояния воспринимающего субъекта, от его цели и задачи, от предыдущего опыта, от всей суммы предыдущих знаний, от комплекса, в котором воспринимается тот или иной объект.

В одном и том же объекте животное и человек замечают совершенно различные свойства. Это различие обусловлено не только различным устройством их органов чувств, но, главным образом, различными потребностями животного и человека. Зрение орла острее, чем зрение человека, но человек видит в вещах больше, чем орел. К нашему глазу присоединяются не только другие чувства, но и деятельность нашего

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 204.

мышления,— указывает Энгельс. Мышление же является продуктом развития всей предыдущей истории человечества, итогом всего накопленного знания.

На ступени теоретического мышления человек вычленяет существенные признаки, свойства и необходимые связи исследуемых объектов. Затем, или одновременно, синтезируя, обобщает эти свойства, признаки, связи и создает общие абстрактные понятия, формулирует законы, строит гипотезы, создает научные теории и т. д. Создание стройной системы научных общих понятий является ярким и убедительным примером творческого характера нашего сознания. Требуется немалый элемент фантазии для того, чтобы «выдумать», создать стройную систему общих понятий в области каждой науки. Выработка же каждого отдельного понятия представляет собою научный подвиг того или иного ученого.

К. Маркс, например, выработав понятие общественно-экономической формации, тем самым превратил социологию в науку. А какая нужна была творческая сила абстракции и фантазии, чтобы выработать понятие феодализма? Феодализм существовал в разных странах, в разное время и в самых причудливых формах. В Китае он существовал около двух тысяч лет, в Западной Европе и в Закавказье — 1,5 тыс. лет, в Англии — до XVII в., во Франции — до конца XVIII в., в России — до крестьянской реформы 1861 года, в Китае — до 1949, а в некоторых странах Азии и Африки он существует и в настоящее время, переплетаясь с империализмом. В этом безграничном разнообразии исторических эпох, форм, национальных особенностей, ступеней, К. Маркс вычленил те существенные признаки, которые присущи феодализму на всех стадиях его развития и во всех странах, которые и составляют его сущность. Выработка понятий общественно-экономической формации, капитализма, феодализма и др.— это результат величайшей силы творческого аналитического и синтетического ума Маркса.

Процесс выработки понятия феодализма очень ярко изобразил Энгельс в письме к Шмидту в 1895 году. Феодализм,— писал он,— «возникший на Западе во Франкском королевстве, развитый дальше в Нормандии норвежскими завоевателями, усовершенствованный французскими норманами в Англии и Южной Италии,— он больше всего приблизился к своему понятию в эфемерном Иерусалимском королевстве, которое оставило после себя в «Иерусалимских оазисах» (сборнике законов) наиболее классическое выражение феодального порядка. Неужели этот порядок был фикцией, от того, что лишь в Палестине он достиг на короткое время вполне классического выражения, да и то в значительной мере — на бумаге?».

Творческий характер нашего сознания ярко проявляется в предвидении будущего. В этой форме наше сознание как бы продолжает развитие объективных процессов. Говоря о научном предвидении, следует иметь в виду не только те или иные теории о будущих формах общественного развития. Научное познание каждого процесса включает в себя как необходимый момент предвидение будущего. Все законы науки тоже включают в себя элемент предвидения будущего. Закон потому и является законом, что он носит всеобщий характер, что он и в будущем, при наличии соответствующих условий, будет действовать везде и всегда. Весь смысл научного познания и открытия законов в том и состоит, чтобы люди могли ими пользоваться в своей настоящей и будущей деятельности, а это возможно лишь при условии предвидения будущего.

Сделаем выводы. 1. Отражение в сознании человека объективного мира представляет собою творческий процесс, в котором большую роль играет фантазия и который состоит в создании человеком многогранного духовного мира ощущений, представлений, понятий, суждений, идей, гипотез, законов, теорий, мировоззрений и др. форм мысли.

2. Одним из коренных и основных свойств человеческого сознания является свойство предвидения будущего, свойство опережения им развития объективного мира.

3. Сознание играет активную роль в жизни людей, оно в форме сознательных целей определяет их поведение и подчиняет их волю. Сознание не только отражает объективный мир, но и творит его (Ленин).

4. Если теория о закономерности отставания сознания от бытия по сути дела оправдывает наличие всякого рода антинаучных взглядов и отводит сознанию пассивную роль, то, наоборот, признание творческого характера человеческого сознания является теоретической предпосылкой возможности успешного формирования научного мировоззрения у всех советских людей и преодоления всякого рода отсталых взглядов.

О РОЛИ СУБЪЕКТИВНОГО ФАКТОРА В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

Вряд ли можно согласиться с основными положениями прослушанного на нашем симпозиуме доклада профессора Матвеевкова И. И. Отрицая отставание сознания от общественного бытия и игнорируя неравномерность развития различных сторон сознания, противоречия между сознанием и общественным бытием он свел только к опережению первым второго. На деле сознание прежде всего соответствует общественному бытию, в основном адекватно отражает его, а это не исключает как предвидение, предвосхищение общих черт будущего, так и отставание (не «надуманное», а реальное, хотя и нежелательное отставание) некоторых сторон, сфер сознания от общественного бытия.

Если бы сознание ни в чем не отставало от действительности, то в нем были бы невозможны пережитки старого. Кто отрицает отставание сознания от бытия, тот, независимо от своих благих пожеланий, обрекает нашу жизнь на примирение с тем отсталым, что мешает ей, омрачает ее. Отрицание отставания сознания от общественного бытия не только игнорирует пережитки старого, но и снимает задачу целенаправленной борьбы с ними, тем самым содействует сохранению их, что равнозначно проявлению заботы о них.

И. И. Матвеевков заявил, что относительная самостоятельность сознания выражается не в отставании сознания от бытия, а в опережении первым второго, что существует альтернатива: необходимо признать либо вечное отставание сознания от жизни, либо — его творческий характер, его способность опережать развитие материальных объектов и предвидеть их будущее. Конечно, перспектива «вечного и растущего» отставания сознания от бытия была бы мрачна. Но она не реальна, так как целенаправленная и организованная борьба с отставанием сознания от бытия (не игнорирование его, способствующее лишь увековечиванию его), ведущаяся в условиях социализма, ограничивает действие этой закономерности, постепенно преодолевает его, шаг за шагом приближает его к нулю, хотя и никогда не сможет свести его к нулю. Относительная же самостоятельность сознания проявляется и в действии законов преемственности и критики, и в росте воздействия посредующих звеньев между ним и общественным бытием, и в силе традиций, в отставании отдельных сторон сознания от действительности, и в его творческом характере, в научном предвидении. Признание одних из вышеперечисленных факторов не означает ни автоматического отрицания, ни умаления других.

Безусловно верны приведенные И. И. Матвеевковым старинные изречения: «Не всякая традиция консервативна», «Не всякое признание и продолжение традиций есть консерватизм» и «Не всякий отказ от традиций есть новаторство, прогресс». Но наличие героических революционных, общедемократических трудовых и других гуманистических тра-

диций разве может само по себе исключить существование традиций реакционных, отставших от жизни, отрицательных? Конечно, немало ценных традиций, достойных заботы и бережного отношения к ним, но это отнюдь не означает, что любые традиции хороши.

Даже положение о существовании идей и тогда, когда уже не существуют ни породившие их общественные условия, ни создавшие их люди, И. И. Матвеенков сводит только к наличию таких результатов познания, которые не теряют свою значимость, живут и обогащаются тысячелетиями. Бессмертность, исторически непреходящее значение величайших завоеваний человеческого ума разве само по себе способно не допустить длительность существования заблуждений разума и отставших от жизни идей?

Согласно мнению И. И. Матвееenkova признание отставания сознания от общественного бытия якобы означает оправдание всего отрицательного в нашей жизни ссылкой на действие этой «надуманной» закономерности. У нас никто не считает, что пережитки старого в сознании держатся только в силу отставания сознания от общественного бытия. У нас никто не отрицает (хотя кое-кто и недооценивает) роль трудностей, противоречий и осложнений самой жизни, особенно — неустроенности и несчастий в личной жизни — в оживлении отсталых воззрений. По-видимому, И. И. Матвеенков руководствуется соображением: «если имеется возможность преувеличения, абсолютизации того или иного фактора, то ради преодоления такой возможности необходимо вообще отрицать наличие самого этого фактора» (в данном случае — отставания сознания от бытия).

Если бы сознание только опережало и чем дальше тем больше опережало действительность, то оно перестало бы соответствовать ей, оторвалось бы от нее и не смогло бы оставаться руководством в жизни и деятельности людей. Например, человек, «опередивший» социалистическую действительность, решивший «полностью жить по-коммунистически», как бы он добросовестно, увлеченно, квалифицированно и высокопродуктивно ни трудился, при первой же попытке бесплатно удовлетворить свои вполне разумные потребности попал бы по меньшей мере в «щекотливое» положение. Действительность, как бы хороша она ни была, не прощает тех, кто, либо опережая ее, либо отставая от нее, пытается игнорировать ее.

* * *

В нашей философской литературе еще нет единого и четкого понимания категорий «объект» и «субъект», «объективные условия» и «субъективные факторы общества». У нас до сих пор бытует характерное для домарковского материализма отождествление объекта с материей, основанное на том факте, что весь материальный мир, включая сюда и ту его часть, с которой субъект еще не вступил во взаимодействие, существует объективно, независимо от сознания. Углубление познания и развитие практической деятельности человечества требуют разграничения от такого широкого понимания объекта более узкого, строгого и точного смысла этой категории. В строгом смысле этого слова объектом является не вся материя, а лишь та постоянно расширяющаяся часть материального мира, с которой субъект вступает в практическое и познавательное взаимодействие. С другой стороны, объектом познания и преобразования может стать не только материальный предмет, но и сознание, в том числе и собственное сознание субъекта, занятого самоанализом или самовоспитанием.

Бесконечная неисчерпаемая материя в своих различных частях выступает либо как объект, либо как субъект (так как субъект представляет

собой объективно существующую реальность, а не нечто сверхчувственное, надматериальное, бестелесное), либо вне той или иной связи с субъектом.

Любой предмет становится объектом лишь по мере того, как субъект вступает с ним в связь и в качестве объекта он существует только для субъекта. Но он независим от субъекта и его сознания, существует не только в качестве объекта, остается объективной реальностью безотносительно к тому, воспринимается или не воспринимается субъектом. Когда это игнорируется, когда объект (в строгом смысле этого слова) отождествляется со всей реальностью, делаются субъективно-идеалистические выводы, будто предметы существуют лишь постольку, поскольку они воспринимаются субъектом, лишь в сознании субъекта, лишь в неразрывной связи с ним.

Известное выражение: «Без субъекта нет объекта», оторванно от контекста, не содержит в себе ни материализма, ни идеализма. Оно может быть истолковано и материалистически и идеалистически. Если философ не сомневается в объективном существовании того или иного предмета, ставшего объектом познания и преобразования, то он выступает как материалист и вкладывает в вышеуказанное выражение материалистический смысл: «любая вещь, существующая независимо от сознания, становится объектом только для познающего и преобразующего ее субъекта и без субъекта она не может выступать в качестве объекта». Для субъективного же идеалиста понятия «существовать» и «быть объектом» идентичны. Поэтому заявляя, что нет объекта без субъекта, идеалист отрицает бытие предмета вне сознания субъекта.

Лишь тот, кто склонен к догматизации любого положения, может видеть обязательное проявление авенариусовской «координации» в самой фразе «без субъекта нет объекта». Читая предыдущий абзац, догматик может сказать: «Автор забывает, что В. И. Ленин одобрял плехановские слова: «Для идеалиста нет объекта без субъекта, а для материалиста объект существует независимо от субъекта»¹. Действительно, признание объективного существования предметов и явлений природы — азбука, основная посылка материализма. Но это не означает отрицания того, что предмет, существующий вне и независимо от сознания субъекта, а, значит, существующий не только в качестве объекта для субъекта, становится объектом лишь постольку, поскольку субъект познает и преобразует его.

Предмет, становящийся объектом, за редким исключением, подвергается практическому воздействию субъекта. Не ограничиваясь пассивным созерцанием объекта, люди накладывают на его природный материал печать своей преобразующей деятельности. Ее результаты становятся такой же объективной реальностью, как и нетронутые человеком явления природы.

В общественной же жизни объективное, первичное начало состоит в основном из «овеществленных», опредмеченных, материализованных духовных начал, из результатов человеческой умственной и физической деятельности, человеческого труда. Оно при любых условиях сохраняет свою первичность, но его структура изменяется благодаря активной, преобразующей деятельности субъекта. Без учета вхождения результатов деятельности людей в объективные условия дальнейшего развития общества невозможно понять общественный прогресс. При чтении «Науки логики» Гегеля В. И. Ленин отметил: «Мысль о превращении идеального в реальное **глубока**: очень важна для истории»².

Всякая человеческая деятельность воплощается, кристаллизуется,

См. В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 72.
В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 102.

овеществляется на том или ином природном материале. Вся материальная и духовная культура человечества, составляющая «предметное тело» цивилизации, представляет собой скопление «закодированных», запечатленных в преобразованных веществах природы результатов человеческой деятельности. Культура носит на себе следы превращения собственных свойств субъекта, его способа жизни и деятельности в свойства очеловеченного объекта.

Труд, созидаящий очеловеченную действительность, творящий культуру, составляющий человеческую жизнедеятельность, увеличивает свое могущество, все полнее осваивая, вбирая в себя и переплавляя в своем горниле весь прежде опредмеченный труд.

Что бы материальное ни творил человек, он все создает из преобразуемых веществ природы и может изменить объект лишь затрачивая материальные усилия и сообразуя свои действия с собственной природой объекта. Любые предметы и процессы, независимо от того, существуют ли они в нетронутом людьми виде, имеют ли на себе печать человеческого воздействия, возникли ли они в результате деятельности предшествовавших поколений или в данный момент искусственно создаются человеком, остаются объективными, существуют вне сознания субъекта, попадают под ленинское определение материи.

Субъектом истории является все человечество. В нашей философской литературе часто субъектом называют лишь сознательных творцов истории, забывая, что общественная жизнь есть продукт деятельности — стихийной или сознательной — всего народа и поэтому весь народ во все времена составлял субъект истории. Странники включения в понятие «субъект» лишь сознательных творцов истории обычно ссылаются на ленинские слова: народы колониальных и полуколониальных стран в прошлом «**рассматривались** лишь как объекты, а не субъекты истории»¹. Б. И. Ленин пишет, что эти народы **рассматривались** как объекты истории (значит — рассматривались кем-то), но не пишет, что они **были** лишь объектами истории. В прошлом угнетенные народы не участвовали в сознательном творчестве истории, но они не оставались лишь объектами истории — таковыми их рассматривали буржуазные теоретики.

Понятие «субъект» применимо и к обществу в целом, и к определенному коллективу людей, и к каждой личности в отдельности. Каждый индивид становится субъектом не просто как биологический организм, а как элемент социальной системы, лишь будучи включен в познавательную и практическую деятельность общества и лишь постольку, поскольку он владеет накопленными обществом знаниями и трудовыми навыками.

В марксизме субъект — не только познающее, но и преобразующее мир существо. Он активный борец, живущий при определенных общественных условиях, являющийся и продуктом, и носителем, и преобразователем их. Даже познание им мира не сводится к пассивному созерцанию действительности. Оно осуществляется лишь постольку, поскольку субъект в своей практической деятельности властно проникает в объект, преобразует его, подвергает его воздействию своих «сущностных сил», своих творческих способностей, делает его своим «неорганическим телом» и тем самым приобретает возможность идеального проникновения в него, воспроизведения его объективной логики в своем мышлении. Познание выступает как переработка, трансформация объективного в субъективное в соответствии с исторически сложившимися особенностями (в том числе и с индивидуальными особенностями) субъекта. В познанном идеально воплощена созидательная мощь развивающегося субъекта.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 454—455 (разрядка моя. Ф. С.).

Субъект — понятие историческое, развивающееся. Благодаря использованию в процессе труда опредмеченных результатов прошлого возрастает могущество субъекта, расширяются возможности действия его на объект, практического и научного освоения им мира. Все больше вмешиваясь в стихийные естественные процессы, субъект постепенно снимает былую отчужденность между собой и объектом, между обществом и природой.

Объективное в строгом, узком смысле этого слова означает присущее объекту, собственные свойства объекта.

Как правило, человек имеет дело с материальными объектами, их познает и преобразует. Поэтому категория «объективное» означает прежде всего существующее вне и независимо от сознания, включает в себя материальные условия жизни и деятельности человека. Однако отождествление объективного и материального имеет свои границы. Категория «объективное» не сводится к материальному, а означает также такое содержание наших мыслей, которое соответствует объекту, верно отражает действительность, представляет собой объективную истину.

Субъективное означает присущее субъекту, оно не сводится к идеальному, включает в себя не только сознание, но и материальную практическую деятельность людей.

Различие между субъективным и объективным предполагает их взаимосвязь, взаимопроникновение. Между ними нет непроходимой грани хотя бы потому, что осуществление человеком любой цели означает перевод субъективного стремления в объективную действительность через практическую деятельность.

Единство объективного и субъективного особенно ярко проявляется во взаимодействии объективных и субъективных факторов истории, в том факте, что именно практическая деятельность субъекта, соответствующая назревшим потребностям развития общества, составляет объективный процесс общественного прогресса.

Объективные факторы истории независимы от людей данной эпохи, определяют направление и характер их деятельности и содержат в себе реальные возможности для решения назревших исторических задач. К этим объективным факторам относятся вовлекаемая в процесс труда географическая среда, достигнутый уровень развития материального производства, сложившиеся общественные отношения и учреждения, а также назревшие потребности общественного прогресса.

За исключением природных условий все объективные факторы истории представляют собой материализованный результат предшествовавшей практической и духовной деятельности людей. Поэтому признание первичности объективных условий не может принижать субъективный фактор, его активность, а наоборот, способствует подчеркиванию его творческой, созидательной роли.

С каждым новым поколением людей объективные факторы, вбирая в себя материализованные результаты их деятельности, обогащаются. Это означает расширение почвы для субъективных факторов истории, т. е. для развития сознания и практической деятельности человечества.

Пока не созрели объективные условия для решения тех или иных исторических задач, никакие усилия каких-либо классов или других групп людей не могут, не в состоянии их решить. Без объективных условий для революционного переворота, например, невозможно совершить революцию несмотря ни на какие усилия партий и даже классов. Политический авантюризм, присущий левому оппортунизму, игнорирующий необходимость объективных условий для свершения революции, обрекает

революционеров на заговорщицские действия, на отрыв от масс, на поражение.

При наличии же объективных условий для революционных преобразования общества судьбы революций полностью зависят от субъективного фактора, от сознательности, организованности и энергии масс.

Сказанное здесь полностью применимо к любым противоречиям общественной жизни — они возникают и развиваются объективно (хотя и в результате деятельности людей), а своевременное и наиболее безболезненное преодоление их полностью зависит от самих людей, от их познавательной и практической деятельности.

Субъективный фактор становится решающим лишь при наличии объективных условий для решения той или иной задачи. И в данных условиях он не может не стать решающим, так как содержание социальной жизни составляет целенаправленная деятельность людей. Историю делаю люди, обладающие сознанием и волей, действующие ради осуществления своих целей. Без субъективного фактора нет общественной жизни, нет истории.

В нашей философской литературе часто к субъективным факторам истории относят не всякую, а только сознательную деятельность людей. «Субъективный фактор в развитии общества,— пишет Г. Е. Глезерман,— это сознательная деятельность людей, классов, партии, творящих историю; это их организованность, воля и энергия, необходимые для решения определенных исторических задач»¹.

Далее профессор Глезерман правильно отмечает, что степень сознательности людей, творящих историю, может быть различна, что сознательная деятельность не обязательно означает научное понимание законов и процессов общественного развития, что к ней относится деятельность, преследующая определенные общественные цели, а научное понимание условий и путей преобразования общества означает более высокую степень сознательности².

Объяснение же товарищем Глезерманом того, почему стихийная деятельность масс не может войти в субъективный фактор истории, остается необъяснимым. Его само по себе верное положение: «Повседневная производственная деятельность людей, направленная на удовлетворение их нужд, входит в число объективных условий развития общества», — не может быть аргументом для исключения стихийно осуществляемой производственной деятельности из субъективных факторов истории хотя бы потому, что и сознательно осуществляемая тружениками социалистического общества производственная деятельность объективна, в результате и этой повседневной, в данном случае сознательной деятельности складывается объективно необходимая цепь событий, цепь развития, полностью не охватываемая общественным сознанием никогда. Вышеуказанное положение скорее подтверждает подвижность граней между объективным и субъективным, чем целесообразность или нецелесообразность включения того или иного вида деятельности в субъективные факторы истории.

Академик Федосеев П. Н. в своих новейших статьях³ относит практическую деятельность народа к объективным факторам только потому, что она материальна, а активность народа — по неуловимой для читателя причине — к фактору субъективному. Как же можно представить активность без практической деятельности или практическую деятельность без той или иной степени активности?

¹ «Вопросы философии», 1965, № 6, стр. 3.

² См. там же, стр. 4.

³ См. П. Н. Федосеев. «Материализм — враг субъективизма» («Известия», от 13 мая 1965), «Диалектика развития социализма» («Коммунист», 1965, № 14) и «Научный подход — основа успеха» («Известия», от 28 окт. 1965).

Соотношение объективных и субъективных факторов истории — это соотношение условий жизни людей и их деятельности, а не соотношение материального и идеального. Любой отход от такого понимания данных категорий вызывает противоречивость, непоследовательность суждений.

В борьбе против и правого и левого оппортунизма имеет огромное значение знание того, что развитие общества, представляющее собой объективный закономерный процесс, осуществляется не автоматически, не помимо воли и действий людей. Историческая необходимость действует не с фатальной неизбежностью, рамки ее требований не носят жесткого, раз навсегда установленного характера. Сфера этой необходимости представляет собой спектр различных возможностей для субъекта, так как она является объективной необходимостью самой человеческой деятельности и любые закономерности общественного развития выступают как тенденции, пробивающие себе дорогу только через действия людей. В зависимости от деятельности людей объективные законы-тенденции развиваются и реализуются в многообразных конкретных формах. В реальной исторической обстановке одной тенденции противостоит другая тенденция и только их борьба (т. е. борьба масс за реализацию одних и за преодоление других тенденций) определяет, какая из них в данных условиях берет верх. Люди в состоянии сдерживать действия одних законов-тенденций и давать простор другим, добиться их реализации. Организованная борьба пролетариата, например, вырывая у капиталистов одни уступки за другими, может сдерживать действие закона абсолютного обнищания пролетариата.

И при социализме объективные законы выступают как тенденции, реализуемые людьми. Забвение этого порождает представление об автоматическом действии законов социалистического общества (например, воззрение, согласно которому основной экономический закон социализма сам обеспечивает расцвет экономики и культуры, постоянное соблюдение пропорциональности в народном хозяйстве), ведущее к пассивности и самоуспокоению. Закономерности и преимущества социализма сами по себе без действий людей не обеспечивают достижения и развитие общества. Это подтверждает решающее значение субъективного фактора при наличии соответствующих объективных условий. Показатели работы любого предприятия и учреждения определяются умелым использованием благоприятных возможностей, созданных социалистическим строем.

Экономические кризисы и диспропорции исключаются природой социалистического общества. Но, когда из-за ошибочных, невежественных субъективистских действий нарушаются требования экономических законов социализма, искажается плановое и пропорциональное начало в экономике, возникает перепроизводство одних и недопроизводство других товаров, общественному хозяйству наносится урон.

Недостаточно обнаружить и сформулировать те или иные законы, а необходимо исследовать механизм их действия, практические формы их выражения, их проявления. Требуя конкретного анализа каждой конкретной ситуации, В. И. Ленин подчеркивал, что абстрактные истины теории играют роль «лишь руководящих положений, лишь орудий для анализа конкретных данных»¹. «Всякое общее историческое соображение, — писал он, — применяемое к отдельному случаю без особого разбора условий именно данного случая, становится фразой»². Когда мы, вопреки этим ясным положениям марксизма, во многом ограничивались провозглашением абстрактных истин, отражающих сущность тех или иных законов, под них формально подводили все многообразие конкретной действительности, то это отнюдь не способствовало избавлению нас от практических промахов.

В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 74.

² В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 29.

Не столько пренебрежение к экономическим законам социализма (в нашей жизни его как такового не было), сколько пробелы в знаниях механизма действия этих законов, их структуры, конкретных форм и функционирования, и обусловленное этим незнанием неумение использовать действие объективных закономерностей порождало произвольные решения, вызывающие диспропорции в экономике, излишние затраты материальных и трудовых ресурсов, снижение экономической эффективности производства.

Лишь глубокий анализ и оптимальный учет требований экономических законов развития социалистического хозяйства может открыть полный простор для успешного действия этих законов, снять любые преграды, мешающие их эффективному проявлению. Не случайно пленумы ЦК КПСС 1964-65 годов требуют изучения системы действия экономических законов социализма, создания наиболее целесообразных хозяйственных форм и материальных стимулов, посредством которых эти законы реализуются.

Поскольку общественные законы выступают как законы действий и взаимоотношений людей, эффективность использования этих законов в интересах народа зависит от глубины проникновения человеческого ума в сущность социальных процессов, от сознательности, целеустремленности, организованности и единства действий масс. Как реализуются требования общественного прогресса — это зависит от самих людей, только от людей.

* *

Закономерностью развития общества является неуклонное возрастание роли субъективного фактора, рост степени воздействия масс на объективные условия общественной жизни. Эта закономерность обусловлена не волей и желанием людей, а самими объективными условиями общественного прогресса. Определяется она ростом могущества труда, вооружаемого материализованными результатами деятельности каждого нового поколения. Объясняется она также появлением новых, более эффективных стимулов трудовой деятельности с каждым новым способом производства; ускорением темпов развития науки, все большим практическим применением ее, все большим превращением ее в непосредственную производительную силу общества; ростом сознательности и организованности масс — творцов истории. Чем глубже переворот, происходящий в обществе, тем больше, во-первых, объем массы, делом которой он является, и, во-вторых, число сознательных творцов истории¹.

В современном исключительно динамичном мире открываются растущие возможности для сознательного вторжения революционных сил в объективный ход истории. Повышение исторической роли рабочего класса и влияние системы социализма существенно видоизменили действие социально-экономических законов капитализма. Возросшая организованность и активность рабочего класса придала покупательной способности населения большую эластичность и привела к заметным изменениям в деятельности представительных учреждений государственной машины и других демократических институтов в ряде стран. Растут экономические функции буржуазного государства, пытающегося привести плановое начало в капиталистическую систему, в экономические отношения, стабилизировать экономику капитализма и стимулировать ее рост. Пробивают себе дорогу интеграционные тенденции во взаимоотношениях групп капиталистических держав, частично регулирующих рыночные отношения. Изменились проявления экономического цикла.

Возникновение и развитие социализма, его перерастание в комму-

¹ См., В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 491., т. 28, стр. 407.

низм, при правильном отражении этих процессов, развивают и углубляют понимание соотношения объективных и субъективных факторов истории. В этом соотношении появляются новые черты: несколько видоизменяется содержание и объективных, и субъективных факторов, небывало возрастает роль вторых из них, коренным образом меняется соотношение между стихийным и сознательным.

Общественный прогресс, остающийся, как и прежде, объективным процессом, утрачивает свой стихийный характер и выступает как осознанное, организованное историческое творчество масс, сплоченных вокруг коммунистической партии, действующих соответственно требованиям познанных объективных социальных закономерностей. Здесь нет антагонистических классов, все труженики объединены общественной собственностью, общностью коренных интересов, что составляет прочную основу их сплоченности, единства их действий. Здесь нет социальных групп, мешающих использованию объективных законов в интересах трудящихся, нет стихийного столкновения различных общественных сил.

История опровергает ревизионистские представления о развитии социализма как стихийном процессе, при котором роль партии сводится к пассивной регистрации фактов и событий. Всякое ослабление руководящей и направляющей роли коммунистической партии в социалистическом строительстве в той или иной стране представляет собой нарушение требований объективных закономерностей и ведет к усилению подрывной работы антисоциалистических элементов.

Социалистическое общество — сознательно управляемое целое, все больше подчиняющее себе те силы, которые в прошлом оставались стихийными, господствовали над людьми. И в сфере производства, и во всех других частях нового социального организма утверждается плановое начало, что намного повышает роль организующей деятельности государства. Плановое хозяйство, основанное на общественной собственности, связывает в единую систему различные сферы производства и превращает их в звенья единого общенародного трудового процесса. Это требует согласования усилий членов общества, единства действий миллионов людей и ведет к возрастанию роли сознательности и организованности народных масс.

Экономические законы социализма могут действовать только планомерно, только посредством организованных и объединенных в масштабе всего общества целенаправленных действий людей, действий, соответствующих познанной объективной необходимости. Реализация этих законов несовместима с разрозненными, не взаимосвязанными действиями сравнительно небольших групп людей, со стихийным приспособлением разобщенных производителей к объективной экономической необходимости.

Сознательная, планомерно организованная деятельность масс не ограничивается только «согласованием» ее с уровнем развития производительных сил и производственных отношений. Она обеспечивает не только приспособление к производственным отношениям, но и целенаправленное совершенствование их, основанное на учете их реального уровня развития, их объективных потребностей. Программа КПСС предусматривает осознанное изменение материально-технической базы общества и сознательное совершенствование социалистических общественных, в том числе и производственных отношений, их перерастание в коммунистические отношения.

По мере развития социализма воля людей все больше совпадает с объективным ходом истории, историческая необходимость все глубже понимается все более широкими слоями трудящихся. Сознательная деятельность организованных и руководимых партий трудящихся масс осуществляет исторически необходимые процессы движения общества к ком-

мунизму, т. е. сознательное использование познанных объективных законов исторического развития в интересах общества выступает как форма действия самих этих законов.

Возрастание роли субъективного фактора, обусловленное самими объективными условиями строительства коммунизма, означает дальнейшее повышение руководящей роли КПСС, совершенствование деятельности партии, государства и общественных организаций; исключительное значение правильного политического руководства, построенного на научном анализе общественных закономерностей; рост значения коммунистического воспитания масс, все более глубокое понимание трудящимися объективных потребностей общественного развития и активную борьбу во всех областях деятельности масс в соответствии с этими потребностями. Все это находит свое концентрированное выражение в росте удельного веса духовных начал в жизни общества, в превращении сознания, детерминированного объективными отношениями, в могучий ускоритель общественного прогресса. Чем глубже проникает человеческий разум в механизм действия экономических законов социализма¹, тем свободнее и полнее функционируют сами объективные закономерности, тем лучше согласуется с их требованиями и становится плодотворнее наша практическая деятельность. Ее эффективность прямо пропорциональна умению использовать действия познанных объективных законов строителей коммунизма.

Субъективизм недооценивает или даже игнорирует определяющее значение объективных факторов общественного прогресса, приписывает субъективному фактору решающую роль в истории безотносительно к объективным условиям. Он, как это отметил академик П. Н. Федосеев, начинается там, где кончается знание механизма действия объективных законов, проявляется там, где нет умения организовать практическую деятельность в соответствии с требованиями этих законов.

Произвольные решения и необоснованные реорганизации, шарахания из одной крайности в другую, присущие субъективизму, обуславливаются прежде всего незнанием конкретных форм проявления объективных законов, отвлечением от реальных процессов, игнорированием насущных потребностей общественного прогресса. Субъективизм питается также преувеличением возможностей, роли деятельности отдельных руководящих лиц и недооценкой творческой инициативы, разума, предложений всех остальных. Гносеологическими корнями субъективизма являются не только недооценка роли объективного и преувеличение, абсолютизация действительно возросшей в условиях социализма роли субъективного фактора, игнорирование его зависимости от объективных условий, но и неправильное понимание соотношений различных элементов самого субъективного фактора.

Субъективный фактор эффективен и приводит к ожидаемым результатам лишь при строжайшем учете объективных условий, реальных возможностей. При игнорировании или недооценке объективных факторов, либо при незнании механизма действия объективных закономерностей; субъективный фактор может привести к результатам, прямо противоположным ожидаемым. Стихия волюнтаризма, как это отметил академик В. С. Немчинов, если позволить ей разрастаться при социализме, может привести к вредным последствиям, порой не меньшим, чем результаты стихийной конкуренции при капитализме¹. Допустивший просчет капиталист разоряется, его банкротство может и не отразиться непосредственно на всем обществе. Просчеты же планирующих органов социалистиче-

¹ См., «Коммунист», 1964, № 5, стр. 84.

ского общества в той или иной степени воздействуют на все народное хозяйство. «Волевые» методы планирования замедляют экономическое развитие страны, так как они нарушают нормальный ход производства, порождают диспропорции, ведут к расточению сил и средств. Они вызывают у неустойчивых работников стремление добиться заниженных плановых заданий и нередко толкают их на беспринципное приспособленчество и очковтирательство, на обман государства, партии и народа.

Пожалуй, субъективизм наносит субъективному фактору еще больший вред, чем объективному. Объективные законы так или иначе, рано или поздно, с большими или меньшими издержками пробивают себе дорогу сквозь любые наслоения субъективизма. Урон же, наносимый субъективизмом инициативе масс и их коммунистическому воспитанию, ничем невозместим.

Ущерб, наносимый обществу проявлениями субъективизма, не может быть оправдан даже самыми благими мотивами волюнтаристских решений — стремлением побыстрее достигнуть желаемых рубежей.

П. Н. Федосеев прав, заявляя: «Мы, философские работники, не можем не чувствовать своей вины за то, что не вели должной борьбы против субъективизма, фактически мирились с его проявлениями в теории и на практике. Этот урок не должен остаться без выводов»¹. Именно потому, что нельзя оставлять этот урок без соответствующих выводов, недостаточно вскрытия лишь гносеологических корней, создающих возможность субъективизма, а необходимо, крайне необходимо вскрытие тех содержащихся в нашей практической деятельности причин, которые вызвали к жизни проявления субъективизма.

Субъективизм, чуждый духу социализма, не мог быть порожден самими социалистическими общественными отношениями. Но он мог проявиться даже в недавнем прошлом, в условиях развитого социализма не столько потому, что имеются его гносеологические корни, а сколько потому, что действовали отрицательные традиции, сложившиеся при культе личности, и под влиянием этих традиций мы допустили некоторые ошибки.

Субъективизм питался порочной и чуждой духу нашей партии практикой ограждения отдельных руководителей от критики. Авторитет руководителей нам безразличен. Необходимо ограждать их от клеветы и только от клеветы, но отнюдь не от критики. Никого нельзя ставить вне критики и контроля, независимо от заслуг и занимаемых постов.

Субъективизм поддерживался также теми традициями, которые могут быть названы психологией «маленьких людей». Кто заражен такой психологией, тот фактически не верит, что мы — коллективные хозяева партии и страны, что каждый коммунист отвечает за всю партию и каждого гражданина — за всю страну. Люди, свыкшиеся с психологией «маленького человека», не только лишены здорового критицизма, но и боятся обсуждения острых вопросов, а в попытках открытого обсуждения их видят по меньшей мере сенсацию. Такие люди, если даже и хотят развития внутрипартийной и советской демократии, то предпочитают, чтобы она развивалась чужими усилиями.

Возможности субъективизма будут полностью искоренены только тогда, когда каждый коммунист, каждый гражданин очистится от психологии «маленького человека» и научится во всем руководствоваться интересами народа, своими коммунистическими убеждениями.

¹ «Коммунист», 1965, № 14, стр. 28.

К ВОПРОСУ О РОЛИ СУБЪЕКТИВНОГО ФАКТОРА

К проблемам творческой роли сознания примыкает изучение субъективного фактора, интерес к которому особенно повысился за последнее время. Практика показывает, что нельзя правильно определить основные пути и средства решения тех или иных задач строительства коммунизма, не уяснив соотношения объективных и субъективных условий, место и роль субъективного фактора в строительстве коммунизма.

Относительно этой проблемы в нашей философской литературе ведутся дискуссии по следующим вопросам: Всегда ли существовал в обществе субъективный фактор или он имеет какие-то исторические рубежи? В каком соотношении находятся объективные условия и субъективный фактор? Что относится к объективным условиям и субъективному фактору? Какую роль и место занимает субъективный фактор в строительстве коммунизма? Правильное решение этих вопросов имеет не только научный интерес но и большое практическое значение.

С каждым новым этапом развития история демонстрирует возрастание сознательного воздействия людей на процесс развития общества, то есть возрастание роли субъективного фактора. Чем сильнее это воздействие, тем быстрее темпы общественного прогресса.

Под субъективным фактором следует понимать сознательно направленную на преобразование окружающего мира и социальной действительности деятельность людей, классов, партий, организаций и отдельных личностей, обладающих организованностью, волей и энергией, необходимых для решения стоящих перед обществом задач.

В данном определении субъективного фактора основной упор делается на то, что он представляет собой сознательную деятельность, под которой мы подразумеваем не процесс мышления человека, а проявление сознания в практической деятельности, в процессе, происходящем между субъектом и объектом. Субъективным фактором становится только та сознательная деятельность, которая опирается на осознание объективной закономерности.

В этой связи и производственная деятельность становится тогда субъективным фактором, когда она происходит под влиянием осознания объективной закономерности целенаправленно, организованно, планомерно.

Нагляднее всего действие субъективного фактора, как сознательной деятельности людей, классов, партий, организаций и отдельных личностей проявляется в преобразовании общества путем подготовки и проведения социальных революций силами, познавшими объективные законы или потребности развития общества и способными двигать его в этом направлении. Сила воздействия людей на социальные преобразования зависит от их вооруженности научным представлением о развитии общества. С появлением рабочего класса и возникновением марксизма, как

единственно научной теории общественного преобразования, происходит огромный скачок в усилении субъективного фактора.

Еще большее усиление роли субъективного фактора происходит при социализме, который закономерно возникает на определенном этапе истории. Социализм соответствует современному уровню производительных сил и открывает широкий простор для развития субъективного фактора, характер и направление действия которого существенно меняются в новых условиях. Субъективный фактор эпохи социализма выступает в лице деятельности самих народных масс, их партий и государства, различных общественных организаций и отдельных личностей.

Если в прошлом действие субъективного фактора в обществе ослаблялось раздирающими противоречиями сил, основанных на частной собственности, на противоположностях диктатуры господ и бесправия масс, то общественная собственность и равноправие при социализме обеспечивает единство коренных интересов и действий всех членов общества, подрывает социальные корни стихийности и деятельность народных масс носит сознательный характер.

Сила субъективного фактора эпохи социализма и строительства коммунизма зависит, главным образом, от объективных условий, имеющих в обществе, от задач, которые стоят в тот или иной исторический момент и от увеличения объема массы людей, активно участвующих в строительстве новой жизни. В. И. Ленин писал: «...созидателями этого общества могут быть только многомиллионные массы. Как сотни были этими созидателями в эпоху крепостного права, как тысячи и десятки тысяч строили государство в эпоху капитализма, так и теперь социалистический переворот может быть сделан только при активном непосредственном практическом участии в управлении государством десятков миллионов»¹.

Объективные условия и субъективный фактор в реальной действительности не противопоставлены друг другу как два взаимноисключающие явления. Их противоположность относительна, они постоянно взаимодействуют друг с другом, изменение одного из них влечет за собою изменение другого. Зависимость субъективного фактора от объективных условий заключается в том, что люди не могут действовать вне объективных социально-экономических условий и отношений, которые в свою очередь, созданы в результате действия предшествующих поколений и создаются деятельностью современных людей.

Неверным является утверждение, что субъективный фактор есть явление, присущее внутреннему состоянию субъекта его сознание, активность, организованность, энергия и т. д. Как и всякая практическая деятельность, субъективный фактор есть реальное проявление качеств, присущих субъекту, поэтому субъективный фактор — явление объективное. По определению К. Маркса, субъективный фактор процесса труда это проявляющаяся в действии рабочая сила².

Нельзя согласиться с утверждением Федосеева П. Н.: «Теоретическое оправдание волюнтаризма «подкрепляется» иногда тем, что роль народных масс целиком причисляется к субъективному фактору. Что же тогда остается от объективного фактора? Выходит, что только средства производства. Но ведь средства производства создаются людьми, т. е. согласно этому взгляду субъективным фактором. Что же тогда остается от материализма, если первичным признается субъективный фактор, а объективный фактор оказывается производным»³.

Конечно, ни от материализма, ни от ленинского положения о том, что сознание, то есть сознательная деятельность людей, творит объективный мир, ничего не останется, если все валить в одну кучу.

В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 404.

² К. Маркс. «Капитал», т. 1, стр. 215.

П. Н. Федосеев. «Известия», 13 мая 1965 г.

Еще Гегель в «Феноменологии духа» убеждает, что человек творит своей деятельностью такую объективную реальность, которая уже выходит из-под его контроля и выступает по отношению к нему как совокупность независимых от него стихийно возрастающих последствий его деятельности. Эту мысль горячо поддерживал В. И. Ленин.

На наш взгляд нельзя под объективными условиями подразумевать только материальную (экономическую) жизнь общества или отождествлять их полностью. Имеются существенные различия между материальным и объективным, объективным и субъективным, субъективным и материальным, но в то же время между ними нельзя ставить непреодолимых преград. История полна примеров превращения субъективного в объективное и материальное и, наоборот, превращения объективного в субъективное и вновь в объективное.

Социализм, как наука и практика, можно сказать, превратился в материальную объективную действительность, пройдя через сознание великих мыслителей-революционеров, которые мыслили и действовали соответственно ходу развития объективной закономерности. Но прежде необходимо было познать эту объективную закономерность, превратить ее сначала в субъективную гипотезу, затем в научную теорию и только потом уже в действительность.

Субъективный фактор может успешно влиять на объективные условия только в том случае, если его действия не противоречат направлению действия объективных законов развития общества. В этом смысле объективные условия всегда первичны по отношению к субъективному фактору и определяют его действие. «Человек,— писал В. И. Ленин— в своей практической деятельности имеет перед собой объективный мир, зависит от него, им определяет свою деятельность»¹.

Объективные условия, по своему существу, подвижны и относительны. Их необходимо рассматривать конкретно исторически, так как в разные исторические моменты они могут быть разными, но при этом они никогда не должны сводиться только к экономическим.

Так, В. И. Ленин, определяя революционную ситуацию как совокупность объективных условий, относит к ним не только экономический кризис в обществе, но и политический кризис, когда господствующий класс не может сохранить свое господство в неизменном виде, когда активность масс значительно повышена.

Переход к коммунистическому обществу невозможен без определенных объективных условий, которыми являются создание материально-технической базы коммунизма, формирование коммунистических общественных отношений и воспитание нового человека.

Из этих требований только одно является экономическим, а два последних носят преимущественно политический и идеологический характер. Но при этом они все объективны, реальны и без них невозможно коммунистическое общество. Они составляют объективно необходимую закономерность, выраженную в Программе КПСС в виде главных задач. Но в отличие от революционной ситуации, которая наступала независимо от желания людей, данные объективные условия создаются сознательно волей, энергией и активностью масс — строителей коммунизма.

Это отличие связано с коренным изменением исторических условий, изменением соотношения между стихийным и сознательным, изменением роли субъективного фактора в жизни общества. И в данном случае материалистическое положение о первичности объективных условий по отношению к субъективному фактору полностью соблюдается, ибо эти объективные условия, возможности перехода к коммунизму определяют и направляют деятельность людей, строящих коммунизм.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 173.

Между тем, некоторые авторы под флагом борьбы с субъективизмом, заявляя «а что останется от материализма?», готовы выбросить из объективных условий создания коммунизма и политические, и идеологические отношения только потому, что они не относятся к экономическим отношениям.

Политические и идеологические отношения входят и в объективные условия и в субъективный фактор. Объективными условиями они становятся потому, что они реальны и независимы от отдельных личностей или групп. Они имеют относительную самостоятельность и объективность, так как люди не выбирают себе те или иные идеологические или политические отношения, а воспринимают их вместе с изменившимся базисом. Кроме того, вполне очевидно их воздействие как внешних сил на отдельные личности и общественные группы, на их действия.

Эти отношения входят и в субъективный фактор в той мере, в какой они сами развиваются людьми.

Исходя из вышеизложенного, мы считаем, что к объективным условиям действия субъективного фактора в период строительства коммунизма относятся: во-первых, достигнутый уровень материального производства; во-вторых, экономические, политические и идеологические отношения в обществе. Среди этих отношений главными и определяющими являются экономические.

В. И. Ленин указывает по этому поводу, что «человеческие понятия субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в источнике»¹. О политической деятельности он пишет: «она имеет свою логику, независимую от сознания...» тех, кто в ней участвует².

Всякое произвольное, волюнтаристское искривление политики и идеологии в угоду конъюнктуре или отдельной личности и во вред требованиям объективной закономерности есть субъективизм.

К субъективизму, чаще всего, приводит нарушение установленных объективным ходом событий норм и принципов руководства и действия в практике строительства нового общества. В экономике это произвольные, необоснованные, поспешные действия, в основе которых лежит пренебрежение реальными условиями и объективными экономическими законами, их требованиями. В политике и идеологии это понимание марксистского положения о роли народных масс в истории, слабое знание марксистской диалектической методологии, пренебрежение коллективным мнением и опытом; сомнение, зазнайство, нескромность и приспособленчество отдельных личностей, стоящих у руководства общественными процессами.

В условиях советской политической и хозяйственной организации сложилась строгая централизованная система управления в сочетании с широкой демократией. При неправильном соотношении демократизма и централизма, когда больший крен делается в сторону централизма, иногда предаются чрезмерные права отдельным личностям или руководящим коллективам, которые под влиянием различных обстоятельств не гарантированы от принятия решений субъективистского толка, что при данной системе может привести иногда к чрезвычайно тяжелым последствиям.

Ликвидация субъективизма может способствовать, во-первых, организации научного управления всеми процессами, происходящими в обществе. Научное руководство общественными процессами подразумевает всестороннее знание и четкое следование требованиям объективных законов, всестороннее изучение происходящих явлений и на этой основе принятия правильных решений. «...Чтобы действительно знать предмет,— писал В. И. Ленин,— надо охватить, изучить все его стороны, все свя-

¹ В. И. Ленин. Философские тетради», 1947, стр. 180.

² В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 388.

зи и «опосредования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостерегает нас от ошибок и от омертвления»¹.

Ликвидации причин субъективизма могут служить, во-вторых, соблюдение ленинских принципов коллективного руководства. Но при этом надо учитывать, чтобы участие в коллективном руководстве не являлось формальным актом исполнения обязанности людьми, которые избраны или назначены народом в эти органы, чтобы коллективное руководство не стало ширмой для единовластного действия одного лица, руководящего коллективным органом.

Ленинский принцип коллективности руководства общественными процессами может безошибочно действовать только в том случае, если с расширением объема массы людей, участвующих в управлении обществом расширяются демократические возможности, на основании которых усиливается политическая активность, личное творчество и повышение ответственности за судьбу дела каждым членом того или иного коллективного органа.

Субъективно неправильное решение может принять любой коллективный орган, если он будет подходить к принимаемому решению односторонне. Десятки, сотни и тысячи людей могут быть уведены в сторону от настоящего дела громкой фразой, «захватывающей» перспективой или другими какими-либо небылицами из уст человека, страдающего демагогией, карьеризмом или тщеславием. «И я никогда не устану повторять,— писал В. И. Ленин,— что демагоги худшие враги рабочего класса: Худшие именно потому, что они разжигают дурные инстинкты толпы, что неразвитым рабочим невозможно распознать этих врагов, выступающих и иногда искренне выступающих в качестве их друзей. Худшими потому, что в период разброда и шатаний, в период, когда только еще складывается физиономия нашего движения, нет ничего легче, как демагогически увлечь толпу, которую потом только самые горькие испытания смогут убедить в ошибке»².

В-третьих, ликвидации субъективизма в огромной степени должно способствовать дальнейшее усиление субъективного фактора и в первую очередь повышение уровня руководства. Развернувшаяся борьба с субъективизмом не должна привести к противоположной крайности, как это нередко бывает, к недооценке роли субъективного фактора или его отдельных составляющих частей: творческой деятельности масс, общественных организаций или субъективных качеств той или иной личности. Потому, что, к сожалению, в жизни еще имеются любители прикрывать свою бездеятельность, неспособность организовать дело по-настоящему различными объективными причинами.

Поэтому судьба дела зависит не только от народных масс, являющихся решающей исторической силой, но и в большой степени от того, кто руководит этими массами в их движении. Руководителем в нашей стране может быть каждый, но из этих каждого руководителями становятся в большинстве своем самые достойные, самые способные, умеющие правильно оценить объективные условия и задачи, найти в них правильное решение и организовать массы на его претворение в жизнь.

Руководство общественными процессами есть высокое искусство и сложная наука, мудрость которых дается не каждому. Чтобы избежать субъективизма в деятельности какого-либо руководителя, необходимо уметь владеть теорией, методами и формами руководства. А для этого руководитель должен быть не только знатоком того дела, которым руководит, но и владеть методологией руководства.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 72.
В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 432.

Только глубокие знания марксистско-ленинской философии обеспечат руководителю способность наиболее правильно анализировать явления и обобщать факты, уход от узкого практицизма и эмпиризма к широким обобщениям и взгляду на перспективу. Научное руководство общественными процессами возможно только на основании овладения марксистской методологией, руководитель должен знать философию своего дела.

Реальная оценка и учет всех объективных обстоятельств и правильное использование субъективного фактора обеспечат успешное выполнение стоящих перед партией и народом задач.

КАТЕГОРИЯ ИНТЕРЕСА В ИСТОРИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛИЗМЕ

Вопрос о сущности интереса и его роли в общественном развитии принадлежит к числу тех проблем, которые еще ждут детальной разработки. До последнего времени изучением интереса советские философы занимались мало. Настоятельная потребность в философском осмыслении этой категории появилась в связи с рассмотрением соотношения интересов общества и личности в условиях строительства коммунизма. В литературе встречаются самые различные трактовки этой категории. И каждый кто сталкивается с проблемой интереса, является свидетелем оживленной дискуссии о сущности интереса, его месте в системе общественных отношений, его функциях, его формах. В ходе этой дискуссии дебатировались в основном два вопроса: является ли интерес стороной материальных общественных отношений или он относится к сфере идеологических отношений людей и какова роль интереса в историческом процессе.

Г. М. Гак, Е. А. Ануфриев, В. Н. Лавриненко и другие относят интерес к сфере материальных условий жизни. Начало этому воззрению положил Г. М. Гак. Он считает, что «материалистически правильное ядро»¹ имеется в определении интереса, данном Д. Дидро, которое гласит: «Когда говорят об интересе индивида, сословия, нации,— «мой интерес», «интерес государства», «его интерес», «их интерес»,— это слово означает нечто нужное или полезное для государства, для лица, для меня и т. п.»². Интерес, по мнению Г. М. Гака, существует независимо от сознания и относится к сфере материальных условий жизни. «Отражение в сознании класса его интересов,— пишет он,— есть отражение материальной, независимой от сознания реальности»³. Причем в трактовке Г. М. Гака интерес и потребность оказываются тождественными. Он прямо утверждает, что «потребность индивида быть одетым и обутым есть его личный интерес»⁴. «Интересы как общие, так и личные,— пишет Е. А. Ануфриев,— представляют собой совокупность материальных и духовных факторов, необходимых для существования и развития личности, класса, партии и т. д.»⁵. Эта же мысль проводится и в статье В. Н. Лавриненко, который полагает, что «под интересом в широком смысле слова следует понимать все то, что соответствует и способствует сохранению и развитию того или иного субъекта...»⁶ В. Н. Лавриненко, так же как и Г. М. Гак, счи-

¹ Г. М. Гак. Общественные и личные интересы и их сочетание при социализме. «Вопросы философии», 1955, № 4, стр. 17—18.

² Д. Дидро. Избранные произведения. Госполитиздат, 1951, стр. 352.

³ Г. М. Гак. Учение об общественном сознании в свете теории познания. Изд. ВПШ при ЦК КПСС, М., 1960, стр. 63.

⁴ Г. М. Гак. Учение об общественном сознании в свете теории познания. Изд. ВПШ при ЦК КПСС, М., 1960, стр. 122.

⁵ Е. А. Ануфриев. Сочетание общественных и личных интересов в процессе строительства социализма. Госполитиздат, 1958, стр. 73.

⁶ В. Н. Лавриненко. Интерес как категория исторического материализма. «Вестник МГУ», 1964, № 1, стр. 65.

тае, что «вполне возможно существование интереса без заинтересованного»¹ лица.

Согласно воззрению этих авторов, интерес есть то, что нужно субъекту и существует независимо от него. Эти товарищи полагают, что материалистическое понимание интереса обязательно связано с признанием его материальности.

Другая часть исследователей не разделяет этого взгляда и считает, что интерес относится к сфере сознания. Например, авторы «Философского словаря» определяют интерес как «целенаправленность мыслей и действий, отражающая материальные и духовные потребности отдельных людей (личный И.), социальных групп и исторических общностей (общий И.)»² А. Д. Гусев считает, что «категория «материальный интерес» выражает такую устойчивую целенаправленность производственной активности, которая направлена на удовлетворение потребностей развития человека или общества в целом»³. Согласно М. И. Заозероу интерес «можно определить как вызванный определенными явлениями объективной действительности внутренний импульс к активной деятельности субъекта, направленный на достижение его целей, на удовлетворение материальных и духовных потребностей, улучшение условий существования и развития»⁴.

Эти авторы прямо или косвенно утверждают, что вне субъекта искать интерес не имеет смысла, что интерес относится к сфере воли и сознания.

Своеобразную, но противоречивую точку зрения высказал А. Г. Здравомыслов, который трактует интерес как единство объективного и субъективного. Причем под объективным понимается положение субъекта в системе данных производственных отношений и его потребности, а под субъективным — стремление действовать в целях удовлетворения этих потребностей»⁵.

Краткий обзор литературы показывает, что среди исследователей нет единодушия в понимании даже основных моментов рассматриваемой проблемы. Особенно большое расхождение мнений обнаруживается по вопросу о месте интереса в системе общественных отношений, имеющему важное теоретическое и практическое значение⁶.

Все названные авторы вносят своими работами вклад в разработку исследуемой категории. Хотелось бы рассмотреть подробно положительные стороны названных работ, но это в данной статье невозможно. Мы попытаемся лишь выявить некоторые недостатки, устранение которых, на наш взгляд, может помочь дальнейшей разработке проблемы.

Нельзя согласиться с мнением, что материалистическое понимание интереса обязательно должно быть связано с признанием его материальности. Отнеся интерес к сфере материальных условий жизни и в то же время признавая его непосредственным двигателем человеческих поступков, эта концепция ведет к вульгарно-материалистической, механической и фаталистической трактовке исторического процесса. При этой концепции отрицается возможность и снимается необходимость

¹ Там же.

² Философский словарь. Госполитиздат, 1963, стр. 170.

А. Д. Гусев. Сочетание материальных интересов с моральными стимулами к труду в эпоху строительства коммунизма. «Вопросы философии», 1960, № 2, стр. 150.

⁴ М. И. Заозеров. Общественные и личные интересы и их сочетание при социализме. «О диалектике развития советского социалистического общества». Госполитиздат, 1962, стр. 223.

⁵ А. Г. Здравомыслов. Проблема интереса в социологической теории. Изд. ЛГУ, 1964, стр. 29.

⁶ Не случайно споры по этому вопросу оказываются подчас весьма острыми — то или иное его решение предопределяет подход людей к решению таких проблем коммунистического строительства, как подъем творческой активности народа, теория и практика коммунистического воспитания.

формирования и воспитания интересов, игнорируется значение идеологических факторов в формировании интересов.

На наш взгляд, более правильную точку зрения развивают авторы, относящие интерес к сфере сознания и воли. Однако эту в общем верную точку зрения они обосновывают далеко недостаточно. Все трудности, с которыми им приходится сталкиваться при решении вопроса о месте интереса в системе общественных отношений, так или иначе связаны с тем, что почти все они бессознательно делают непростительную уступку утилитаристскому пониманию интереса, с большей или меньшей ясностью отождествляют интерес с потребностью.

Все выше приведенные определения интереса страдают одним общим недостатком. Они не устанавливают четкую границу между марксистско-ленинским и немарксистским истолкованием интереса, не видят того, что идеалистическое понимание исторического процесса затушевывает связь интереса с объективными законами общественного развития. Г. М. Гак, например, определение интереса, данное Д. Дидро, прямо называет материалистическим и считает в основном приемлемым для марксизма.

Естественно, что подобные ошибки и неясности в понимании сущности интереса мешают научному решению вопроса о его месте в системе общественных отношений.

В литературе неоднократно предпринимались попытки раскрыть сущность интереса путем использования в качестве определения отдельных высказываний классиков марксистской философии. Эти попытки не привели к успеху. Конечно, в произведениях классиков интерес характеризуется с самых различных сторон, в весьма разнообразных его связях и отношениях с другими существенными свойствами людей и их деятельности. Но в их трудах мы не находим полного определения этого понятия. Каждая отдельная характеристика, данная классиками, касается не всего интереса, а только отдельной его стороны, свойства, связи, является лишь частным определением интереса. Когда такая частная характеристика интереса выдается за его общефилософское определение, возникает отождествление интереса с одной из его сторон, отождествление интереса вообще с одной из его форм. Невозможно выразить сущность интереса и механическим соединением различных высказываний классиков об интересе.

Для выбора метода исследования интереса важное значение имеет указание В. И. Ленина о том, что «марксизм судит об «интересах» на основании классовых противоречий и классовой борьбы, проявляющихся в миллионах фактов повседневной жизни»¹. Сущность интереса можно познать на основе марксистского анализа общественных действий людей.

Результат деятельности людей является, с одной стороны, реализованной объективной возможностью,— и в этом своем качестве он выступает как историческое событие, влетающее в общую ткань исторического процесса. С другой стороны, он представляет собой совокупность определенных предметов или условий, и в этом своем качестве он выступает как благо для субъекта деятельности.

Двояка и причинная обусловленность всякой человеческой деятельности. Общественная активность людей обуславливается их потребностями и закономерностями развития условий их жизни, взаимодействием этих двух факторов.

Ведущей стороной этой взаимосвязи является объективная закономерность, возможность, т. к. она определяет содержание и специфику деятельности, подчиняет себе человека. Но подчинение человека объективной закономерности не носит фатальный, predetermined характер. Законы внешнего мира, общественной жизни, детерминирующие

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 203.

деятельность людей, выступают как единство противоположных сил, тенденций, возможностей. Возможное реально существует как одна из противоположных тенденций общественного развития. Любая конкретная социальная ситуация всегда содержит несколько объективно возможных направлений своего изменения. Какая из этих противоречивых возможностей и как будет реализована — это зависит от таких факторов, как значение той или иной возможности для блага субъекта деятельности, степень познания этой возможности и творческой активности человека.

Отсюда следуют два важных вывода: 1) Отношение человека к миру не только страдательно, т. е. подчинено законам самого этого мира, но и деятельно, активно. В рамках объективно возможного он творит мир. 2) Общественная активность любого социального субъекта, — будь то индивид, какая-либо общественная группа или общество в целом, — поскольку он избирательно реализует ту или иную объективно возможную тенденцию общественного развития, — характеризуется определенной субъективной направленностью. Эта направленность является неотъемлемым и самым общим и в то же время самым существенным свойством всех общественных поступков людей и, следовательно, самих людей.

Категория интереса в историческом материализме применяется для обозначения именно этой субъективной направленности деятельности людей, возникающей на основе их избирательного отношения к объективным тенденциям общественного развития. Наиболее существенный признак интереса состоит в том, что он есть избранная субъектом линия поведения, имеющая своим содержанием определенную объективную возможность, реализация которой связана с самоутверждением субъекта.

Интерес включает в себя направленность человеческих действий на удовлетворение его потребностей, но не сводится к ней. Последняя является лишь внешней, субъективной стороной интереса¹. И не эта сторона лежит в основе существенного отличия и общности интересов, а другая, объективная сторона интереса, т. е. то, что он является направленностью на осуществление той или иной объективной возможности, на историческое творчество. Интерес субъекта характеризует его как активного деятеля, борца и является содержанием его воли. Он как закон определяет направление и характер преобразования объективного мира человеком, следовательно, определяет его цели.

То, что интересы людей играют большую роль в историческом процессе, эмпирически замечено давно. Эмпирическое отражение роли интереса в общественном развитии и необходимость управления интересами людей породили сначала мораль, потом право, а также другие идеологические средства ориентации деятельности людей.

Интересы людей определяются в конечном счете материальными условиями их жизни. По меткому выражению Ф. Энгельса, интересы суть проявление экономических отношений.

Эта зависимость интересов от общественного бытия обнаруживается двояко. Во-первых, уровнем развития материальных условий жизни общества определяется объективная основа (содержание) интересов, т. е. сфера возможностей, масштабы возможного. Всякий интерес есть порождение определенных общественных возможностей, сформировавшихся на почве данного уровня развития общественного бытия. Тот или иной

¹ Обыденное представление людей об интересе, как правило, фиксирует лишь эту субъективную сторону его. Взгляды, ставящие знак равенства между интересом и стремлением к удовлетворению потребности, выдают обыденное представление людей об интересе за сущность интереса. Это ведет к приспособлению науки к эмпирическому представлению людей, фиксирующему интерес в том виде, в каком он выступает в явлении, на поверхности общественных отношений.

интерес выступает на историческую арену и становится реальной силой лишь тогда, когда созревает его объективная основа — объективная возможность. Недаром К. Маркс любил говорить, что человечество всегда ставит себе такие задачи, которые оно может осуществить. Во-вторых, положением социального субъекта в системе данных производственных отношений обуславливается его положительное отношение к одним объективным возможностям и отрицательное отношение к другим, его заинтересованность в реализации одних возможностей и предотвращении других. Иначе говоря, положением человека в системе производства определяется направление и круг его интересов. Интересы конкретного человека — это интересы его эпохи, класса, профессии и т. д. Сложные взаимоотношения различных интересов и их борьба также являются выражением экономической структуры данного общества.

Зависимость интересов людей от их экономического положения носит характер закона. Интересы социального субъекта отражают его экономическое положение и определяются им. Однако человек не является механическим передатчиком внешних воздействий. Интересы человека, обусловленные его экономическим положением, формируются так или иначе проходя через его сознание. Поэтому в поведении отдельных людей возможны различные отклонения от этого закона. Он пробивает себе путь через массу случайностей и непосредственно приложим лишь к деятельности больших социальных групп, классов. Исторический материализм, не имея возможности предсказывать интересы и поведение отдельного человека, точно предсказывает интересы и поведение больших социальных групп, классов. Это свидетельствует о большой методологической роли рассматриваемого закона. Им руководствуются коммунистические партии при определении стратегии и тактики рабочего класса, при выработке своей политики в самых различных исторических условиях.

Интересы складываются, проходя через сознание, чем определяется их место в системе общественных отношений. Сущность человека нельзя сводить лишь к совокупности материальных его отношений. Важнейшую сторону сущности человека составляют его идеологические отношения, интересы, обусловленные в конечном счете материальными отношениями. В. И. Ленин при оценке сущности политических партий и классов, а также отдельных людей придавал огромное значение характеру их интересов. «Если вы не показали, интересы каких классов и какие именно преобладающие в данное время интересы определяют сущность различных партий и их политики,— писал он,— то вы на деле марксизма не применили»¹.

Интересы, суть идеологические отношения, но они существуют не только идеально, в сознании субъекта. Как было отмечено выше, человек, выбирая ту или иную объективную возможность, тем самым формирует свою общественную позицию, направленность, т. е. интерес. Та объективная возможность, на которой человек собирается базировать свою деятельность, переходит из бытия в сознание, превращается в главный элемент содержания интереса.

Интерес сначала имеет идеальную форму существования и проявляется в виде желания². Длительное пребывание интереса в форме иде-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 377.

² Человек может и не сознавать связь своих интересов с объективной закономерностью, объективной возможностью. Ему может показаться, что его интересы от внешнего мира независимы, а определены лишь его потребностями. В основе такой видимости лежит то, что человек относительно свободен в выборе направления своей деятельности. Эта видимость служит гносеологической причиной различных субъективно-идеалистических концепций общественного развития, которые провозглашают первичность и автономность интересов и целей человека по отношению к закономерностям объективного мира.

ального (желания, целенаправленности) происходит лишь тогда, когда субъект интереса во внешнем мире встречает препятствия, мешающие реализации этого интереса. Как только эти препятствия снимаются, субъект приступает к осуществлению деятельности в соответствии с интересом. В процессе деятельности интерес материализуется, существует как направление самой деятельности, как практическое отношение к тенденциям общественного развития. Деятельность есть процесс объективизации интереса. Она находит свое завершение в преобразовании предметов, процессов, условий жизни — в результате деятельности. Интерес, который выступал в субъекте деятельности в форме идеального, целенаправленности, объективизируется, материализуется в результатах деятельности, проявляется как покоящееся свойство, в форме бытия.

Интересы вплетаются в ткань закономерного общественного процесса и как обусловленные условиями жизни, и как обуславливающие поведение людей, посредством которого эти условия изменяются. Когда созревают объективные условия для реализации той или иной возможности, решающая роль в осуществлении этой задачи переходит через интерес к практике. В общественной жизни переход возможного в действительность осуществляется только как реализация интереса определенного социального субъекта. Иначе говоря, историческая возможность (необходимость) реализуется лишь приняв вид интереса того или иного социального субъекта. Интерес является звеном в причинной цепи общественного развития.

Исходя из краткого рассмотрения существенных признаков интереса, а также учитывая положительные моменты и недостатки в определении рассматриваемой категории в нашей философской литературе, можно дать следующее общее определение. Интерес есть более или менее сознательная направленность, линия поведения социального субъекта, выражающая его избирательное отношение к объективным тенденциям общественного развития и зависящая от его положения в системе исторически сложившихся экономических отношений.

Среди категорий марксистско-ленинской философии, наиболее концентрированно выражающих особенности социальной формы движения материи, важное место принадлежит категории интереса. Она имеет огромное методологическое значение для правильного понимания специфики исторического процесса, для борьбы против субъективистских и объективистских воззрений на общественное развитие. Построение общей теории коммунистического воспитания и управление инициативой и активностью свободных членов коммунистического общества, последовательное осуществление ленинского принципа материальной заинтересованности и использование всех резервов и возможностей ускоренного решения задач коммунистического строительства — все эти и многие другие проблемы могут быть успешно решены только на основе использования и дальнейшей разработки марксистско-ленинской теории интереса.

ОБ ОСОЗНАНИИ ЛИЧНОСТЬЮ СУЩНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ

В ускорении социального прогресса все большую значимость приобретает проблема побуждений человека к деятельности. Каковы, например, место и роль потребностей, интересов и целей в жизни общества и личности? В чем их единство, различие и взаимодействие? Как и многое из того, что составляет субъективный фактор, эта сложная и актуальная проблема еще ждет своих исследователей.

Нас же в данном случае занимает только интерес — движущая сила общественного развития, один из основных стимулов любой человеческой деятельности. Интерес — это форма осознания и проявления потребностей, определяющая направленность человеческой деятельности на удовлетворение этих потребностей.

Как опосредствованное через потребности отражение определенных условий жизни, интересы, прежде всего выступают в форме общественных и личных, которые, по мысли К. Маркса, представляют две стороны одного и того же «личного» развития людей. Ныне общественный интерес, содействующий личному развитию, состоит прежде всего в быстрейшем совершенствовании социалистического производства, в укреплении социалистического общественного строя и перерастании его в коммунистический.

Реальным выразителем и носителем общественных интересов выступает в антагонистических формациях прогрессивный подымающийся класс, а в период строительства коммунизма — весь народ, состоящий из рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции. Мера выражения общественных интересов неодинакова не только между социальными группами, но и внутри каждой из них. Она зависит от положения классов, групп, личностей, совокупности всех общественных условий.

Осуществление коренного интереса советского народа — создание условий для неограниченного роста производительных сил — есть вместе с тем создание свободной ассоциации свободных людей. В этой сознательной деятельности люди, по словам К. Маркса, обновляют самих себя в такой же мере, в какой они обновляют тот мир богатств, который они создают.

Идеологи буржуазии все громче вещают, что, якобы, они охраняют «человеческие ценности» от «грубого вторжения диалектического материализма». Марксизм, по их словам, видя высший интерес общества в развитии производительных сил, якобы игнорирует интересы самого человека. Но производительные силы социалистического общества — это не мертвая техника, требующая от личности бесконечных жертв, послушания и покорности, а прежде всего сам человек, овладевший техникой, посредством которой он подчиняет себе природу, труженик, с известным уровнем интеллекта, способностей, навыков, развитие которых и опреде-

ляет развитие производительных сил. Человек будет управлять, повелевать любыми кибернетическими чудо-роботами будущего и изменять их в соответствии со своими потребностями. Ни о каком подавлении человека «умными машинами» грядущего, о чем пророчествуют социологи Запада, не может быть и речи.

Человек, обновляя самого себя, развивая свои сущностные силы в общественном применении, стремясь к всесторонности и гармоничности, все глубже осознает интересы общества и тем самым обогащает и облагораживает свои личные интересы.

Чем быстрее общественный интерес «переходит» в главное содержание личных интересов, тем богаче красками, живее и разнообразнее становятся последние. Так называемые «человеческие ценности», о которых якобы пекутся буржуазные социологи, не тускнеют, не сходят на нет от того, что личность «приобщается» к коллективным интересам, а, напротив, умножаются, переходят в иное, высшее качество.

Содержание общественных интересов усваивается человеком, становится осязатее, ближе, понятнее прежде всего в творческом труде, в котором общественное и личное начинают выступать лишь как различные стороны единого способа самоутверждения индивидов. Процесс творчества является более высоким качеством трудовой деятельности, той переходной ступенью, через которую в наши дни социалистический труд постепенно превращается в первейшую жизненную потребность, в источник наслаждения. Творчество— это, прежде всего, создание, получение, открытие нового. Являясь трудом преимущественно умственным, интеллектуальным, творчество означает наибольшее напряжение, умение преодолевать трудности. Наконец, в творчестве проявляется новое отношение к труду: более заинтересованное, сознательное, такое, в котором постепенно стираются грани «моего» и «нашего».

Труд в условиях коммунистического строительства содержит все необходимое для обеспечения единства общественных и личных интересов потому, что он носит непосредственно общественный характер. В нашей стране провозглашен и осуществлен на практике принцип всеобщности труда, следовательно, он перестает быть личным делом каждого. Его планомерная организация, основывающаяся на общественной собственности на средства производства, обуславливает целевое назначение деятельности каждого производителя в масштабе всего общества. Труд индивида уже заранее определен как необходимый обществу и поэтому совокупный продукт труда не противостоит коллективу производителей как чуждая и не управляемая ими стихийная сила, а планомерно используется на благо всего общества. Ярко выраженный общественный характер труда, создавая объективное единство общественных и личных интересов, способствует их совпадению, слиянию. Осознание личностью приоритета общественных интересов при таких благоприятных общественных условиях значительно ускоряется, облегчается.

Осознанию личностью приорита общественных интересов благоприятствуют не только социальные условия социализма, но и его технический базис, состояние и уровень технической вооруженности труда. Материальной основой превращения труда в жизненную потребность и главный интерес является технический прогресс, который обуславливает переход от более простых форм труда к более сложным, воздействует на интеллект людей, способствует тому, что их производственная деятельность становится осознанной и культурной.

Вслед за положительными сдвигами в содержании труда расширяется диапазон потребностей и интересов человека. При этом качественные изменения общественных и личных интересов, становящиеся более интенсивными и динамичными, проявляются в усилении их взаимодействия и взаимопереходов.

Единство общественных и личных интересов существует объективно, но правильное их сочетание зависит от самого субъекта, от осознания им требований общественного интереса.

Сознание человека всегда есть осознание вне его существующего объекта. Вместе с тем, оно выражает или проявляет самого сознающего субъекта, оно не пассивное отражение среды, а действительное отношение к ней и включает сложную систему субъективных мотивов и оценок, потребностей и интересов. Сознание формируется деятельностью для того, чтобы, в свою очередь, влиять на эту деятельность, определять и регулировать ее. Предмет познания рассматривается человеком не пассивно, а действительно, активно, с позиции его переделки и практического использования и познания, осознание совокупности общественных интересов осуществляется ради жизненных практических интересов человека.

Осознание окружающего вплетено в жизнь. Важно и то, как человек осознает действительность и то, что он осознает. Интересы индивида определяют некоторую избирательность того, что и как осознается личностью из действительности.

В идеях, образах человека не всегда достигается вполне точное и полное, вполне адекватное отражение действительности, т. е. в нем имеются элементы, привносимые индивидом.

Непосредственное осознание личностью общественных интересов осуществляется в форме тех или иных идей. Идея, как отражение внешнего мира, включает в себя, по выражению П. Копнина, «сознание цели и перспективы его дальнейшего познания и преобразования»¹. А цель и осознанный интерес являются понятиями однопорядковыми. Идея есть и необходимая фаза совпадения знания с требованиями, сущностью общественного интереса, и субъективный движущий принцип.

Именно такое совпадение, как необходимый момент, имели в виду К. Маркс и Ф. Энгельс, когда они писали: «идея неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от интереса»².

Различия между идеями и другими формами познания (представлениями, понятиями, теориями т. д.) заключены в их содержании, в степени «зрелости». Идея отличается тем, что в ней осознается общая перспектива, что она носит направленный характер на практическое преобразование действительности. Идея представляет собой и выражение сущности общественных потребностей и интересов, и процесс, активную деятельность ради «подчинения» человеку того, что заложено в содержании общественного интереса.

В идее совпадение объективного с субъективным предстает как незавершенный процесс. На определенном уровне общественный интерес в идее с необходимостью стремится к практической реализации, материальному воплощению посредством практики. Достигая тех или иных практических результатов, познание идет дальше, личность стремится к более точным знаниям и к более широким и глубоким обобщениям. Соответственно развитию практики и познания изменяются и интересы человека. «Старые» общественные интересы отрицаются только путем их реализации в интересах индивидов, что является одним из непеременимых условий возникновения новых интересов и идей, их выражающих.

Идейность советского человека означает, что для него требования общественного интереса превратились в сокровенные личные, общественное и индивидуальное выступают в единстве, они неотделимы друг от друга. Следовательно, объективным критерием идейности индивида является социальная, общественная значимость его интересов, разви-

¹ «Философская энциклопедия», т. 2, стр. 234.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 89.

ваемых им взглядов и действий. Критикуя народников В. И. Ленин писал, что «самым высоким идеалам медный грош.., если эти идеалы не связаны с интересами борющихся масс»¹.

Если руководствоваться точным значением этих высоких критериев, то можно сказать, что органический сплав общественных и личных интересов мы обнаруживаем пока у меньшинства советских людей. Это — передовые люди производства и науки, сфер управления и обслуживания, многие из которых являются ударниками коммунистического труда.

Указанное выше соотношение интересов постоянно меняется в целом в сторону позитивную, что трудно поддается учету. Но более приближенные данные могли бы дать, как говорил В. И. Ленин, «ряд социальных исследований», поставленных широко, комплексно, в государственном масштабе. У большинства советских людей общественные и личные интересы, будучи едиными в основном и главном, в той или иной мере сочетаются.

Идеи личности являются выражением общественных интересов не просто в том виде в каком они налично существуют, но и в их возможностях, тенденции, развитии. Идея не простое описание интересов, а постижение общих закономерностей их движения.

Воплощая, реализуя общественные интересы, которые в виде идеи запечатлеваются в мозгу, человек создает то, что ранее в готовом виде не существовало, например: заводы, жилища, электростанции и т. п. (Здесь одновременно идет реализация и личных интересов).

В указанном смысле и понимается замечание В. И. Ленина: «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его»². Изменяются мир, практика человека, его действия в соответствии с интересами и изменяются последние на основе теоретического отражения мира в виде тех или иных идей. Вся суть деятельной стороны интересов и идей кроется в том, что они отражаются и в аспекте идеала, должного, то есть не только такими, как они «есть», но и такими, какими они будут в некоторой перспективе. Если на основе знаний индивида невозможно определить практическую перспективную цель, то его знание еще не достигло уровня идей.

Когда интересы реализуются, становится не только по содержанию, но и по форме своего существования объективными, т. е. сливаются с тем, к чему они были направлены.

До своего проявления в чем-то внешнем, когда только и возможно определить его сущность, интерес человека находится в состоянии некоторой внутренней борьбы мотивов, затем борьба мотивов переходит в осознание человеком общественных интересов во всей его жизненной значимости. Это происходит не мгновенно, а представляет собой длительный процесс, со всеми сложностями, свойственными жизни.

Часто трудно определить, служит ли человек общественным интересам не только объективно, но и субъективно. Нередки случаи, когда рабочий, побуждаемый исключительно материальными интересами (стремлением к зарплатке), проявляет трудовую активность, устойчивую и постоянную. Человек может совершить поступок, полезный обществу, стремясь к личной славе. Руководителя, стремящегося выполнить государственный план любой ценой, применяющего негодные методы и средства, трудно «заподозрить» в том, что он руководствуется общественными интересами.

Ясно, что мы рассмотрели случаи определенного незрелого уровня осознания общественных интересов. Со временем, под влиянием всестороннего воспитательного воздействия коллектива, у людей, активных в

В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 371.

В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 204.

туде, объективные моменты должны слиться с субъективными, нравственными. Человек должен осознать, что разлад между мотивами и результатами действия чреват, в конце концов, негативными последствиями и для общества, и для него самого. В обществе, строящем коммунизм, создано и совершенствуется такое поле «морального напряжения», при котором объективные последствия действия и субъективные намерения людей должны находиться в единстве, гармонически соответствовать друг другу.

При этом необходимо учитывать непрерывно происходящие взаимопереходы осознанных и неосознанных моментов в поведении людей. Эти переходы исключительно подвижны. Чаще всего бессознательное в одной конкретной ситуации выступает как осознанное в другой. Когда общественный интерес осознан, человек отдает этому интересу всего себя, всю свою жизнь. Часто говорят, что человек безрассудно отдал себя тому или иному делу. Это — «высшая сознательность», которую не следует смешивать с рассудочностью с выбором все-таки верхушечным, поверхностным, с выбором одним только рассудком, а не вместе с тем всем своим существом, всеми своими сокровенными, в том числе и неосознанными устремлениями (Фауст у Гете недаром говорит Мефистофелю: «то, что он обещает, выражает нераздельное устремление всех его сил, поэтому не приходится опасаться, что невыполнит уговора»). Когда человек отдается чему-либо всем своим существом, он, несомненно, концентрирует в единый сгусток все, чем обладает: знания, волю, характер, способности и т. д.

Даже в тех случаях, когда в личности внешне заметно выступает любое «единичное» из «компонента», например, воля или характер, мы должны видеть проявления личности в целом, с тем или иным уровнем осознания действительности и общественных интересов. Даже «всякий волевой акт выражает не только побуждение, связанное с целью именно данного волевого действия, но и более или менее адекватно — личность в целом», — говорит советский психолог С. Л. Рубинштейн. «В плане побудительной регуляции, — продолжает он, — воля означает переход от потребностей как непосредственно действующих побуждений к мотивам или побуждениям осознанным, оцененным с точки зрения общественных норм и интересов и принятым человеком»¹.

Следовательно, проявления воли, способностей, инициативы личности также предполагают осознанное отношение к действительности. Чем больше последняя осознана, оценена с точки зрения общественных норм, потребностей и интересов, тем меньше «отлета» от сущности человека, тем человечней человек.

¹ С. Л. Рубинштейн. «Бытие и сознание». М., 1957, стр. 269.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ТРУД И РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Важнейшей составной частью духовной жизни советских людей является общественная или социальная психология — совокупность определенных представлений, социальных чувств и настроений, сложившихся традиций и привычек, особых черт характера, возникающих у определенной социальной группы главным образом благодаря непосредственному влиянию условий ее повседневной жизни.

В советском обществе сформировалась социалистическая общественная психология. Характерными ее чертами и элементами являются: чувства товарищества и взаимной выручки в труде, в борьбе, система здоровых потребностей, влечений, интересов, способностей, новые обычаи, привычки и традиции, жизнеутверждающие эмоции, переживания и настроения.

Однако при социализме еще не преодолены до конца пережитки прошлого в сознании и поведении некоторых людей и отдельных коллективов. Основная масса этих пережитков коренится не столько в сфере идеологии, сколько в области психологии, в привычках и традициях, в чувствах и переживаниях людей. Социально-психологические пережитки в своем большинстве являются остатками буржуазного индивидуализма или связаны с ним. Внутреннее родство реакционного индивидуализма и стяжательства, эгоизма и многочисленных остатков частнособственнической психологии очевидно.

«Партия, — говорится в Программе КПСС, — рассматривает борьбу с проявлениями буржуазной идеологии и морали, с остатками частнособственнической психологии, суеверий и предрассудков как составную часть работы по коммунистическому воспитанию»¹.

Архаичные предрассудки, отсталые обычаи, привычки, традиции, остатки реакционных религиозных, правовых, нравственных и эстетических чувств стихийно, сами собой не отомрут. Для их преодоления необходимо комплексное использование всех экономических, социально-бытовых, идеологических и других рычагов. Но особая роль принадлежит здесь общественно полезному социалистическому труду. Школа работы, созидательного труда является самым могучим и самым действенным средством формирования новых социально-психологических качеств советских людей и коллективов.

Социалистический труд — это целесообразная деятельность свободных от эксплуатации людей, в процессе которой они при помощи орудий воздействуют на природу и преобразуют ее предметы и вещества, приспособляя их для удовлетворения своих постоянно возрастающих потребностей. В более широком смысле слова под социалистическим

трудом понимают всякую общественно-полезную деятельность советских людей.

Особая роль социалистического труда в формировании коммунистической общественной психологии в целом и различных ее элементов обуславливается следующими причинами:

1. Социалистический труд является непосредственно общественным, свободным, творческим, планомерно организованным. В условиях социализма работа на себя и на общество стала двумя неразрывными и взаимодополняющими сторонами жизнедеятельности людей. Труд каждого человека, как бы ни был различен его специфически полезный характер, одухотворяется высокими коммунистическими идеалами. В этом прежде всего причина того, что в социалистическом обществе само создание материальных ценностей, самый труд имеет глубоко идейный, воспитательный характер.

2. Социалистический труд — явление многогранное. В процессе творческого труда одновременно участвуют как физические, так и все духовные силы человека. Созидательный труд представляет собой неразрывное единство следующих взаимосвязанных сторон: технической, физиологической, психологической, педагогической, этической и эстетической. Вот почему в творческом созидании происходит комплексное формирование всех черт коммунистического общественного сознания и психологии. В процессе созидательной деятельности выковываются у отдельной личности и трудовых коллективов нужные социально-психологические черты характера, навыки, привычки, традиции, настроения, чувства и т. д.

3. Развитие социалистического труда означает не только дальнейшую эволюцию человеческой целесообразной деятельности, но и непрерывное преобразование социалистических отношений между людьми в трудовом процессе. Сущность же человека — в совокупности общественных отношений. Если личность, как правило, проявляется в совокупности общественных отношений, изменяющихся в самом процессе созидания, то и советский человек, как коммунистическая личность, утверждает и развивает себя прежде всего в общественно полезном труде. Труд в рамках изменяющихся социалистических производственных отношений благотворно влияет на весь облик человека, на его ум и чувства, на его интересы и характер.

4. Социалистический труд, перерастающий в коммунистический, оказывает массовое преобразующее воздействие на общественную психологию людей. Это объясняется тем, что при социализме все трудоспособное население, за небольшим исключением, работает.

5. Социалистическое созидание систематически влияет на сознание советского человека и отдельных коллективов, так как труд охватывает значительную часть жизни людей.

6. Социалистический труд воздействует на психологию людей не только непосредственно, но и опосредованно, через его практические результаты: улучшение бытовых условий, увеличение свободного времени, создание изобилия благ и т. д. Именно через творческий труд создаются материальные, социальные, бытовые и культурные предпосылки формирования коммунистической общественной психологии.

В период развернутого строительства коммунизма непрерывно видоизменяется и преобразуется трудовая деятельность советских людей. Происходят качественные изменения всех составных элементов труда: орудий производства, самого трудового процесса и предметов труда. Социалистический труд, постепенно перерастающий в коммунистический, все более раскрывает свое истинное назначение, свою потенциальную мощь и роль в развитии личности, в формировании человека с большой буквы.

В чем же конкретно сказывается роль социалистического труда в формировании коммунистической общественной психологии в целом и различных ее элементов?

В процессе созидательной деятельности развиваются различные задатки, наклонности и способности советских людей к труду.

В каждом человеке заложены те или иные задатки к какому-либо виду деятельности. Основным средством обнаружения индивидуального своеобразия личности, раскрытия и максимального развития всех ее физических и духовных способностей является творческий труд. Способности советского человека к труду растут в их реализации, подчиняясь принципу: чем больше отдашь, тем больше получишь. Развивается только тот орган, который работает, совершенствуется только та способность, которая упражняется. Но способности человека к труду задерживаются, если их не применять на практике, они даже могут вовсе не обнаружить себя. Многокрасочная человеческая личность, если ее отключить от трудовой деятельности, то и при социализме остается неразвитой, ее потенциальные способности и дарования гибнут, она в конце концов может превратиться и превращается в пустоцвет или ядовитый сорняк.

Лишь на основе материально-производственной деятельности, целью упорного труда развиваются производственный опыт и навыки трудящихся. При любом виде современного труда у человека вырабатывается и закрепляется не один изолированный навык, а целая их система. В труде вырабатываются автоматизм, динамические стереотипы, навыки коммунистического отношения к труду. Совершенствуя свои трудовые навыки, человек развивает и свои способности. Изменение человека в процессе труда, развитие его мастерства, трудовых навыков, смекалки и характеризуют важнейшие процессы разностороннего развития личности как работника; главной производительной силы социализма.

В труде складывается целая система разумных и здоровых социальных потребностей. Здесь прежде всего преодолеваются извращенные потребности, остатки узкопотребительского обывательски-мещанского подхода к процессу и к результатам труда. Только тот, кто сам добросовестно трудится, понимает ценность труда, уважает человека-труженика и его работу. С уважением относясь к результатам своего и «чужого» труда, работник видит удовлетворение собственных потребностей в удовлетворении потребностей других, учится разумно самоопределять и столь же разумно удовлетворять свои все возрастающие запросы.

Настоящее богатство человека — это многообразие не только материальных, но и духовных потребностей, которые развиваются вместе со средствами их удовлетворения и в непосредственной зависимости от них. Именно в социалистическом труде совершенствуются не только разносторонние духовные способности, но и высоко развитые интеллектуальные потребности советского человека, происходит расширение круга самих духовных потребностей их обогащение.

В процессе перерастания социалистического труда в коммунистический на первый план выступают высшие духовные потребности и важнейшая среди них — потребность в труде. В нашей стране немало людей, для которых труд уже сегодня стал не только средством к жизни, но и в известной степени внутренней жизненной потребностью, сливающейся с самой жизнедеятельностью.

Творческий, интеллектуально насыщенный труд рождает бесконечное множество и других духовных потребностей. Так, в труде формируются потребности эмоционально-эстетического характера.

Высшее удовлетворение, например, интеллекту доставляет красиво сделанная вещь, в этом случае человек наслаждается самим собой в созданном им предмете. Сам процесс творческого труда, его романтика, акт творения по законам красоты формирует здоровое художественное

чувство, становится особым способом эстетического познания, источником эстетического наслаждения и мощным средством гармоничного развития личности.

В социалистическом труде утверждаются и другие многочисленные прогрессивные элементы эмоциональной стороны общественной психологии, успешно преодолеваются вредные социальные чувства, переживания и настроения.

Известно, что без эмоций не существует ни одного вида деятельности, они присутствуют в любом виде труда. Но современный труд, характеризующийся высокими темпами, большими скоростями приобрел в высшей степени эмоциональный характер.

Творческий, эмоциональный труд, само общение людей в трудовом коллективе создает ощущение силы и защищенности отдельной личности, порождает наряду с моментами сомнений и разочарований эмоциональный подъем, высочайшую степень удовлетворенности самим собой, дух бодрости, оптимистического настроения, уверенности в себе. Вне же созидательного труда существование человека превращается в прозябание, человек становится скопищем мыслей, настроений, переживаний, неизбежно болезненных и уродливых, ибо все они лишены творческой, созидательной, трудовой основы. «Жажда жизни и деятельности,— писал М. И. Калинин,— несет наибольшее человеку удовлетворение, излечивает все психологические недуги: скука, нервность, неудовлетворенность людьми, а всего больше собой. Она дает возможность совершенно легко пережить выпадающие на человека обыкновенные невзгоды...»¹.

Разумно организованная трудовая деятельность помогает человеку сохранить и укрепить свое здоровье. Если же человек здоров, у него, как правило, хорошее, бодрое и оптимистическое настроение. Вот что пишет о значении труда для сохранения здоровых эмоций академик А. Н. Бакулев: «Труд, протекающий в благоприятных для организма условиях... является не только полезным, но просто необходимым. Он формирует организм, поддерживает мышечный тонус, развивает силу мышц, мозг, всю нервную систему, учит преодолевать трудности... Труд активизирует нервную систему человека, когда она слишком вялая, он же успокаивающе действует на перевозбужденную нервную систему»².

В совместном труде человек формируется как член коллектива, у него складываются альтруистические, чисто товарищеские отношения к людям, чувство коллективизма, «чувство локтя», развиваются общественные инстинкты. Совместный труд порождает потребность в укреплении сотрудничества и взаимопомощи, в коллективной деятельности. Люди испытывают чувство радости от того, что их трудом создается предмет потребления для других, благодаря чему постоянно воспроизводится, цементирующая социалистическое общество, взаимосвязь людей.

Именно в трудовом коллективе человек находит самых верных друзей, познает с ними радость творчества, здесь воспитываются все его моральные чувства, чувства долга, чести, ответственности, достоинства, гордости, братской солидарности и т. д.

В коллективном труде успешно развиваются чувства социалистического патриотизма, интернационализма. На наших социалистических предприятиях работают бок о бок трудящиеся многих национальностей. Их совместный труд в едином коллективе формирует чувство дружбы между народами. Например, героический труд на строительстве Братской ГЭС слил в единую семью представителей более чем 70 национальностей. Повседневный напряженный труд советского человека является

М. И. Калинин. Неизвестные письма, «Комсомольская правда» от 3 августа 1965 года.

² «Трудом велик человек», Госполитиздат, М., 1960, стр. 63.

ярким выражением его патриотизма и социалистического интернационализма

В одухотворенном творческом труде успешно преодолеваются и религиозные чувства, настроения. В. И. Ленин учил, что нельзя отделить теоретическую пропаганду атеизма от практической деятельности. Лучший и наиболее доступный способ помочь верующим преодолеть религиозные предрассудки, пробудить их от религиозного сна — это вовлечение их в активный трудовой процесс. Социалистический труд — эта та объективная основа, на которой вырастает практический нигилизм верующего по отношению к религии. Активная трудовая деятельность, общение с товарищами атеистами в процессе труда, дружный производственный коллектив способствуют верующему найти свое место в жизни, его перевоспитанию в духе социалистического коллективизма.

Труд — это постоянная борьба, требующая упорства в достижении поставленной цели, — это — неустанное преодоление трудностей, необходимо возникающих в процессе трудовой деятельности. Не случайно слова «труд» и «трудно» имеют общий корень.

Социалистический труд, как сложнейший комплекс физических и умственных усилий, требует упорства, страсти, сосредоточенности, целеустремленности не только действий, но и чувств, и мыслей. Нередко он сопряжен с преодолением больших трудностей, а иногда и с риском для жизни. На этой почве вырастают и проявляются красота человеческой натуры и самые лучшие черты его характера: сила воли и мужество, настойчивость и самообладание, выносливость и выдержка, стойкость и бесстрашие.

В труде формируется цельный характер, в труде же человеческий характер наилучшим образом и познается. «Только борьба, — говорил В. И. Ленин, воспитывает, расширяет кругозор, проясняет ум, выковывает волю»¹.

В творческом труде человек приобретает иммунитет ко всему наносному, случайному в характере и поведении. В минуту, когда человека постигает несчастье или беда, труд, занимая внимание, помогает забыть неприятное, способствует воспитанию упорства в преодолении трудностей, веры в свои силы. Даже людей, не имеющих твердого характера, труд отвлекает от дурных поступков. Тот же, кто не прошел школы настоящего труда, обычно имеет дряблый характер. Он может обнаружить неспособность к самостоятельной деятельности, проявить разгильдяйство, нервную торопливость и не довести начатого дела до конца.

Чем сложнее социалистический труд, тем более высокие требования предъявляет он к волевым качествам личности. Развитие современной техники, как известно, усложняет трудовую деятельность, появляются профессии, которые предъявляют все большие требования к психологическим характеристикам человека, к его восприятию, вниманию, к скорости и точности его реакций. В ходе управления современными производственными процессами довольно часто возникают задачи, требующие быстрой сообразительности, мгновенного решения и действия. Возьмем, к примеру, современного оператора. Значительный период рабочего времени протекает у него в состоянии кажущегося бездействия, в наблюдении за работой приборов и машин. Машин могут выйти из строя, и в этот момент, наступление которого оператору не известно, он должен за максимально короткий срок обнаружить неисправности и нормализовать производственный процесс. Такую степень готовности к ускоренному действию психологии называют бдительностью.

В социалистическом труде успешно формируются и преумножаются прогрессивные трудовые обряды, обычаи, привычки, успешно преодолее-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 23., стр. 233.

ваются старые, вредные традиции. В трудовом коллективе воспитывается чувство уважения к революционным традициям народа. Через совместный труд происходит распространение новых обычаев, обрядов, передового опыта новаторов, передача трудовых традиций от старшего поколения к молодому.

Через творческий труд коммунистическая идейность из сферы идеологии переносится в сферу привычек, закрепляется в психологии человека. Только в процессе созидания происходит превращение труда в привычку, в потребность совершать автоматизированные акты. В ходе трудовой деятельности преодолеваются вредные привычки: от общества взять побольше, а дать ему поменьше и т. д. Если в труде люди приобретают привычку к честному труду на благо общества, то лодыри, паразитирующие на труде других, приобретают привычку к праздности.

За последние годы в нашей стране сложились массовые, интересные, красивые и увлекательные трудовые обычаи и традиции: дни металлурга, строителя, железнодорожника, космонавтики, механизатора, животновода, полевода, праздники урожая, трудовой славы, обычаи чествования юбиляров труда, торжественных приемов нового пополнения, посвящения в рабочие, оказание почестей ветеранам труда, уходящим на заслуженный отдых, вечера ветеранов труда и т. д. Эти и другие новые трудовые обряды, обычаи, традиции оказывают большое психологическое влияние на различные общественные группы.

Особенно успешно складываются новые обычаи и традиции в коллективах коммунистического труда. Например, на Иркутской чаепрессовочной фабрике коммунистического труда возникли много новых, ставших уже традиционными, обычаев. В каждом цехе существует свой, никем не написанный, никем не утвержденный ритуал знакомства новичка с производством. Его проводят по всем участкам, показывают то, что сделано руками самих рабочих. Ему говорят: «Твой цех — твой дом, а ты должен сделать все, чтобы здесь было, как дома». Ежегодно, накануне 10 мая, даты первого коммунистического субботника, на фабрике проводятся традиционные слеты ударников и коллективов коммунистического труда, вечера новаторов, отчеты бригад коммунистического труда перед трудящимися, подводятся годовые итоги соревнования, устраиваются гуляния, воскресники по благоустройству фабрики, вечера художественной самодеятельности, спортивные состязания и т. д.

*

«Труд создал самого человека», — писал Ф. Энгельс. Процесс формирования человека трудом не заканчивается эпохой выделения его из животного царства, а проходит через всю человеческую историю. Труд продолжает и в настоящее время «создавать» человека, формировать его. Такую функцию труд сохранит всегда.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СОЗНАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Из всей совокупности условий, оказывающих активное влияние на формирование общественного, а также индивидуального сознания, важнейшая роль принадлежит труду.

Рассматривая процесс становления человеческого труда и сознания в аспекте их естественноисторического развития, можно выделить следующие наиболее общие узловые моменты этого процесса:

1. Формирование сознания и труда по мере выделения человека из животного мира и все большего освобождения его от стихийных сил природы.

2. Освобождение человека от стихийных внешних социальных условий.

3. Подчинение этих стихийных сил власти объединившихся индивидуумов и освобождение человека от отрицательных сторон его собственной биологической природы.

Другими словами, проблема формирования человеческого сознания выступает перед нами в трех основных отношениях: в отношении к природе, в отношении к обществу и в отношении к самому себе.

Обмен веществ между человеком и природой или сам труд может происходить по-разному. Он может осуществляться в более сложных и более простых формах. Высшей формой труда является творчество как преимущественно умственная деятельность, направленная на поиски комбинации каких-то новых еще не известных решений. Творческий труд — важнейшее средство формирования сознания, эффективный источник воспитания.

Важнейшим критерием творческого труда является преимущественная способность к умственной деятельности. В этом смысле понятия «творческий труд» и целесообразная «творческая умственная деятельность» сближаются по смыслу. Творческий труд способствует не только количественному увеличению умственных способностей, но главным образом, их особому качественному распределению и взаимодействию в общей структуре. Именно качественно новое взаимодействие многих способностей накладывает существенный отпечаток на их дальнейшее развитие. Это прежде всего проявляется в отношении человека к труду как к средству, доставляющему моральное удовлетворение и радость.

Творческий труд оказывает большое влияние на такие черты личности, как воля, настойчивость, целеустремленность. Неоценимое значение он имеет для сознательного отношения к труду как к первой жизненной потребности.

Особое значение творческого труда для формирования сознания заключается в том, что в процессе такой деятельности наиболее ярко проявляется ее познавательная ценность, выступающая в качестве гносеологического момента труда, а также как один из важнейших стимулов со-

значительного действия в том или ином направлении. Только в творческом труде наиболее полно удовлетворяется стремление человека к разнообразным знаниям.

Вместе с тем гносеологический момент труда, а следовательно и стимулы сознательной деятельности, связанные с ним, проявляются не сами по себе, а как цели деятельности, опосредствованные общественной формой производства. Преломляясь, таким образом, в нашем сознании, они тесно связываются с этическим моментом труда.

Этический момент труда, по существу, выражается в том отношении личности к труду, которое становится для нее осознанной нормой поведения.

Освобождение человека от стихийных природных сил характеризуется возрастанием степени его познавательных способностей и практического освоения объективной действительности. Вместе с тем это эволюция творческих способностей ума, формирующихся в труде. Подобная эволюция — результат прежде всего коллективного характера трудового процесса.

Трудовой коллектив, не являясь специальной формой воспитательной организации, тем не менее существенным образом влияет на формирование сознания личности. Обмен деятельности и способностей в коллективе не только относится к процессу производства, но и составляет его сущность.

В «Капитале» Маркс критиковал те воззрения, в которых смешивался или отождествлялся общественный процесс производства с простым процессом труда, который мог бы осуществлять лишь искусственно изолированный человек без всякой общественной помощи. Но такой изоляции в общественном производстве в действительности не существует. Люди действуют в конкретно — исторических условиях, и характер их труда, уровень его материально-технической оснащенности зависят от тех производственных отношений, в которые вступают люди в самом процессе производства материальных благ.

Маркс критиковал, например, Адама Смита, который утверждал, сравнивая труд крестьянина с трудом мануфактурного рабочего, что выполнение работ, которые с необходимостью меняются в зависимости от перемены погоды и множества других обстоятельств, требует гораздо большей сообразительности и предусмотрительности, чем выполнение одних и тех же или почти одних и тех же операций¹. Смит совершает ошибку, которая характерна для многих представителей буржуазной экономической науки. Он не учитывает, что общество накладывает существенный отпечаток на характер всей трудовой деятельности. Если сравнивать общественные условия, при которых осуществляется труд рабочего и труд крестьянина, отмечал Маркс, то «городской рабочий более развит, чем сельский... это обусловлено лишь тем обстоятельством, что характер его труда заставляет его жить в обществе, тогда как труд земледельца заставляет его обращаться непосредственно к природе»².

Маркс критикует Смита за односторонность в оценке влияния труда на работника. Однако он не отрицает того факта, что значение труда для формирования человеческого сознания не ограничивается лишь его общественным содержанием. «Человек присваивает себе свою всестороннюю сущность всесторонним образом»³, в труде находят выход многие человеческие потребности и в том числе потребность в «свободной игре физических и интеллектуальных сил», потребность в тренировке воли, чувств, наконец, потребность в знаниях.

¹ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости. Часть II, стр. 227.

² Там же.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. Госполитиздат, 1956, стр. 591—592.

Последняя является непреодолимой потребностью человеческого разума, возникающая из сложности и противоречивости самого объективного мира. Она органически сливается с целью деятельности, которая лежит в самой этой деятельности. Как справедливо замечает академик В. Энгельгардт, одним из основных стимулов познания является и стремление внести ясность, внести порядок в хаос нашего неведения... увеличить степень упорядоченности наших представлений...»¹.

По своей естественной природе стремление к знаниям сливается с павловским инстинктом цели или ориентировочно исследовательским рефлексом. Однако превращение инстинктивно-рефлекторской деятельности в сознательную зависит не только от цели деятельности, составляющей внутреннюю сущность самой этой деятельности, но и от общественно-экономических условий труда.

Таким образом, гносеологический момент труда как стремление к удовлетворению потребности в знаниях, с одной стороны, выступает как инстинктивное влечение, а с другой, — формируется как цель деятельности, опосредствованная общественными условиями и потребностями, выступает как этический момент, определяющий отношение индивидуума к труду.

Развитие всех элементов труда осуществляется по мере общественного исторического прогресса. Одна из тенденций этого развития состоит в выделении специфически творческой стороны труда. Труд все больше превращается в интеллектуальную деятельность, направленную на создание новых материальных ценностей. Эта тенденция проявляется одинаково в различных общественно-экономических условиях. Но если при капитализме она есть результат стихийного развития, то при социализме — следствие сознательного и планомерного развития. Особенно наглядно в этом можно убедиться на примере становления творческого труда в области непосредственного материального производства.

В условиях капитализма становление творческого труда идет крайне противоречиво: в то время как происходит увеличение творческих потенций на одном полюсе, на другом они растут крайне незначительно. Это происходит в силу принудительного разделения труда и выражается в отчуждении в той или в иной форме как условий труда, так и самого труда или его «сущностных сил». При капитализме возможность заниматься творчеством более доступна представителям сферы умственного труда. Не случайно поэтому, что здесь более часто труд может превратиться в самоцель и даже может быть осознан как первая жизненная потребность. Основная же масса тружеников лишена возможности творчества, а тем самым и одного из важнейших источников своего развития.

Обострение противоречий между трудом и капиталом приводит к попыткам со стороны самих капиталистов разрешить некоторые из этих противоречий путем ряда частичных мер. Это проявляется в разработке различных систем «гуманизации труда» и т. п. Как известно, одна из центральных идей теории «человеческих отношений» Ж. Фридмана рассчитана на использование в производстве такого субъективного фактора, как отношение к труду.

Отношение к труду складывается под воздействием совокупности экономических отношений. В зависимости от этого оно может быть, например, творческим или нетворческим. В первом случае от рабочего требуется выдумка, смекалка, систематическая работа в направлении совершенствования производства при помощи новых методов. Но совокупность всех производственных отношений капиталистического обще-

В. Энгельгардт. Движущие силы научного творчества. «Наука и жизнь», 1965, № 3, стр. 50.

ства, как это было доказано основоположниками научного коммунизма, базируется на непримиримом антагонизме между трудом и капиталом. С этой точки зрения классовых противоречий, творческое отношение работника в сфере непосредственного материального производства является я нетипичным явлением.

Коренное преобразование условий труда, а следовательно и начинающийся вслед за этим процесс изменения самого труда, происходит при социализме. Это не что иное как тенденция к возвращению непосредственному производителю материальных благ его творческих функций, которая проявляется в многочисленных формах творческой активности масс.

Социализм ставит практически вопрос о сознательном отношении к труду подавляющей массы трудящихся. В условиях социализма в сфере непосредственного материального производства преобладает еще нетворческий или схематический труд, основанный на средней степени квалификации. Подчас этот труд тяжел и малопривлекателен по своему содержанию, но даже в этих условиях он получает новое нравственное содержание, в основе которого находится творческое сознательное отношение к любому виду деятельности.

Именно в силу этой и ряда других причин при социализме работник, даже исполняющий частичные операции, не может быть назван частичным работником в том смысле, который вкладывал Маркс в это понятие в «Капитале».

При социализме преобладает творческое отношение к труду, но это еще не есть сам творческий труд, потому что творческое отношение к труду выражает только один из необходимых компонентов для действительного творчества, субъективное личностное содержание трудового процесса, его этическую сторону.

Для того, чтобы превратить труд в творчество и раскрыть все его возможности для общества и личности, мало одного осознания необходимости труда на общую пользу, для этого необходимы еще ряд других объективных социально-экономических предпосылок, среди которых важнейшая роль принадлежит технике, комплексной автоматизации производства.

Социализм решает, таким образом, вопрос о творческом отношении к труду и подготавливает условия для превращения труда в творчество по своему характеру во всех сферах производства. Но действительное слияние всех моментов творческой деятельности, как и превращение основной массы непосредственных производителей в творческих работников, произойдет во второй фазе коммунизма. При этом понятие «непосредственный производитель материальных благ» теряет свой прежний смысл потому, что «непосредственный труд как таковой перестает быть основой производства»¹, и превращается в опосредствованную преимущественно умственную деятельность.

Таким образом, логика естественноисторического развития, сознания в труде сводится к синтезу этического и гносеологического моментов. Одно из своих конкретных воплощений этот процесс находит в формировании творческого труда и творческого сознания, основанных на единстве творческого отношения и творческого характера труда. Чем больше и органичнее это единство, тем полнее проявляется творческая целеустремленность личности. Слияние этического и гносеологического моментов, творческого отношения и творческого характера труда является решающим показателем осознания личностью труда как первой жизненной потребности и окончательный выход ее из плена внутренней

¹ К. Маркс. Из неопубликованных рукописей «Большевик», № 11—12, 1939, стр. 64.

биологической природы. Вместе с тем это показатель новых качественных изменений, происходящих в обществе в целом.

Становление творческого труда под влиянием совокупности общественно-экономических условий со всей очевидностью подтверждает открытый К. Марксом закон возрастающей роли народных масс в истории. Говоря о том, что «вместе с основательностью исторического действия будет, следовательно, расти и объем массы, делом которой оно является»¹, К. Маркс, несомненно, имел в виду и качественное изменение самой этой массы. Народные массы всегда были носителями творческих начал в своей деятельности. Этим определяется их решающая роль в истории. Но только с «основательностью исторического действия», которое нашло свое воплощение в социалистическом обществе, творческие начала, заложенные в самой природе, труда, находят простор для всестороннего применения. Деятельность масс из стихийной превращается в сознательную творческую силу.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 90.

МАТЕРИАЛЬНАЯ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОТНОШЕНИЯ К ТРУДУ

В период развернутого строительства коммунизма «в центр воспитательной работы партия ставит развитие коммунистического отношения к труду у всех членов общества»¹.

Одним из главных средств в воспитании коммунистического сознания является материальная заинтересованность трудиться на общество, формирующаяся на основе господствующих социалистических производственных отношений.

Проблема воспитания коммунистического отношения к труду очень многогранна. В предлагаемой статье освещается формирование некоторых моральных сторон коммунистического отношения к труду под влиянием материальной заинтересованности.

Нравственное содержание коммунистического отношения к труду прежде всего включает в себя осознание долга работать на общество и чувство хозяина, выражающихся в творческом и добросовестном выполнении работы, в бережном отношении к общественной собственности. Формирование этих особенностей сознательного отношения к труду в условиях социализма в значительной степени зависит от материальной заинтересованности. Попытаемся выяснить некоторые особенности этой зависимости.

Материальная заинтересованность и трудовой долг

Нравственное требование работать на общество в условиях социализма определяется не абстрактной «необходимостью трудиться на благо общества», а конкретными социальными условиями и экономическими отношениями. В силу того, что ликвидирована эксплуатация, политический и национальный гнет, устранена всякого рода дискриминация личности, осуществлено относительное равенство во всех основных социальных отношениях между людьми. Труд становится единственным источником доходов для всех членов общества. Общественная необходимость трудом создавать все, что нужно для существования и развития общества и его членов, становится объективной необходимостью каждого трудоспособного члена социалистического общества, в равной степени относящейся ко всем.

Эта необходимость, отражаясь в нравственных формах общественного сознания, и выражается в форме нравственного долженствования трудиться на общество, предъявляемого обществом каждой личности. Однако в такой общей форме долг как требование общества к отдельным лицам воспринимается абстрактно, как внешнее требование. Вос-

¹ Программа КПСС. М., 1961, стр. 118.

приятие и осознание его трудящимися как справедливого нравственно-го требования зависит в основном от конкретных условий и прежде всего экономических отношений, от взаимодействия общественных и личных материальных интересов.

Чем полнее удовлетворяются материальные и духовные потребности личности за счет труда на общество на основе общественного производства и общественной системы услуг, тем шире единство личных и общественных интересов, тем успешнее общественные интересы воспринимаются как интересы личности, включаясь в содержание последних. В результате общественное требование трудиться на благо общества в полную меру своих способностей воспринимается как справедливое требование и быстро превращается в убеждение, а потом во внутреннее нравственное побуждение, в чувство и сознание личной ответственности. Однако в нравственных принципах экономических отношения, содержание материальных интересов общества и личности отражаются опосредованно. Общественное и личное благополучие в их определенном взаимодействии, отражаясь в сознании, подкрепляют сознание необходимости работать на общество и включаются в содержание нравственного долга лишь в снятом виде. Возникнув под влиянием экономических отношений, нравственные принципы становятся относительно самостоятельными и в определенных пределах не зависят от экономических отношений.

Нравственный принцип долга становится независимым непосредственно от конкретно осуществляющихся в каждый данный момент экономических связей и производственных отношений. В нравственных формах сознания закрепляются наиболее общие и самые существенные особенности экономических отношений в виде осознания необходимости подчинять личное общественному. Поэтому нравственные требования общества предъявляются к каждому члену социалистического общества независимо от конкретного соотношения материальных интересов отдельных лиц к материальным интересам общества.

С другой стороны в моральном долге отражается требование обеспечивать для каждого члена социалистического общества соответствующие условия для развития способностей и необходимость удовлетворять потребности. Именно благодаря наличию и осуществлению этой необходимости правомерно реальное существование нравственного требования общества к личности. Только в единстве и взаимодействии этих двух противоположных сторон можно правильно понять сущность долга в условиях социализма. В нашей литературе, нередко, содержание долга раскрывается односторонне. Подчеркивается лишь, что долг «есть требование должного поведения, обращенное к каждому советскому человеку»¹.

Подобная односторонность в понимании долга вытекает, очевидно, из того, что считают, будто долг исключительно «воплощает в себе общественные интересы»², в то время как личные интересы могут с содержанием долга лишь «совпадать в моральном акте»³, или противодействовать ему. Верно, конечно, что долг, будучи самостоятельным побуждением, может совпадать или противостоять личным интересам. Однако, по нашему мнению, совершенно не верно отождествлять содержание долга с интересами общества. Подобное отождествление, по сути дела, повторяет ошибку утилитаристов, а во-вторых ведет к отрыву понятия долга от личных материальных интересов и их противопоставлению. На самом деле, личные интересы в условиях социализма через органическую

¹ Л. М. Архангельский. Категории марксистской этики, М., 1963, стр. 106.

² В. П. Шкоринов. Нравственный долг и диалектика его развития. Ростов, 1963, стр. 23.

³ Там же, стр. 21.

связь с интересами общества оказывают существенное влияние на процесс формирования долга.

Поэтому успешное осознание долга трудиться на общество возможно только на основании справедливого сочетания личной материальной заинтересованности с интересами общества.

Материальная заинтересованность и формирование чувства «хозяина»

Существенной особенностью коллективистского сознания является сознание единства личных, коллективных и общественных интересов, закрепляющемся в стремлении к сотрудничеству и взаимопомощи, в убеждении что каждый трудящийся в условиях социализма действительно становится хозяином общественного производства.

Чувство и осознание хозяина является необходимым компонентом коммунистического сознания, так как от него в основном зависит чувство ответственности за общее дело и активность по осуществлению отношений взаимопомощи и сотрудничества в процессе удовлетворения общественных интересов.

Уже сам факт существования социалистической общественной собственности имеет огромное значение в формировании коллективистского сознания.

Общественная собственность возникает вследствие ликвидации капиталистических отношений и сразу юридически оформляется как собственность нового государства, у власти которого становятся трудящиеся, или как собственность производственного коллектива, организованного на принципах социалистической демократии. Учреждение социалистических производственных отношений с самого начала означает ликвидацию эксплуатации. Этот факт, будучи осознаваемым как следствие коллективных усилий рабочего класса и крестьянства, организованных партией, становится могучим источником энтузиазма трудящихся, фактором формирования коллективистского сознания.

Но начинаются будни и факт существования общественной собственности в своем влиянии на сознание уступает другим факторам. Главным становится процесс развертывания возможностей, заложенных в общественной собственности, в реальную действительность. Причинно-следственная, двусторонняя связь собственности с сознанием трудящихся осуществляется через правовые и административные отношения. Существующие в СССР и других социалистических странах социалистические формы собственности позволяют осуществлять организацию и управление производством самыми различными методами. Теоретически таких методов может быть бесконечное множество. На практике в различных социалистических странах сложилось несколько различных методов. Социалистические производственные отношения требуют централизованного управления производством. Но степень централизации может быть самой различной. Из сущности общественной собственности вытекает настоятельная необходимость контроля по управлению и организации производством со стороны массы трудящихся, необходимость их активного участия в этом. Степень участия трудящихся в управлении и организации производством так же, как и мера контроля с их стороны за управлением, тоже может быть весьма различной. Крайности и в ту, и в другую стороны могут приводить к резким отрицательным как экономическим, так и воспитательным результатам. Поэтому поиски оптимального варианта сочетания централизации и демократизации, единоначалия и коллегиальности в организации и управлении производством имеют огромное значение в формировании у трудящихся прежде всего чувства и сознания «хозяина».

Поиски более совершенных методов управления хозяйством, внедрение методов управления и принципов планирования создают еще более благоприятные условия для правильного сочетания личных и общественных интересов, для вовлечения трудящихся в управление хозяйством и деятельность по организации производства, что безусловно окажет значительное положительное влияние на формирование чувства хозяина у каждого члена производственного коллектива, еще больше поднимет трудовую активность трудящихся.

Большое влияние на сознание личности оказывают реально сложившиеся отношения работников в управлении и организации производством. Последнее зависит от юридически оформленного социального положения личности в производственном коллективе и сложившихся в коллективе или в стране административно-хозяйственных методов и стиля по организации и управлению хозяйством.

Сложившаяся в 30-е и 40-е годы чрезмерная централизация в управлении хозяйством приводила к тому, что руководители предприятий и производственных коллективов, с одной стороны, не имели почти никаких прав по маневрированию материальными средствами и доходами своих предприятий, с другой — как представители государства, наделялись слишком большими полномочиями в отношении к подчиненным и коллективу в целом. Юридические и административные отношения по организации и управлению общественным хозяйством часто противопоставляли личные интересы — государственным. В этих условиях воспитание чувства хозяина у трудящихся не могло идти успешно.

С тех пор как в основном преодолены последствия культа личности, особенно после октябрьского Пленума ЦК КПСС (1964 г.), у нас складываются благоприятные условия для того, чтобы полнее использовать все возможности социалистической собственности в целях воспитания творческой активности трудящихся по управлению и организации общественного производства. Больше распространение получают постоянно действующие производственные совещания, общественные бюро и группы экономического анализа. Еще выше поднимается культурно-технический уровень рабочих, колхозников, ИТР и служащих.

Теперь, когда улучшились объективные и субъективные условия участия в организации и управлении производством, разрешение задачи гармонического сочетания централизации и демократизма, единоначалия и коллегиальности в управлении производством становится еще более настоятельной.

Для расширения демократизма и коллегиальности, необходимых для успешного воспитания чувства и сознания хозяина у трудящихся, на наш взгляд, необходимо и дальнейшее еще более значительное расширение прав производственных коллективов и их руководителей. Эти права должны обеспечивать относительно свободное маневрирование средствами производства и рабочей силой в целях наиболее высокой общественно полезной экономической эффективности, обеспечивающей удовлетворение общественных, коллективных и личных интересов.

Д. Г. ПРОЦКАЯ

К ВОПРОСУ О ПЕРЕЖИТКАХ ПРОШЛОГО В ОТНОШЕНИИ К ТРУДУ

Для научной организации коммунистического воспитания необходимо знание того, с чем мы ведем борьбу, строя коммунизм.

«Теория и впредь должна освещать путь практике, помогать выявлению и преодолению препятствий и трудностей, мешающих успешному коммунистическому строительству»¹.

Объективация пережитков прошлого в отношении к труду отрицательно сказывается на результатах трудовой деятельности нашего общества, выступает одной из причин брака, бесхозяйственности, прогулов, простоев, недисциплинированности, текучести кадров и т. п. явлений.

Предметом нашего рассмотрения являются вопросы, недостаточно разработанные в философской литературе. К ним относятся следующие: что такое пережитки прошлого в отношении к труду, выявление аспектов классификации данных пережитков, особенности их в общественном и индивидуальном сознании, соотношение рассматриваемых пережитков в идеологической и социально-психологической сторонах сознания, соотношение сознательных и несознательных носителей пережитков прошлого в отношении к труду.

Автор исходит из следующих предпосылок. Первая. Победа социализма в нашей стране означает полное уничтожение остатков капиталистических отношений, ликвидацию внутри страны материальной основы и классовых корней досоциалистического сознания. Последнее с победой социализма деградирует до уровня «пережиточного».

Пережиточное сознание лишено целостности, систематизированности. По отношению к социалистическому базису оно случайно и стихийно, по отношению к тем факторам общественного бытия, которые его поддерживают, не случайно. Вторая предпосылка. Пережитки прошлого в сознании и поведении советских людей являются чужеродными элементами по отношению к социализму. Но за время длительного сосуществования с господствующим социалистическим сознанием и поведением они потеряли тот вид, который имели в переходный период от капитализма к социализму, когда пережитки имели материальную базу в лице остатков прежних экономических укладов.

Пережитки видоизменились под влиянием новых условий. Изменение протекает в двух направлениях. Во-первых, по линии уменьшения объема пережиточного сознания у его конкретных носителей, по линии деградирования до уровня пережиточных привычек. Типичной фигурой в наше время среди носителей пережитков прошлого является личность, сознание которой внутренне противоречиво, сочетает в себе новые взгляды на одни стороны жизни с пережиточными взглядами на другие стороны жизни.

¹ Программа Коммунистической Партии Советского Союза. М., 1962, стр. 118.

Во-вторых, по линии дальнейшей приспособляемости сознательных носителей пережитков к новым условиям, что выражается в выработке ими защитных свойств, прикрытии пережиточной мотивации к труду внешней добросовестностью, внешним признанием социалистических норм поведения.

Пережитки прошлого в отношении к труду — сложное явление с точки зрения своей структуры, динамики развития, сложных связей с различными сторонами, отношениями, процессами нашего общества. Теоретическая разработка специфических особенностей и форм проявления пережитков прошлого в отношении к труду поможет в определении конкретных путей преодоления их и в воспитании коммунистического отношения к труду.

Правильному пониманию сути данных пережитков препятствуют распространенные в философской, экономической и юридической литературе неточные, ошибочные формулировки.

В литературе укоренилась фраза: «пережитки капитализма в отношении к труду». На наш взгляд, она не охватывает всех проявлений несоциалистического отношения к труду и, в частности, остатков отношения к труду и трудовым обязанностям, сохранившимся еще от эпохи феодализма (остатки барско-аристократического отношения к физическому труду и труду в сфере обслуживания; такие формы паразитизма, как полная праздность; привычки: расхлябанность, недисциплинированность, лень, безволие и тот комплекс привычек, которые синтезируются в понятии «обломовщина».

Учитывая, что многие народы нашей страны не прошли стадию капитализма, следует вместо понятия пережитки капитализма в отношении к труду употреблять: пережитки прошлого в отношении к труду.

Пережитки прошлого в отношении к труду — это враждебные природе социалистического труда взгляды, привычки, материальные и моральные мотивы, традиции и соответствующие им поступки, которые сложились в условиях антагонистических социально-экономических отношений. Данные пережитки сохраняются в условиях победившего социализма в силу ряда объективных и субъективных причин в общественном и индивидуальном сознании (преимущественно в социально-психологической стороне его).

В нашей философской литературе бытует слишком широкое толкование объема понятия «пережитки прошлого в отношении к труду». В силу того, что в недавнем прошлом имела место лакировка действительности, возникла своеобразная тенденция все хорошее относить к социализму, а все плохое к пережиткам капитализма. В результате этого в понятие пережитки прошлого в отношении к труду стали включать разнородные по содержанию и происхождению стороны сознания, в том числе и отставшие от новых потребностей социалистического бытия отдельные элементы самого социалистического сознания.

Далеко не все стороны в общественном и, в особенности, в индивидуальном сознании поспевают за бурными темпами развития социалистической экономики. Отставание в сознании сильнее проявляется у людей, недостаточно связанных с практикой коммунистического строительства. Одни из них просто успокаиваются на достигнутом, другие заинтересованы в сохранении того, что было порождено социализмом, но уже не соответствует новым потребностям общественного производства, у третьих нет достаточного опыта и знаний, чтобы своевременно разобраться в требованиях времени. Будучи объективированными, устаревшие или недостаточно развитые элементы социалистического сознания порождают негативный результат в практической деятельности.

Отставание отдельных элементов морального сознания в настоящее время проявляется в отсутствии должного понимания общественной зна-

чимости новых требований общества к труду, как к общественной деятельности человека. Автор согласен с точкой зрения Г. П. Францева, что «По мере развития всего общественного строя, трудового процесса и самого человека эти требования меняются, становятся все более высокими... Возрастают моральные требования к трудовой деятельности... развивающийся социалистический труд требует все более высокого образования и все более высокого сознания общественного долга»¹.

Но в виду того, что и пережитки и отставшие элементы социалистического производственного и трудового сознания порождают при объективации однотипный результат (брак, невыполнение плана, бесхозяйственность и т. п.), для правильного определения субъективных причин перечисленных явлений следует вычленять пережитки от отставших элементов социалистического сознания.

На наш взгляд, субъективными причинами таких общественных явлений, как брак, бесхозяйственность, недисциплинированность и т. п. являются не столько пережитки антагонистической старины в сознании, сколько отставшие стороны производственного и трудового сознания. В современных условиях индустриального производства плохое качество продукции, брак — есть следствие отсталой организации производства и труда, низкой культуры производства, несовершенства технологии, пренебрежения достижениями науки и техники.

Отождествление пережитков прошлого в сознании с отставшими элементами социалистического сознания приводит к смешению разного рода противоречий, которые необходимо разрешить в ходе коммунистического строительства различными средствами.

Возможны различные аспекты изучения структуры пережиточного сознания. Важны, на наш взгляд, следующие: Первый аспект. Расчленение пережитков по их бывшей социальной принадлежности. В этом плане следует выделять остатки воззрений и привычек прежних господствующих и угнетенных классов. Второй аспект. По характеру мотивации пережитки выступают в двух формах: частнособственнические мотивы и взгляды на труд, как на средство наживы, с одной стороны, и потребительское отношение к труду, как к обузе, повинности, с другой стороны. Третий аспект. По степени осознанности мотивов к труду. В этом плане носители пережитков подразделяются на сознательных и несознательных. Четвертый аспект по принадлежности пережитков либо к идеологии, либо к социальной психологии.

Ряд авторов утверждает, что наше общественное сознание в основном соответствует общественному бытию, а пережитки сохраняются лишь в сознании отсталых людей. Отсюда напрашивается вывод, что пережитки сохранились только в индивидуальном сознании. Эти же авторы, далее, пишут, что одной из причин сохранения пережитков в сознании некоторых людей при социализме является тенденция отставания общественного сознания от общественного бытия, т. е. фактически пишут, что следствием этого отставания является наличие пережитков в общественном сознании.

Пережитки, конечно, с соответствующими особенностями сохранились как в общественном, так и в индивидуальном сознании. Если бы их не было в общественном сознании, то невозможно объяснить, каким образом они появились у некоторых представителей молодого поколения. Ведь господствующие социалистические производственные отношения не порождают частнособственнические мотивы к труду.

По своему объему и степени распространения пережитки преобладают в индивидуальном сознании. Во-первых, потому что соответствие между общественным бытием и общественным сознанием протекает по

¹ Г. П. Францев. «Социалистический коллективизм и формирование личности». Сб. «Социальные исследования». М., 1965, стр. 40—41.

времени быстрее, чем возникает подобное соответствие между индивидуальным сознанием и социалистическим общественным бытием. В общественном сознании, в его ведущей стороне-идеологии — происходит систематизированное целенаправленное отражение общественного бытия. Во-вторых, индивидуальное сознание подвержено не только тенденции отставания от общественного бытия (причем эта тенденция здесь более проявляется, чем в общественном сознании, в силу преобладания в индивидуальном сознании социально-психологической стороны, которая и при социализме в основном складывается стихийно), но еще и тенденции отставания от общественного сознания. В-третьих, индивидуальное сознание в большей мере испытывает на себе влияние тех факторов, которые поддерживают живучесть пережитков. Именно микросреда является областью различного рода нарушений принципов социализма. Незаконное увольнение с работы, несправедливая оплата труда и т. п. — все эти явления болезненно отражаются на сознании отдельных людей, выступают причиной консервации пережитков.

Пережиточная часть в общественном и индивидуальном сознании обладает своими особенностями. Старые взгляды на труд в общественном сознании проявляются не прямо, а косвенно, через объективацию в деятельности. Здесь имеется несоответствие между словами и делами. Проявление пережиточных взглядов на труд в общественном сознании была недооценка роли и значения физического труда, а также недооценка значимости труда в сфере обслуживания.

Заработная плата, ее величина является признанием общественного и морального значения работника, его достоинства. Низкая зарплата работников сферы обслуживания, имевшая место до 1964 года, была проявлением недооценки этих видов труда. Одновременно имелась переоценка роли и значения труда в сфере управления общественными делами, что выражалось в завышенных окладах работников аппарата управления. При переоценке одних видов труда и недооценке других косвенно происходит присвоение одними людьми результатов труда других. На наш взгляд, с экономической точки зрения, справедливо осуждение фактов неравной оплаты равного по количеству и качеству труда, протекающего в идентичных условиях. Мы справедливо возмущаемся формальным, безразличным отношением отдельных людей к общему делу. Но следует видеть и другое: порой само общество может несправедливо относиться к отдельным категориям работников, что выражается в неправильной системе стимулирования их труда.

В индивидуальном сознании пережитки прошлого в отношении к труду проявляются более прямо и непосредственно, хотя и здесь имеется несоответствие между взглядами и поступками, словами и делами работника.

В ряде статей подчеркивается, что пережитки в сознании представляют собой остатки идеологии уничтоженного в СССР капиталистического общества. Эта мысль нуждается в уточнении. Будет, конечно, неверным полностью исключить в наших условиях наличие пережиточных идей, убеждений. Но что касается пережиточных взглядов на труд, то они в основном сохраняются в социально-психологической стороне сознания, где в свою очередь охватывают область привычек, которые обладают автоматизмом, «убегают» из-под контроля сознания, особенно незрелого, неглубокого, а поэтому дольше сохраняются, чем другие элементы пережиточной идеологии и психологии. Не случайно, наиболее распространенной фигурой в числе носителей пережитков является личность, у которой взгляды сложились новые, а привычки остались старые.

Пережитки прошлого в отношении к труду — плод не столько убежденности, сколько привязанности к прежним привычкам. Отсюда возникает большая проблема целенаправленного воздействия на общественную психологию.

Для практики воспитательной работы, для индивидуализации средств воспитания и наказания, носителей пережитков прошлого в отношении к труду следует подразделять на сознательных и несознательных. Сознательными являются в большинстве случаев закоренелые тунеядцы, люди с осознанным корыстным мотивом к труду. Так как социалистическое государство и общественность ведут борьбу с открытыми и скрытыми формами тунеядства, то сознательные паразитические элементы, боясь последствий своих поступков, лицемерят, скрывают истинные мотивы поступков, мобилизуют разум и волю на поиски методов и средств добычи денег и материальных ценностей в обход существующих законов. У сознательного носителя пережитков глубокое несоответствие сознания нашему социалистическому бытию.

Для несознательного носителя пережитков прошлого в отношении к труду также характерно отношение к труду как к общественной деятельности на основе пережиточной психологии, но это не осознается им, а совершается по привычке, приобретенной зачастую в том возрасте, когда люди подражают, не задумываясь над последствиями своих поступков.

Известно, что коммунистические идеи не являются достоянием всех советских людей. Для значительной части их характерно незавершенность, нецельность сознания. Вот среди этих людей и имеются несознательные носители пережитков. Взгляды у них сложились новые, а привычки остались прежние. В этом случае над таким человеком до выработки им идейной зрелости необходим постоянный контроль со стороны передового коллективного сознания. На наш взгляд, в нашем обществе преобладают несознательные носители пережитков прошлого в сознании и поведении. Этот вывод сделан из следующих посылок. Во-первых, пережитки преобладают в социально-психологической стороне сознания, где охватывают главным образом область наиболее устойчивых образований — привычек. Приверженность к пережиточной идеологии сохранили немногие. Основная масса людей сейчас — это поколение, рожденное после Октябрьской революции, которое росло и воспитывалось при социализме. В этих условиях, которых по тем или иным причинам не коснулись успехи социализма, наследовали от предшествующего поколения в основном не убеждения, а предрассудки, привычки, эмоции прежней эпохи.

У несознательных носителей пережитков социалистические взгляды являются просто информацией, не ставшей убеждением, а, следовательно, и нормой поведения. Если несознательный носитель пережитков попадает в хороший коллектив, совершающий над ним функцию контроля и воспитания, то он приучается сначала выполнять трудовые обязанности несознательно, боясь осуждения, наказания, затем с повышением своего уровня, сознательно.

Для научного руководства процессом преодоления пережитков прошлого в отношении к труду необходима точная информация об уровнях сознательности различных групп носителей пережитков. Для этого необходима постановка конкретно-социологических исследований по данной проблеме для отыскания наиболее эффективных путей преодоления пережитков прошлого в отношении к труду.

О НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ СОЗНАТЕЛЬНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ ТРУДА

Для функционирования труда необходимо сочетание его элементов, определенное единство их и конкретная организация, основанная на дисциплине. Дисциплина труда есть объективное экономическое отношение (отношение обмена деятельностью и способностями), отраженное в системе правил, необходимых для кооперации в процессе совместного труда. Являясь частью, элементом организации труда, дисциплина выступает как объективная необходимость. Внешне (по форме) эта необходимость проявляется как техническая сторона, а внутренне (по содержанию) — как социальная сторона.

Техническая сторона дисциплины труда есть отношение человека к природе и выражает необходимость подчинения работника определенному порядку, необходимость согласованности действий в процессе труда. Эта сторона не зависит от конкретного социального строя, социальной формы общественной организации труда и определяется лишь уровнем техники и технологии производства. Социальная сторона дисциплины выражает отношения людей друг к другу, производственные, экономические отношения, а отсюда и способы, мотивы подчинения установленному порядку, стимулы к труду и соблюдению трудовой дисциплины, характер который определяется отношениями собственности. Так, при капитализме, в условиях господства частной собственности на средства производства, общественная организация труда держится на дисциплине голода. Труд и соблюдение дисциплины воспринимаются рабочими лишь как внешняя необходимость. Рабочий, писал К. Маркс, не считает труд своей жизнью. «Жизнь для него начинается тогда, когда эта деятельность прекращается,— за обеденным столом, у трактирной стойки, в постели»¹.

В современных условиях капиталистического производства техническая и социальная сторона дисциплины труда находятся в антагонистическом противоречии. Если уровень производства, производительных сил, техническая сторона по своей форме дисциплинирует, объединяет людей, то производственные отношения, наоборот, разъединяют их. Капиталистическая дисциплина подавляет личность, калечит ее физически и духовно. Поэтому созданная буржуазией дисциплина голода постоянно нарушается, о чем говорят факты стачек, забастовок. Так, необходимость соблюдения дисциплины (в основном технической стороны) превращается в свою противоположность—в необходимость нарушения дисциплины.

Социалистическая организация общественного труда так же объективно требует дисциплины и держится на ней. Но, в отличие от капиталистической, это дисциплина сознательная и добровольная, созданная самими трудящимися на отношениях товарищеского сотрудничества и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 1, стр. 56, М., Госполитиздат, 1949.

взаимопомощи. Она имеет своей целью объединение в совместном труде, в получении материальных благ, содействует дальнейшему культурному развитию, приобретению все большей свободы общества в личности. «Коммунистическая организация общественного труда, к которой первым шагом является социализм, держится и чем дальше, тем больше будет держаться на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся...»,—учил В. И. Ленин¹. Осознание необходимости дисциплины труда и ее добровольное соблюдение возникают не сразу. «Мы знаем,—говорил В. И. Ленин,—что это дело займет целую историческую эпоху»². Это длительный процесс.

Закономерная зависимость уровня трудовой дисциплины от материальной заинтересованности в результатах труда подтверждается фактами. Так, в 1918—1919 гг. когда официальный заработок в среднем на одного рабочего за день составлял всего 2 коп., а трата только на одежду и обувь за это время составляла 2,7 коп., трудовая дисциплина была очень низкой. «Изумляться приходится не тому,—писал академик Струмилин,—что рабочий прогуливал около трех месяцев в году, а тому, что он все же в три раза чаще выходил на работу, чем оставался у себя дома»³.

Надо признать, что в первые годы Советской власти именно сознание, энтузиазм передовых рабочих, геройская инициатива отдельных групп нередко играла решающую роль в восстановлении разрушенного хозяйства, в поднятии производительности труда, в переломе настроений масс по созданию социалистической дисциплины. Проявлением такого порыва явились коммунистические субботники, где и зародилась добровольная, сознательная дисциплина труда, творческое отношение к нему. Но один энтузиазм без подкрепления материальной заинтересованностью есть быстротечный порыв, образно говоря,—росток без живительной влаги. Именно в те годы В. И. Ленин указал путь строительства социалистической экономики, привлечения людей к производительному дисциплинированному труду, который основан «...не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности»⁴.

Общественная собственность, как основа единства интересов трудящихся, и вытекающие из нее социалистический закон распределения по труду и принцип личной материальной заинтересованности создали возможность сознательного и добровольного соблюдения дисциплины труда. В свою очередь, дисциплина явилась средством укрепления и развития общественной собственности, средством повышения благосостояния каждого трудящегося.

Эта диалектическая взаимосвязь ярко отражается в снижении нарушений трудовой дисциплины. Количество прогулов по неуважительным причинам в днях в среднем на одного рабочего составило в нашей стране в 1921 году 20,6 в 1935—08 и в 1961 — 0,4⁵.

Говоря о новой дисциплине, создаваемой самими трудящимися, В. И. Ленин подчеркивал: «Эта новая дисциплина не с неба свалилась и не из добреньких пожеланий рождается, она вырастает из материальных условий крупного... производства, только из них. Без них она невозможна»⁶. На наш взгляд, этим подчеркивается именно техническая

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 387.

² В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 379.

³ С. Г. Струмилин. Проблемы экономики труда, Госполитиздат, 1957, стр. 521.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 36.

⁵ Данные за 1921—1935 гг. см. «Труд в СССР». Статистический справочник ЦУНХУ Госплана СССР, 1936, стр. 96. Данные за 1961 г. взяты из статьи Р. А. Эйдельман, опубликованной в сборнике «Вопросы использования трудовых ресурсов в народном хозяйстве СССР», Москва, 1963.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 387.

сторона — уровень техники и технологии, позволивший путем концентрации и кооперации производства все более обобществлять труд. Последнее же неумолимо требует четкой дисциплины труда, а наличие общественной собственности создает объективную возможность ее добровольного и сознательного характера.

В ряде статей эта сторона остается в тени. В работе «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин замечал, что рассматривать вопросы дисциплины труда нужно в единстве ее технической и социальной сторон. Правомерно лишь при рассмотрении принципиального отличия характера социалистической дисциплины от капиталистической акцентировать внимание на социальных сторонах, резко противоположных друг другу. Рассмотрение же проблем укрепления сознательной дисциплины труда в нашем обществе обязательно должно включать в себя рассмотрение ее технической стороны. Иначе вряд ли можно понять различие уровней трудовой дисциплины в сельском хозяйстве и в промышленности, среди работников крупных и мелких предприятий, механизированного и немеханизированного труда.

Анализ состояния дисциплины труда выявляет общую закономерность: на крупных промышленных предприятиях уровень ее значительно выше по сравнению с мелкими, где невысок уровень кооперации труда, механизации и автоматизации, где в силу самой технологии производства между непосредственными производителями большая степень разобщенности, «независимости». Так, например, по 22 предприятиям Искитимской промышленной зоны Новосибирской области за пять месяцев 1963 года совершено прогулов 3723 человеко-дня¹. На одном же Новосибирском заводе «Сибсельмаш», насчитывающем несколько большее количество рабочих, нежели на 22 указанных выше, прогулы за 10 месяцев составили 3800 человеко-дня², т. е. в среднем за каждый месяц совершено прогулов в 2 раза меньше. Это положение подтверждается и данными о прогулах на предприятиях ряда отраслей промышленности Западно-Сибирского СХ, технический уровень которых различен.

За 1963 год потери рабочего времени на каждого работающего составили: по предприятиям лесной и деревообрабатывающей промышленности — 1,1 дня; промстройматериалов — 1,17 дня; радиотехнической — 0,36 дня; химической и нефтяной — 0,33 дня³. При сравнении однородных предприятий, производящих одну и ту же продукцию, можно наглядно убедиться в том, что существует закономерная зависимость уровня трудовой дисциплины от степени механизации и автоматизации производства. Сравним два предприятия: Чернореченский цементный завод и Себряковский цементный завод. Последний является передовым предприятием цементной промышленности по уровню автоматизации и механизации⁴. По сравнению с Чернореченским цементным заводом выработка цемента на одного рабочего на нем выше более чем в 2 раза. Потери рабочего времени по причине прогулов на одного работающего в 1963 г. составили у себряковцев 0,05 дня, у чернореченцев — 0,4 дня⁵.

В процессе труда на тех предприятиях, где высок уровень автоматизации, сами объективные условия требуют высокой дисциплины людей. Одно дело, когда человек работает на несложном станке, и совершенно другое, когда он руководит автоматической линией, от работы

¹ Материалы Искитимского ГК КПСС Новосибирской области.

² С. Шерстобоев. «Пережиткам прошлого — коллективный отпор», «Советская Сибирь» от 21 ноября 1963 г.

³ Данные Управления труда и заработной платы Западно-Сибирского СХ.

⁴ А. Харламов. «Ценный почин предприятия коммунистического труда», «Экономическая газета», 21 марта 1964 г.

⁵ Данные Отдела кадров Чернореченского и Себряковского цементных заводов.

которой зависят все последующие участки, труд коллектива в целом. В этих условиях сознание человека более непосредственно отражает его положение, роль и высокий долг перед коллективом, а значит, и перед всем обществом¹. На Чернореченском цементном заводе среди машинистов вращающихся печей, от работы которых зависит выполнение плана всего цеха, нет прогульщиков.

В данный период времени еще существуют значительные различия предприятий по уровню механизации, тем более — по автоматизации труда. Однако эти различия с каждым годом стираются, труд становится все более непосредственно общественным как по характеру, так и по своей природе. Высокий уровень обобществления труда находит свое выражение в повышении уровня концентрации производства, в сосредоточении все большего количества работников на крупных предприятиях. Закономерный рост концентрации производства и специализации открывает большие возможности для механизации и автоматизации, что вызывает глубочайшие изменения в производительных силах и в связанных с ними производственных отношениях нашего общества. Правильно, на наш взгляд, подчеркивает А. А. Зворыкин, что «сообразно такому переходу к единой системе производства создается единый образ жизни»².

Новая техника, говорится в Программе КПСС, требует перехода к более высокой организации труда. Об огромном народно-хозяйственном значении улучшения организации труда говорит тот факт, что только учетные ежегодные потери рабочего времени в промышленности из-за недостатков в организации труда достигают примерно 450 миллионов человеко-дней³. Недостатки в планировании и организации труда оказывают отрицательное влияние на состояние трудовой дисциплины. Так, на предприятиях электромашиностроительного объединения имени XX съезда КПСС Западно-Сибирского СНХ в 1964 году целодневные простои возросли почти в 3 раза по сравнению с 1963 годом, а потери рабочего времени по причине прогулов увеличились на 12%⁴.

Закономерная связь уровня планирования и организации труда с состоянием трудовой дисциплины наглядно видна на примере Чернореченского цементного завода. В 1959—1960 годах завод работал четко и ритмично. В течение этих лет коллектив пять кварталов подряд завоевывал переходящее знамя Совета Министров РСФСР и ВЦСПС, имея сверхплановые накопления и фонд предприятия, что давало возможность применять различные формы материального стимула к труду в сочетании с моральными. Затем положение изменилось. В связи со строительством новых технологических линий, задолго до пуска их, набрали полный штат рабочих, большинство которых ранее не работали в цементной промышленности. Труд их не был по-настоящему организован, в силу чего кадровый, давно сложившийся коллектив не мог оказать на них положительного влияния, тем более, что в 1961 году создались тяжелые условия для коллектива завода. План был дан с учетом ввода в III квартал в эксплуатацию первой технологической линии вновь строящегося завода, но последняя, ввиду срыва строителями и монтажниками сроков, не была введена. Решено было выполнить план за счет интенсификации действующего оборудования. План оказался невыполненным. Оборудование эксплуатировалось без ремонта, что привело впоследствии к частым авариям, к ухудшению условий труда.

¹ Разумеется, что влияние технического прогресса на отношение к труду в условиях капитализма и социализма совершенно противоположно, как противоположны и социальные цели автоматизации.

² А. А. Зворыкин. Наука, производство, труд. М., 1965, стр. 75.

³ «Социалистический труд», 1963, № 3, стр. 5.

⁴ Из постановления Западно-Сибирского СНХ и Президиумов Новосибирского, Омского и Томского облсовпрофов от 23 апреля 1965 г.

Так, в цехе помол запыленность в 10 раз превышала допустимые нормы. В 1962 году управлением СНХ были изменены поставщики сырья, а изменение цен на сырье не было скорректировано, плановая себестоимость продукции была занижена на 1354 тыс. руб., что впоследствии было признано руководством управления, но скорректировано неполностью и лишь к концу года. Администрация и коллектив завода, видя нереальность плана, ослабили борьбу за снижение себестоимости. Многие узлы новых технологических линий были введены в эксплуатацию по временным схемам, с недоделками. Оборудование часто простаивало. Упала материальная заинтересованность, увеличились нарушения трудовой дисциплины.

В 1963 году меры, принятые по улучшению условий труда, частичной механизации трудоемких процессов, улучшению нормирования труда позволили успешно выполнить план. За счет сверхплановых накоплений впервые за три года был создан фонд предприятия, появилась возможность материального поощрения передовиков производства. Выше по сравнению с прошлым годом стала трудовая дисциплина.

Отсюда вытекает еще один вывод: реализация объективных возможностей укрепления сознательной и добровольной дисциплины труда, созданных общественной собственностью, техническим прогрессом, в большей степени зависит от субъективного фактора, общего уровня руководства производством. В связи с этим встают вопросы не только научной организации труда, но и вопросы все более широкого участия трудящихся в управлении производством, а значит и в регулировании дисциплины труда. Участие рабочих в разработке планов и их реализации помогает избегать серьезных ошибок, дает людям наиболее полное представление о предприятии, его роли, задачах и, как показывает опыт, помогает глубже сознавать необходимость добровольного соблюдения дисциплины труда. Среди рабочих, активно участвующих в управлении производством, в общественной жизни, как правило, очень редки случаи нарушения дисциплины труда.

Созданная самими трудящимися новая дисциплина труда регулируется не только государством, но и самими коллективами предприятий, общественными и, прежде всего, профсоюзными организациями. Главный рычаг регулирования — это метод убеждения, коммунистическое воспитание трудящихся.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ЧУВСТВА МОРАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ТРУДОВОМ КОЛЛЕКТИВЕ

Закономерное возрастание роли субъективного фактора при социализме основывается на действенном развитии сознательных стимулов к труду.

В статье «Очередные задачи советской власти» В. И. Ленин подчеркивает особенно важную роль соревнования для выполнения этой задачи. «...Именно советская организация, переходя от формального демократизма буржуазной республики к действительному участию трудящихся масс в управлении, впервые ставит широко соревнование»¹, — указывал Владимир Ильич и требовал делать все возможное для того, «чтобы трудящиеся постепенно сами учились понимать и видеть, как и сколько надо работать, как и сколько можно отдыхать»...².

Проблема «как работать» и «как отдыхать» не теряет своей злободневности и в наши дни, когда мы определяем пути формирования коммунистического отношения к труду.

Этот процесс охватывает многообразные отношения и связи людей и в большинстве случаев имеет самый непосредственный выход в сферу производственной деятельности членов данного коллектива. Его «показатели» не только лучшие экономические данные (что является основным в социалистическом соревновании), а нравственное лицо коллектива, умение найти новые, совершенные формы организационной, воспитательной, культурно-массовой работы, при которой наилучшим образом сочетаются производственные потребности с личными интересами трудящихся, а свободное время и досуг тоже служат — при таком подходе — нравственному и интеллектуальному развитию личности, удовлетворению ее духовных потребностей.

Анкетный опрос и беседы с рабочими, проведенные нами на ряде предприятий Алтайского края, помогли выяснить некоторые аспекты развития чувства моральной ответственности в трудовом коллективе.

Практикой подсказаны здесь новые формы соревнования, охватывающие различные стороны трудовой деятельности и поведения рабочих. Эти формы создают возможности творчески развивать чувство моральной ответственности каждого. Так, на Алтайском вагоностроительном заводе рабочие непосредственно участвуют в нормировании труда, экономическом анализе хозяйственных результатов, в решении острых злободневных задач, складывающихся на тех или иных трудных участках завода (здесь творчески применяется новочеркасский метод оперативного планирования), в оценке добросовестности исполнения заданий, в поощрении передовиков и осуждении нарушителей трудовой дисциплины, в оценке бережливости оборудования, чистоты и безопасности рабочих мест, в приеме и увольнении рабочих.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 190.

² Там же, стр. 192.

Но сами по себе эти формы могут выступать и как узкопроизводственные, в качестве починов. На Алтайском же заводе вагоностроения широкая гласность, постоянная отчетность о выполнении производственных заданий и поддержка общественным мнением заводского коллектива всех добрых начинаний действительно помогает формированию коммунистической сознательности.

Воспитание коммунистического отношения к труду имеет непосредственную связь с гласностью в соревновании. В. И. Ленин советовал «превратить сухие, мертвые, бюрократические отчеты в живые примеры — как отталкивающие, так и привлекающие»¹.

Через осознание отрицательных явлений производственной жизни, получивших общую известность, и понимание положительных фактов, получивших широкую известность в коллективе, познается, осмысливается целесообразность одних поступков и нецелесообразность других. Тем самым сознательно ограничиваются мотивы одних действий, давая простор другим, получившим одобрение в гласности. В этой связи формируется и действенное общественное мнение в воспитании чувства моральной ответственности.

Обобщение различных сторон производственной деятельности в соревновании позволяет оценить эти стороны, привести их к единству. И хотя количество форм и средств этой своеобразной отчетности увеличивается, выбор действия, выбор той или иной реальной возможности уменьшается. При этом обычно в условиях гласности появляется возможность для лучшего выбора. Необходимость самой широкой, оперативной и систематической гласности о различных сторонах итогов соревнования подтверждается практикой лучших производственных коллективов на Алтае. Несомненно, широкая гласность содержит огромный нравственный стимул для развития высшей формы соревнования. При этом учет и контроль всей деятельности производственного коллектива может быть самым разнообразным.

В. И. Ленин считал, что, «чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт, тем вернее и быстрее будет успех социализма, тем легче практика выработает — ибо только практика может выработать — наилучшие приемы и средства борьбы»². Он призывал бороться «против всякого шаблонизирования и попыток установить единообразие сверху»...³.

Радиопередачи, производственные совещания, советы мастеров, специальные дни качества, беседы пропагандистов и агитаторов, занятия в школах коммунистического труда, техминимумы, листки передового опыта, стенная печать — все эти средства используются на Алтайском вагоностроительном заводе. Ежедневное подведение итогов создает реальные возможности для ритмичной, а следовательно, и качественной работы.

Основываясь на производственной необходимости, творчески организованное соревнование берет за эталон, норму только самое передовое. В выборе реальных, но в то же время самых прогрессивных возможностей решающую силу имеет коллективный опыт, принцип материальной заинтересованности, чувство коллективной ответственности. Борьба всего коллектива за передовое является и борьбой с формализмом, бюрократизмом и равнодушием.

Использование возможностей зависит от уровня осознания меры ответственности в коллективе. Чем полнее и богаче деятельность всех членов коллектива, тем полнее проявляется связь должного и свободы выбора с возможным и необходимостью и тем результативнее реали-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 36, стр. 191.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, стр. 204.

Там же, стр. 203.

зуется свобода воли «как способность принимать решения со знанием дела»¹.

В современных условиях больше чем когда-либо от всех производственных коллективов, находящихся в деловой связи с данным предприятием, требуется не только юридическая ответственность, но и моральная. Поэтому необходима обоюдная широкая гласность и постоянная борьба с проявлениями формализма в этой связи. На наш взгляд, зависимые друг от друга предприятия должны обязательно соревноваться и результаты этого соревнования следует широко освещать в периодической печати и радиопередачах.

Соревнование за коммунистический труд широко включает и внепроизводственную сферу, развитие общественных начал. Если в производственной сфере моральная ответственность имеет самую прямую связь с материальной заинтересованностью, то вне производства свобода выбора поступка не ограничивается такой жесткой необходимостью. И проблема моральной ответственности решается здесь значительно труднее. Вопрос, «как отдыхать», должен получать большее внимание и большую гласность, чем раньше, в самих производственных коллективах.

В этой связи особую значимость приобретает организация и контроль за целевым направлением всей идеологической и воспитательно-культурной работы в производственном коллективе.

Творческий подход к общественному поручению, как одному из важных факторов развития чувства моральной ответственности, является необходимым условием благотворного развития общественных начал, искоренения формализма в его основе. Проблема глубокого изучения интересов и склонностей трудящихся при таком подходе должна получить более организованный и научный характер. Творческое отношение к каждой личности в данном коллективе, несомненно, поможет более совершенно организовать и профессиональную подготовку, и воспитание, и культурный досуг.

Нельзя не согласиться с В. П. Тугариновым, что «один из главных недостатков нашей воспитательной работы как раз тот, что мы мало учитываем... индивидуальные особенности сознания, подходим к людям как к неким абстрактным, равным друг другу объектам воспитания»².

Общественная работа прежде всего должна приносить духовное удовлетворение, что вовсе не исключает и принципа, при котором обязанности налагаются, исходя из деловых и нравственных качеств личности, в связи с острой необходимостью.

В настоящее время в ряде коллективов поручения даются стихийно, выполняются формально, ряды активистов слабо пополняются новыми членами. В таких коллективах нередки нарушения трудовой дисциплины. Так, например, из 86 активистов Барнаульского котельного завода и Алтайского моторного завода, где проводился нами выборочный анкетный опрос, оказалось только 10 новичков, которые получили поручения впервые. Остальные — «штатные» общественники, редкий из которых имеет одно постоянное поручение. Следовательно, формальное отношение к выполнению поручения закладывается уже во время его наложения.

В беседах с рабочими выяснилось, что в большинстве случаев общественные поручения даются без учета личных интересов и склонностей. Многие молодые рабочие не имеют общественных поручений, что сказывается на их нравственном росте, на развитии чувства моральной ответственности.

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, М., 1952, стр. 107.

² В. П. Тугаринов. Личность и общество. М., 1965, стр. 55.

Основными функциями общественных организаций на производстве являются экономическое и нравственное обоснование социалистических обязательств, развитие общественных начал, повышение теоретической подготовленности руководителей и трудящихся, контроль за методами деятельности единоначальников, ибо их метод работы прямо связан с нравственным становлением производственного коллектива.

Моральная ответственность не тождественна подотчетности при которой человек остается пассивным исполнителем. В постановлении сентябрьского Пленума ЦК КПСС (1965) указывается, что «только при сознательном, инициативном и творческом подходе каждого труженика к своему делу, при бережливом, хозяйском отношении каждого к народному достоянию можно бороться за построение коммунистического общества». Эти задачи нельзя претворить в жизнь без всемерного развития моральных стимулов к труду, воспитания чувства моральной ответственности, которое в связи с новым подходом к управлению и планированию производства в связи с усилением экономического стимулирования получило объективную основу для своего развития.

ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

В философской литературе оживленно обсуждается проблема взаимовлияния технического прогресса и изменений в сфере общественного сознания, в духовной жизни общества. Рассмотрим из этой проблемы один вопрос: каково влияние прогресса техники на развитие морали и искусства.

Некоторые буржуазные философы утверждают, что технический прогресс «не соответствует природе человечества» и что он, действуя отрицательно на психику человека, ведет к регрессу в области духовной жизни, к абсолютному и относительному понижению общего уровня общественного сознания, к девальвации, обесцениванию духовных богатств человечества. В частности,¹ — согласно их мнению, — прогресс техники вызывает неизбежный регресс морали, а препятствуя нравственному развитию личности, тормозит ее всестороннее, гармоническое развитие и, значит, уродует личность.

Неотомист Л. де-Рейемекер, например, считает, что развитие морали не поспевает за научно-техническим прогрессом: «Если установлено, что научные и технические знания человека сделали огромный прогресс, то никто не осмелился бы утверждать, что произошел соответствующий моральный прогресс»¹. А происходящее в силу этого относительное падение нравов ведет от возможности дурного использования научно-технических достижений к действительности такого бесчеловечного, варварского использования их. Спасение в создающейся ситуации «морального отставания» Рейемекер видит в религии как в необходимом средстве «подтягивании» уровня морали до уровня техники. Без религии научно-технический прогресс может-де привести человечество только к господству мрака, к гибели в огне ракетно-ядерной войны.

Рассуждения Рейемекера о падении нравов являются отражением, во-первых, морального разложения части современного буржуазного общества, что находит свое выражение в ее разврате, расточительстве, паразитизме и разбое; во-вторых, отражением краха религии и морали, основанной на религии, перед лицом паразитических успехов науки и техники, что находит свое выражение как в уменьшении количества верующих, так и в ослаблении силы, слепоты, наивности веры. Но падение нравов части человечества неправомерно выдавать за падение нравов всего человечества. А из факта использования плодов науки и техники для эксплуатации людей людьми или для создания средств ведения войн (в том числе и оружия массового истребления людей: бактериологического, химического, ракетно-ядерного) вовсе не следует, что научно-технический прогресс морально-разлагающе действует на людей, и что

¹ «Человек и эпоха», М., 1964, стр. 194.

все современное человечество аморально. В целом человеческое общество и не «морально» и не «аморально», ибо в целом ему (обществу) не с чем себя сравнивать, кроме как с природой, к которой понятия «морально» и «аморально» не приложимы. Аморальной может быть только часть общества, в то время как другая его часть моральна. В современном человечестве аморальной его частью является буржуазное общество, а внутри его — буржуазия и другие эксплуататорские классы.

Крах религии и религиозной морали Рейемекер выдает за крах всей морали и за оскудение духовных ценностей человека. Однако мы живем в такое время, когда религию нельзя более рассматривать как духовную ценность, хотя религия до сих пор остается в составе общественного сознания, но она все более обесценивается в глазах общества, уступая пальму первенства науке.

Мысли Рейемекера о дурном использовании научно-технических достижений являются отражением действительного положения вещей в современном капиталистическом обществе, (например, взрыва водородной бомбы США на атолле Бикини; усиления эксплуатации с помощью машин и др.). Но не в конфликте между техническим и моральным прогрессами, не в падении нравов заключается причина этого «дурного» применения науки и техники, а в буржуазных производственных отношениях, не соответствующих происходящему в их рамках научно-техническому прогрессу. В дурном применении науки и техники виноваты вовсе не наука и техника, а люди, их применяющие, (если рассматривать какое-либо одно общество), и социально-экономический строй, определяющий направления, формы и способы их применения, (если рассматривать все человечество как систему противоположных обществ, т. е. если рассматривать разные общества). Это осознают и прогрессивные ученые капиталистических стран. Например, великий ученый и выдающийся борец за мир. Фредерик Жолио-Кюри писал: «Иногда науку считают моральной или аморальной, судя по тому, какое применение она получает..., но надо судить только тех лиц, которые практически осуществляют во вред человечеству сделанные открытия... Многие ученые справедливо полагают, что можно избежать извращения в применениях науки и не хотят становиться сообщниками тех, кто благодаря неудовлетворительной структуре общества может использовать плоды их работ в эгоистических и дурных целях»¹.

Нормы и принципы морали непосредственно связаны не с техникой, как это считает Рейемекер, а с экономическим строем общества, с совокупностью его производственных отношений. Например, уровень развития техники может быть одинаковым и в капиталистической и в социалистической странах, а господствующие морали в этих странах обязательно будут не только разными по уровню развития, но и противоположными по своей сущности. И, наоборот, уровень развития техники в разных капиталистических странах может быть различен, а уровень, до которого развилась их мораль одинаков: во всех капиталистических странах господствует одна и та же — по сути — буржуазная мораль: мораль индивидуалистическая, основанная на частной собственности на средства производства; мораль «волчья», основанная на «праве сильного», мораль торгашеская, основанная на всевластии золота.

И еще одно замечание к «теории» Рейемекера о «моральном регрессе». Если принять за критерий развития морали удельный вес общегуманистических норм и требований среди ее норм, или процент лиц от общего числа членов данного общества, по отношению к которым признается обязательным и равным соблюдение нравственных для данного времени норм, то исторический прогресс морали налицо. Прогресс морали, состоящий в росте относительного веса общечелове-

¹ П. Б и к а р. «Фредерик Жолио-Кюри и атомная энергия», М., 1962, стр. 114.

ских требований в ней, а, значит, и в увеличении процента людей, охватываемых едиными, равноправными нормами поведения, налицо, какие бы области человеческих отношений мы не изучали: отношение ли к труду, к женщине, к детям, к пожилым и старикам и т. д.). Если все большая часть населения на данной территории начинает жить с течением времени в соответствии с господствующими на ней нравственными принципами и нормами, то налицо прогресс морали, идущий с количественной стороны, точнее сказать, идущий экстенсивно. Если с течением времени на данной территории начинают действовать новые, более гуманные нормы и принципы морали, (даже без расширения круга лиц, руководствующихся этой моралью), то налицо прогресс морали, идущий с качественной стороны, точнее сказать, идущий интенсивно.

Реальный прогресс морали обладает и качественной и количественной стороной, идет одновременно и интенсивно, (т. е. путем вызревания норм все более гуманистической — коммунистической — морали, выраженной в новой Программе КПСС «Моральным кодексом строителя коммунизма»), и экстенсивно, (т. е. путем овладения этой моралью все более широким кругом лиц советского общества).

Количественная сторона прогресса морали может быть определена и иначе, а именно, как рост количества межчеловеческих отношений, регулируемых не правом, не юридическими законами, а привычками, обычаями, моралью, и соблюдаемых по внутреннему велению совести, а не под угрозой насилия со стороны карательных органов государства. Тогда качественно прогресс морали будет выражаться в повышении человечности, разумности, необходимости требований каждой нормы, регулирующей ту или иную область человеческих отношений.

В стане буржуазных философов раздаются также голоса о враждебности современной техники искусству и о старомодности и даже вредности искусства. Например, на III Международном конгрессе по эстетике в Афинах в 1960 г. некоторые философы сравнивали научно-технический прогресс с Минотавром, пожирающим искусство. А итальянский профессор Калоджеро пропагандировал, с позволения сказать, «теорию» о том, что «потребление» искусства благодаря научно-техническому прогрессу увеличивается, а «производство» искусства, создание новых художественных ценностей затухает.

Конечно, «производство искусства» сопровождается такими явлениями как формализм и натурализм, «расцвет» которых означает временное и местное «затухание» реалистического искусства, отказ от него, (тогда и там, где и когда они «расцветают»). Но это не является результатом научно-технического прогресса. Технический прогресс сам по себе не может вызвать ни деградации, ни подъема, расцвета искусства. А в появлении кризисных явлений в искусстве на Западе (таких, как какофоническая музыка; т. н. «абстракционистская живопись», а по сути бессмысленная, абсурдная мазня; воспевание насилия и патологии любви и пр.) повинен прежде всего капитализм, повинны буржуазные производственные отношения и, — что самое главное, — их обреченность, т. е. их — пользуясь терминологией Гегеля — «недействительность», «неразумность» на современном этапе развития человечества. Для преодоления этих кризисных явлений в искусстве надо в корне изменить производственные отношения, надо покончить с эксплуатацией одних и с паразитизмом других, надо оздоровить человечество.

В чем же проявляется влияние научно-технического прогресса на искусство?

1. Научно-технический прогресс предоставляет в распоряжение искусства новые и все более мощные средства, служащие, а) как для «производства искусства», для создания художественных произведений, (например, электромузыкальные инструменты; звук, цвет и формат в

кино; новые средства бутафории, краски, кисти и др. материалы), б) так и для «потребления искусства», для распространения произведений искусства, (например, книгопечатание и грамотность; литография и другие средства репродукции; радио, кино, телевидение и пр.).

Но следует иметь в виду, что прогресс техники создает только новые, невиданные ранее возможности для развития искусства. Но он не создает нового искусства. Технические средства необходимы, но сами по себе недостаточны ни для создания, ни для распространения художественного образа. Перевод возможности в действительность нового искусства зависит — при прочих равных условиях — главным образом от талантливости художника и от количества его труда. Перевод же возможностей распространения искусства в массах в действительность массового искусства зависит — при прочих равных условиях — от общественного строя.

Так изобретенное в XV в. книгопечатание открыло новые возможности по сравнению с рукописью для распространения художественного слова. Но по вине капитализма эта возможность не реализована в полной мере и по сей день. Например, по состоянию на 1963 г. в США по официальным данным имелось около 8 млн. полностью неграмотных, во Франции более половины взрослого населения вообще не читает художественную литературу¹, а на Кубе только с победой социалистической революции была полностью ликвидирована неграмотность.

На пороге XX в. появилось детище новой техники — кино, которое, опираясь на дальнейший прогресс техники, непрерывно расширяет арсенал своих изобразительных средств: от немого, черно-белого и плоского до звукового и стереофонического, цветного, стереоскопического и панорамного отражения действительности. Показательно, что одну треть всех кинозрителей мира составляют жители СССР, хотя население СССР составляет сейчас одну пятнадцатую часть населения мира. А появившееся со середины XX в. телевидение выступает не только как средство передачи произведений искусства на расстоянии, но и как новый самостоятельный вид искусства, синтезирующий в себе в переработанном виде древнейшее театральное искусство с молодым киноискусством.

Развитие кибернетических машин открывает перед развивающимся искусством новые еще неизведенные пути и возможности, хотя бы, например, в таких областях художественного творчества, как критический анализ стихов, производимый с применением математических методов, или перевод поэтических произведений с одного языка на другой, (о котором еще Жуковский писал: «Переводчик в прозе — раб, а в поэзии — соперник», отмечая этими словами творческий характер работы переводчика-поэта). Усматривается также возможность применения кибернетических устройств в музыкальном творчестве, в частности, при обработке мелодии по правилам гармонии. Бесспорно, что искусство во всех своих областях, видах и жанрах будет и впредь осваивать новые средства, которые ему сможет предложить техника, будет укреплять и развивать свою, так сказать, материально-техническую базу.

Необходимо оговориться, что научно-технический прогресс одновременно создает и средства, способные уничтожить произведения искусства. И когда эти средства оказались, например, в руках у фашистов, то были взорваны, сожжены, затоплены и иными способами уничтожены опромнейшие художественные ценности на территории всей Европы. Кроме того, технические средства могут быть использованы и для идеологической борьбы с прогрессивными искусством и моралью, для духовного растления членов общества, особенно подрастающего

¹ «Человек и эпоха», М., 1964, стр. 206.

поколения. Все дело в том, что (какое искусство, например,) с помощью этих средств распространяется.

2. Влияние технического прогресса на искусство проявляется в появлении новой области в искусстве — технической эстетики, которая изучает красоту технических изделий. Технические конструкции (мосты, здания, машины и пр.) теперь являются не только объектами отражения в искусстве, (разумеется, вместе с человеком), но и самими предметами искусства как продукты специально их созданию подчиненной конструкторско-художественной или архитектурной деятельности, т. е. как продукты искусства. Поэтому человек может восторгаться как эстетическим предметом и Московским университетом, и станциями метрополитена Москвы, Ленинграда, Киева, и быстроходными судами на подводных крыльях типа «Метеор» и «Ракета» и т. п. В докладе А. Н. Косыгина на сентябрьском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС подчеркивалось, что предприятиям необходимо и впредь бороться за высокое качество изделий, которое предполагает не только их добротность (прочность, легкость, долговечность и пр.), но и красоту их конструктивных форм и отделки.

3. Прогресс техники и связанные с ним изменения в условиях производства и быта не могут не вызывать соответствующих изменений в психике людей (как в индивидуальной, так и в общественной), а это отражается и в содержании, и на форме искусства. Как отмечает художественная критика, растущее внимание к ритму в музыке, более острый сюжет и углубленный психологизм в литературе, расцвет «поэзии раскованных чувств» являются теми чертами современного искусства, которые связаны с усилением технической стороны жизни человека, с ускорением ритма все усложняющейся жизни. Это — отражаемая искусством психологическая реакция на технический прогресс, как и абстракционизм, который в некоторой мере является патологической реакцией психики на научный прогресс. Но упрощенное, примитивное понимание связи изменений в технике и в общественной психологии с искусством ведет к ошибочным представлениям, например, о том, что в век напряженного ритма жизни и космических скоростей человеку, якобы, некогда читать и поэтому роман должен отмереть. Эти представления нашли свое практическое выражение в США в «кастрировании» романов Л. Н. Толстого и некоторых других великих писателей, изданных в виде сокращенных изложений фабулы, сюжетной канвы.

4. Научно-технический прогресс расширяет поле сотрудничества ученых, инженеров и деятелей искусства. Например, сама жизнь инженеров и ученых, их творения и сам процесс их труда стали объектом самого пристального внимания и изучения в искусстве, а деятельность поэтов, композиторов и др. художников становится объектом изучения физиков, математиков, кибернетиков.

5. Научно-технический прогресс, повышая производительность труда, создает возможность для увеличения свободного времени, а тем самым — и для занятия искусством. Прогресс науки и техники повышает уровень квалификации, образования и общей культуры все более широких слоев трудящихся, а потребности в искусстве с повышением уровня культуры людей возрастают. Следовательно, возникает, усиливается не только возможность, но и необходимость развития искусства. Ценителями и потребителями прекрасного, критиками произведений искусства все более становятся самые широкие слои трудящихся. Теперь искусство имеет дело не с эстетствующими одиночками, а с миллионами людей. Поэтому возрастает возможность воспитания людей через искусство, усиливается этическая сторона эстетического. Поэтому многократно возрастает ответственность художников перед народом и историей. Искусство должно помочь людям преобразовать мир и свои отношения.

по законам красоты. Поэтому советское искусство призвано служить формированию всесторонне развитого человека: не только физически сильного и красивого, но и духовно богатого и чистого; не только знающего, но и идейно закаленного, убежденного в правоте великих идей марксизма-ленинизма.

Некоторые философы ненужность искусства для современности обосновывают ссылками на «иссушающее ум» и «огрубляющее душу» влияние техники, на ускоряющийся темп, ритм жизни человечества, на нехватку времени для посещения картинных галлерей, выставок, музеев, концертных залов филармоний и консерваторий и для чтения художественной литературы. Эти философы молчаливо исходят из признания искусства пустой забавой, излишеством в человеческой деятельности, а духовную деятельность сводят только к научной. Но «искусство не праздная забава, а форма развития воображения»¹, своеобразный способ познания действительности и могучее средство воспитания людей. А без развитого воображения, фантазии ни о каком научном мышлении как о творческом мышлении не может быть и речи. Главное опровержение любых обоснований ненужности искусства современному человеку дает сама жизнь, общественная — и в частности художественная — практика, показывающая, что искусство нужно людям, любимо ими и что оно прогрессирует.

Прогресс искусства проявляется, конечно, не в создании новых лучших красок или других необходимых для художественного творчества материалов. Прогресс искусства проявляется в том, что с течением времени создаются все более высокохудожественные и идейно-значимые произведения. Например, развитие русской поэзии от Державина через Батюшкова и Жуковского до Пушкина характерно тем, что ученик становится выше своего учителя, превосходит его (и в мастерстве формы и в глубине, силе мысли своих творений). Прогресс искусства проявляется и в переносе центра тяжести с одних, со старых направлений и жанров на другие, на новые формы и жанры, которые лучше, чем прежние, удовлетворяют изменившиеся эстетические потребности людей новой эпохи. Виктор Гюго справедливо писал: «Художественный шедевр является шедевром раз и навсегда. Данте не обновляет Гомера». В этом же смысле Гоголь, например, не превзойден никем: ни Л. Толстым, ни Чеховым, ни М. Горьким и т. д., а Кольцов и Некрасов не затмеваются Есениным и Маяковским, хотя прогресс реалистического искусства тут налицо.

Итак, прогресс морали и искусства состоит — как метко заметил М. Руткевич — во все более глубоком «очеловечивании» доставшихся людям «наследство» от животного мира чувств, в воспитании чувств, т. е. во все большем насыщении чувств, основанных на инстинктах и безусловных рефлексах, интеллектуальным содержанием, в доведении наших чувств до состояния разумности, (точнее, до большей разумности).

Технический же прогресс не только создает необходимые условия для облегчения труда человека по созданию материальных благ, но и выступает материальной предпосылкой для создания духовных благ, для развития духовного облика человека, в том числе и его нравственных и эстетических ценностей. Более того, прогресс техники оформляет и закрепляет собою, материализует в себе прогресс духовный, т. е. является средством накопления и использования результатов духовной деятельности, средством жизнедеятельности общественного сознания.

А. Арсеньев, В. Давыдов, Э. Ильенков. «Машина и человек, кибернетика и философия», М., 1965, стр. 6.

«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР» КАК ЧАСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

(на примере формирования русской социалистической нации)

Проблема «национального характера» — одна из самых сложных проблем национального вопроса, до сих пор не получившая всестороннего изучения и материалистического истолкования. В советской литературе за последние годы все больше утверждается та точка зрения, что «национальный характер», психический склад нации есть часть общественной психологии, часть общественного сознания¹. К сожалению, этот подход к вопросу не получил своего полного обоснования и раскрытия. Автор данной статьи стоит на высказанной выше точке зрения и пытается на материале формирования русской социалистической нации отметить некоторые особенности развития «национального характера» социалистических наций, указать на некоторые стороны «национального характера» как составной части общественного сознания.

Марксизм-ленинизм исходит из того, что «национальный характер» — своеобразное отражение объективных условий жизни самой нации, специфики ее общественного бытия. Материалистическое понимание «национального характера» не имеет ничего общего со всякого рода измышлениями буржуазных социологов о врожденных духовных особенностях наций, с реакционными расистскими биологизаторскими учениями и концепциями современных этнопсихологов-фрейдистов.

«Национальный характер» формируется, шлифуется в сознании народа, проявляется в его психологии, культуре, традициях, обычаях в ходе длительного исторического развития общественного бытия того или иного народа со всеми его характерными чертами и противоречиями. Русский «национальный характер», например, складывался в результате своеобразных жизненных условий русского народа, в его борьбе за свою национальную и социальную независимость. На протяжении многовековой борьбы с чужеземными захватчиками и внутренними угнетателями у русского народа постепенно выковались и закалились такие характерные черты психологии, как любовь к своей Родине, непримиримость к ее врагам, смелость, храбрость, мужество. Отражаясь в характере материальной и духовной деятельности, культуре, тра-

¹ Наиболее ярко это нашло свое отражение в брошюре В. А. Фоминой «Общественное сознание и закономерности его развития». Изд. МГУ, 1960, стр. 25, 26; в работе В. В. Журавлева «Марксизм-ленинизм об относительной самостоятельности общественного сознания». Изд. «Высшая школа». М., 1961, стр. 21, 27—28; учебник «Основы марксистской философии» под ред. Ф. В. Константинова. Госполитиздат, М., 1962, стр. 530, 557; курс лекций «Исторический материализм». Изд. ВПШ и АОН при ЦК КПСС, М., 1963, стр. 201. Менее четко эта точка зрения отражена в статье Э. Х. Степаняна «Развитие общественного сознания и взаимодействие его форм» (См. сб. статей «Взаимодействие форм общественного сознания», Изд. МГУ, 1964, стр. 45, 46, 47) и в некоторых других работах.

дициях народа, передаваясь из поколения в поколение, эти черты психологии с наибольшей силой всегда проявлялись в моменты военных опасностей, крутых поворотных периодов русской истории. Особое влияние на формирование «национального характера» оказали условия материальной жизни народа, особенности географической среды этнического расселения русских: суровый климат, необозримые леса, равнины, бескрайние степи, то тихие и величественные, то стремительные реки. Природные условия России, специфика самой истории народа, его трудовой деятельности, образа его жизни — несомненно способствовали формированию с незапамятных времен у русского народа таких качеств характера, как выносливость, трудолюбие, умение стойко преодолевать любые трудности и невзгоды.

В истории России русский народ издавна выступал как друг, освободитель слабых и угнетенных народов, как объединитель всех национальностей страны. Хотя Российская империя была настоящей «тюрьмой народов», — господствующие классы нации, а не русский народ, играли в ней позорную роль тюремщика. По словам В. И. Ленина, абсолютное большинство нации ($\frac{9}{10}$ ее населения) так же как и все нерусские народы угнеталось ее господствующими классами¹. Не трудящиеся, а господствующие классы нации пропагандировали идеи великорусского великодержавного шовинизма, проводили в жизнь позорную руссификаторскую политику. Реакционный антинародный характер политики царского самодержавия, русских помещиков и капиталистов, низкопоклонство и пресмыкательство их перед всем иностранным, презрение их ко всему национально-русскому, а также отсутствие революционности русской буржуазии — все это привело к тому, что крестьянство, а затем и пролетариат сыграли исключительно важную роль в консолидации и дальнейшем развитии русской нации. Отсюда — демократизм, сила и прочность революционных традиций как одна из самых характерных особенностей народа. К важнейшим сторонам русского «национального характера» относят обычно также глубокое осознание самим народом своей внутренней скрытой силы, своего национального единства, природный ум, своеобразную форму русского гостеприимства — хлебосольство, душевную теплоту.

Разумеется, абсолютное большинство из названных выше черт характера свойственны в той или иной степени и национальной психологии других наций. Однако, на наш взгляд, у каждой нации наиболее ярко и наиболее полно проступает несколько ведущих черт «национального характера», которые в своей совокупности дают общее представление о той или иной национальной общности². Такие стороны национальной психологии как любовь к Родине, ненависть к ее врагам, стремление к свободе, храбрость, трудолюбие, юмор и многие другие, как правило, свойственны любому народу, любой нации. Вместе с тем они различны у разных народов по особенностям и силе своего проявления, по своей интенсивности и окраске. Не случайно К. Маркс отмечал в качестве одной из характерных черт национальной психологии русского народа «славянскую сдержанную эмоциональность»³, а Л. Н. Толстой говорил об особой форме проявления у русских такой стороны «национального характера» как храбрость⁴. Для русского юмора,

См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 109.

Поэтому неслучайно всегда, когда говорят о французах, подчеркивают преимущественно их своеобразный юмор, живость, остроумие; о немцах — аккуратность, пунктуальность; англичанах — практицизм. Когда характеризуют русских — прежде всего отмечают их смекалку, широту души, стойкость в жизненных испытаниях. Эти черты психологии и духовного облика народов и составляют, на наш взгляд, своего рода «специфику нации», ее лицо, ее самобытность.

См. «Воспоминания о Марксе и Энгельсе», М., 1956, стр. 291.

⁴ См. Л. Н. Толстой. Собр. худ. пр., М., 1948, т. 1, стр. 316.

например, всегда было весьма характерным своеобразное соединение веселого комизма с грустью. Наиболее ярко это отразилось в творчестве таких русских писателей как Н. В. Гоголь (в его «смехе сквозь слезы») и А. П. Чехов (в его «слезах сквозь смех»), а также в русском фольклоре, народных песнях, танцах. Если, например, для молдавского юмора характерен так называемый «дор» — горький юмор, горячий как угли, прожигающий сердце слушателя; то для национальной природы юмора русских специфическим является «то веселье удалое, то сердечная тоска»¹. То же самое можно сказать и о других качествах любого «национального характера»².

Относительно позднее развитие капитализма в России (по сравнению с передовыми странами Западной Европы) неизбежно сказалось не только на темпах консолидации русских в нацию, но и вело к ряду специфических моментов в содержании важнейших сторон национальной психологии. В эпоху формирования и развития буржуазных наций в России последняя страдала не столько от развития капитализма, сколько от его недостаточного развития. Народные массы России были крепко связаны по рукам и ногам остатками крепостничества, политическим бесправием, духовной темнотой, массовой безграмотностью. В силу этого русские не прошли школы высоко развитого капитализма в процессе своей национальной консолидации. Этим, в частности, на наш взгляд, можно объяснить недостаточное развитие у русских в капиталистический период высокой культуры труда, отсутствие должной организованности, хозяйственной хватки в использовании природных богатств и некоторых других качеств высоко развитых буржуазных наций³.

Великая Октябрьская социалистическая революция, навсегда кончив с капитализмом, с пережитками крепостничества, — вывела народы России на широкую дорогу строительства социалистического общества, дала возможность русскому народу и всем народам страны в полной мере развернуть все свои творческие способности и духовные силы. В ходе борьбы Коммунистической партии за социалистическое преобразование всех сторон жизни советских народов, за становление их нового идейного и духовного облика на основе социалистического строительства и развертывания в стране культурной революции неуклонно развивался и совершенствовался «национальный характер», психический склад советских наций. В противоположность капитализму социализм дал возможность по-новому, более ярко и полно проявиться всем лучшим сторонам русского «национального характе-

¹ Ю. Б. Борев. Национальные особенности юмора. В кн. «Проблемы развития литературы народов СССР». Изд. «Наука», М., 1964, стр. 378, 379.

² Мы подчеркиваем особо, что «национальный характер» носит общенародный характер, хотя проявляется он несколько иначе у представителей различных общественных классов и социальных слоев нации. В этой связи неправомерна сама постановка вопроса о наличии двух «национальных характеров» у буржуазной нации — как это пытался сделать, например, Ем. Буков в статье «Некоторые ошибки в трактовке национальной специфики» (См. «Культура Молдавии», 26 апреля 1956 г.). Данная позиция в свое время была решительно отвергнута большинством авторов как несостоятельная. (См. К. Краулин. К вопросу о национальном характере в латышской литературе. «Вопросы литературы». 1958, № 8, стр. 124, 125; А. Егоров. О национальных особенностях искусства. «Коммунист», 1956, № 9, стр. 79 и др.). Тем более научно несостоятельна позиция современных буржуазных социологов (Дж. Молони, В. Плэтт и др.), принимающих черты идеологии и социальной психологии господствующих классов буржуазной нации за «национальный характер» всего народа, всей нации. (См. Э. А. Баграмов. Буржуазная социология и проблема «национального характера». «Вопросы философии», 1964, № 6, стр. 106).

³ Естественно, что все факторы, связанные с противоречивостью развития капитализма в России, имели прямое отношение к сфере духовного облика наций России и, в частности, к специфике проявления у русской буржуазной нации такой важнейшей черты «национального характера», как «трудолюбие». (См. об этом у В. И. Ленина. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 189).

ра». В борьбе партии за новый идейный и духовный облик народа неизбежно получили свое дальнейшее развитие все указанные выше, так называемые «традиционные» черты русского «национального характера», наполняясь новым социальным содержанием применительно к новой эпохе — эпохе социализма. Вместе с тем на основе социалистического идейного и духовного облика нации формировались и крепились новые черты характера русских, связанные с торжеством социалистического способа производства, с успехами политики партии в проведении культурной революции. Следует отметить, что все традиционные прогрессивные черты русской национальной психологии оказали огромное воздействие на становление новых — общеинтернациональных, подлинно социалистических черт «национального характера», присущих всем советским нациям. Последние в свою очередь, став основой содержания психического склада наций при социализме, оказали свое обратное влияние на совокупность всех остальных традиционных черт русского «национального характера». Именно на базе этой исторически двусторонней объективной тенденции и развертывался процесс идейного и духовного расцвета и сближения советских народов, процесс все большей интернационализации социалистических наций. Такова, на наш взгляд, сама диалектика изменений духовного облика, психического склада нации в ходе борьбы партии за ее социалистическое преобразование.

Уже в годы социалистического строительства партия развертывает большую работу по развитию лучших национальных традиций и черт «национального характера» народов СССР. Воспитывая трудящихся в духе коммунизма, партия берет на вооружение такие качества нравственного и духовного облика русского рабочего класса как революционный размах, упорство в достижении цели, стойкость в борьбе, умение не падать духом от неудач и во что бы то ни стало добиваться победы. Черты передового отряда нации, ее авангарда — рабочего класса — постепенно становятся свойствами духовного облика как самой русской нации, так и всех советских народов. В годы социалистического строительства неизбежно развивались и обогащались новым содержанием все прогрессивные черты «национального характера». Идя вслед за своим героическим рабочим классом, русская нация выступила в истории формирования и развития других советских социалистических наций и народностей как подлинно великая объединяющая сила. Величайший революционный размах, большевистская деловитость и целеустремленность, страстная ненависть к социальному и национальному гнету, воля к победе, бесстрашие в борьбе — эти и многие другие черты характера русского рабочего класса — ведущей силы русской социалистической нации — наглядно проявились не только в мощи трех русских революций, но и в массовом героизме трудящихся в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции, в самоотверженной борьбе народа по восстановлению народного хозяйства, в индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, в развертывании культурной революции, в преобразовательной деятельности мичуринцев, героических подвигах челюскинцев, папанинцев, чкаловцев, седовцев. В ходе социалистического преобразования своей жизни рабочий класс нации и весь русский народ, идя вместе с другими народами России первым по неизведанным путям исторического развития человечества, — показал себя смелым новатором и преобразователем, упорным исследователем, бесстрашным пролагателем нового, последовательным и стойким борцом против всех форм эксплуатации человека человеком¹.

¹ Е. М. Ярославский. Большевики — продолжатели лучших патриотических традиций русского народа. Изд. «Молодая гвардия», М., 1942, стр. 9, 10, 11.

На основе нового духовного облика нации, отразившего в себе новое общественное бытие народа — социалистическую действительность с ее новой моралью, традициями и обычаями — в условиях победившего социализма развились и окрепли качественно новые, подлинно интернациональные черты русского «национального характера». Новый духовный облик народа, возникший и упрочившийся на базе социалистического общественного бытия, новых социалистических производственных отношений, — способствовал коренному изменению всей психологии народа. Партия объявила решительную войну всему старому, реакционному, отжившему в идейной и духовной жизни народа: идеям великорусской великодержавности и мнимой исключительности русских, патриархальщине, замкнутости, изолированности, косности и отсталости крестьянства; индивидуализму и аполитичности интеллигенции — всем проявлениям национального эгоизма, частнособственнической психологии и морали. Партия воспитала у русской нации благородные интересы коллектива, умение во всем подчинять свои национальные интересы общеинтернациональным интересам трудящихся страны и всех народов мира. Все это, в конечном итоге, явилось одной из важнейших движущих сил жизнедеятельности русских советских людей, под руководством партии строящих новую жизнь.

В ходе борьбы за победу социализма в СССР в условиях свободного экономического, политического и культурного развития советских наций, в процессе укрепления их дружбы и взаимосотрудничества сформировались, окрепли и получили свое дальнейшее развитие такие новые социалистические черты идейного и духовного облика нации, такие стороны ее общественного сознания и национальной психологии как коммунистическая сознательность и коммунистическое мировоззрение, величайшая преданность идеям ленинизма, делу коммунизма, глубочайший революционный оптимизм и вера в окончательную победу нового общественного строя во всем мире, высокое понимание трудящимися своего общественного долга, трудовой героизм, социалистический коллективизм и товарищеская взаимопомощь, советский патриотизм и пролетарский интернационализм, любовь к своей многонациональной социалистической Родине. Эти качественно новые черты национального облика советских людей, воспитанные партией в русском народе и ставшие неотъемлемой составной частью его идейной, духовной жизни, его общественного сознания и характера, — подлинно интернациональны, т. к. присущи не только русской нации, но и всем другим советским народам. Вместе с тем они и национальны, — поскольку являются основой нового идейного и духовного облика народа, основой «национального характера» каждой советской нации. Эти новые стороны жизни советских наций, рожденные социализмом, — неотделимы как от их общественного сознания, так и в целом от их национальной специфики. Она неизбежно становится идейным фундаментом, внутренним духовным содержанием нации. Вот почему все национальные общности в условиях социализма и постепенного перехода к коммунизму все больше и больше начинают перерастать в единую общеинтернациональную, общесоветскую общность.

На основе деятельности партии по социалистическому преобразованию и дальнейшему развитию всех сторон жизни советских наций в их общественном сознании, духовном облике и психологии окончательно закрепляются и получают свое развитие именно эти — указанные выше общеинтернациональные, общечеловеческие черты, присущие в одинаковой степени всем нациям социалистического типа. Отмирают, исчезают и постепенно стираются все те национальные особенности народов, которые были порождены их многовековой

эксплуатацией или их господствующим положением, экономической и культурной обособленностью или отсталостью¹. Вместе с тем сохраняются и получают свое дальнейшее творческое развитие те тенденции, те черты «национального характера», которые содействовали, помогали движению нации вперед, вели к сближению народов, к обогащению их общей интернациональной культуры. В ходе строительства социализма в довоенные годы все больше и больше развертывается процесс интернационализации не только экономической жизни и национальных культур народов СССР, но и их сознания, их духовного облика, психического склада. Все это в конечном итоге неизбежно создавало объективные условия для становления и развития в советский период на базе всестороннего расцвета и сближения социалистических наций и народностей такой новой исторической общности людей, как «советский народ», органически включающий в себя все братские социалистические нации и народности с их национальной спецификой. Под руководством партии русская нация (как и другие советские народы) за годы социалистического строительства окончательно выковала и закалила в себе подлинно социалистические стороны общественного сознания, подлинно интернациональные качества духовного облика, психического склада, которые постепенно все больше и больше становились чертами общеинтернационального, общесоветского «национального характера» советских народов. В настоящее время—в условиях развернутого строительства коммунизма в СССР — новые общеинтернациональные черты духовного облика советских народов, их общественного сознания лежат в основе требований «морального кодекса строителя коммунизма»². Именно они стали тем фундаментом, опираясь на который партия развернула борьбу по дальнейшему всестороннему воспитанию трудящихся в духе коммунизма.

Таким образом, на конкретном материале изменений психического склада русской социалистической нации можно сделать следующие выводы о специфике «национального характера» как составной части общественного сознания:

1. Психический склад нации, ее «национальный характер» в конечном итоге порождается общественным бытием такой большой группы людей какой является нация, условиями жизни самой нации. Будучи порождением общественного бытия, вторичным и производным от общественного бытия,— «национальный характер» носит в полном смысле материально осязаемый характер, так как реальное свое отражение и воплощение он находит непосредственно в культуре народа, его быту, традициях, обычаях и т. д. Черты «национального характера» проявляются прежде всего в национальном своеобразии культуры данного народа. Сама национальная культура (духовная культура) выступает с точки зрения данной проблемы в качестве составной части такого понятия, как «общественное сознание нации». Специфика, сущность «национального характера» есть своеобразное проявление особенностей общественного сознания народа.

2. Как часть общественного сознания «национальный характер», психический склад наций как и вся общественная психология и формы общественного сознания имеет относительную самостоятельность в своем развитии: он не связан непосредственно всеми своими сторонами, всем своим содержанием с существующим в данное время

См. «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет». Госполитиздат, М., 1962, ч. I, стр. 97, 123, 217; ч. III, стр. 312—315.

² «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенограф. отчет». Госполитиздат, М., 1962, ч. III, стр. 317—318.

способом производства, с тем или иным экономическим базисом общества. Он — результат длительного исторического развития общественного бытия данного народа. В силу этого «национальный характер» связан с базисом опосредованно, т. е. через посредство общественной идеологии, социальной психологии и всех форм общественного сознания в их историческом развитии. Как часть общественного сознания «национальный характер» носит общенародный характер, хотя проявляется он несколько по-разному в сознании, психологии, поведении различных общественных классов и социальных слоев. В отличие от общественной идеологии национальная психология не изменяется качественным образом сразу же после изменения способа производства. Она подвержена постепенному, медленному, эволюционному развитию в условиях социализма и коммунизма.

3. Будучи отражением определенного общественного бытия народа в его историческом развитии, «национальный характер» как и общественная идеология, социальная психология и формы общественного сознания — оказывает активное обратное воздействие на общественное бытие, замедляя или ускоряя его развитие. Так, некоторые черты «национального характера» советских наций, связанные с их былой экономической и культурной отсталостью и национальным неравноправием, с национальной ограниченностью, обособленностью или с национальным эгоизмом и великодержавностью — долгое время тормозили (а остатки их до сих пор продолжают тормозить) развитие общественного бытия. Наоборот, новые — общинтернациональные, подлинно коммунистические черты «национального характера» социалистических наций — безусловно оказывали и продолжают оказывать огромное положительное воздействие в деле ускорения дальнейшего прогрессивного, поступательного развития общественного бытия на современном этапе коммунистического строительства.

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ

В наше время рост различных религиозных организаций и групп замедлился повсеместно, а в некоторых районах приостановился. Такие секты как хлысты, иоанниты, иннокентьевцы и другие, в Сибири больше не существуют. Вместе с тем в Сибири еще встречаются и активно действуют многочисленные протестантские — баптистские, адвентистские, меннонитские и иеговистские общины и группы. Изучение протестантских течений показывает, что в первую очередь от них отходят люди, занятые в сфере общественного производства. О масштабах сокращения верующих в сектантских общинах можно судить по следующим данным. Только в Иркутской области в течение 1958-65 гг. порвали связь с сектой иеговистов свыше тысячи человек. В Томской области также ежегодно порывает с иеговизмом и другими сектами по несколько десятков человек. В Новосибирской области, в которой в 1916 г. действовало (без учета городов) 49 сектантских общин, насчитывавших в общем 11 063 верующих, по данным на 1-е января 1965 года в сектантских общинах и группах (с учетом таких городов, как Новосибирск, с населением более чем в 1 000 000 человек) осталось всего лишь около 3500 человек, в том числе в протестантских сектах 2500 человек. Однако для Коммунистической партии, ведущей борьбу с чуждой коммунистическому мировоззрению идеологией, формирование научного атеистического мировоззрения у людей, еще пребывающих в плену религии, является, как отмечено в Программе КПСС, задачей огромной важности.

Большое значение в организации научной системы атеистического воспитания имеет изучение вопросов о причинах проникновения и существования, а в некоторых случаях и активизации в последние годы протестантских организаций в различных районах СССР, и в частности у нас в Сибири, раскрытия сущности их идеологии, культа и деятельности, а также изучения путей перевоспитания последователей этих течений в духе научно-материалистического мировоззрения.

«Всякая религия,— писал Ф. Энгельс,— является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни,— отражением, в котором земные силы принимают форму неземных»¹. В этом определении в сжатой форме раскрыто марксистское понимание религиозного сознания и источники его фантастических образов. Это подтверждается и данными современной науки. Научкой доказано, что сознание — это сложная система отражения человеком в субъективных образах реального человеческого бытия. Не было и нет таких образов в содержании нашего сознания, которые могли бы возникнуть вне отражения человеком природы и общества. Наши ощущения, представления, понятия, в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 328.

в том числе наиболее абстрактные, являются отражениями тех реальных явлений и процессов, с которыми человек соприкасается в практической жизни и деятельности. Причем отдельные образы отражаются в нашем сознании прямо и непосредственно, а другие — более сложным путем. Последнее относится к образам нашего воображения и фантазии. Однако любые образы, в том числе созданные нашей фантазией, являются в конечном счете образами, созданными на основе отражения реального бытия.

К. Маркс и Ф. Энгельс отмечают, что окружающий человека «чувственный мир вовсе не есть некая непосредственно от века данная, всегда равная себе вещь,... он есть продукт промышленности и общественного состояния, притом в том смысле, что это — исторический продукт, результат деятельности целого ряда поколений, каждое из которых стояло на плечах предшествующего, продолжало развивать его промышленность и его способ общения и видоизменяло в соответствии с изменившимися потребностями его социальный строй»¹. Из сказанного ясно, что и религия, — это «общественный продукт». Поэтому ее источник надо искать не в божественном откровении, как это утверждают представители религии; не в изобретениях обманщиков-жрецов, как полагали французские просветители XVIII в. и не в абстрактной человеческой сущности, как считал немецкий философ Фейербах, а в конкретно-исторических условиях существования людей, обуславливающих содержание общественного сознания.

Эти выводы основоположников марксизма подтверждаются и характером влияний тех условий, в которых зародилась и получила распространение протестантская идеология в Сибири. Причинами появления и распространения протестантских сект явились не злокозненная пропаганда, как утверждают церковники, и не результаты какой-то сверхъестественной силы внушения людям религиозных идей идеологами протестантизма, как утверждают отдельные атеисты, а изменения социального и экономического характера, связанные с проникновением в Сибирь капитализма, а также с насильственной колонизацией царизмом этой далекой, полудикой и отсталой окраины Российской империи. Быстрое развитие капиталистических производственных отношений, суровые природные условия, отсутствие элементарных удобств для переселенцев, трудности и горе, пережитое народом при переселении и освоении новых земель, неграмотность и малограмотность населения, а главное острая классовая борьба и жестокая эксплуатация бедняцких масс буржуазно-кулацкими элементами города и деревни — вот в чем заключаются глубокие социальные корни появления и распространения идеологии протестантизма в Сибири.

В религиозном сознании, как отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, отражаются в туманно-фантастических образах не только материальные условия конкретно-исторической обстановки жизни общества, но и общественные отношения людей — наличие классов и их взаимоотношения, политическая структура и жизнь общества, его быт и нравы, а также установленные на их основе нормы права и морали.

По этой причине изучение идеологии протестантизма, как и любого социального явления, обязательно требует выяснения его корней в общественных отношениях людей. А когда изучается какое-либо конкретное явление в ограниченной экономико-географической зоне или среде, то обязательно следует выяснить, как общее преломляется в конкретных и частных условиях данной зоны или среды. Так, например, без учета этого марксистского вывода при изучении деятельности протестантских сект в Сибири в 20-х и первой половине 30-х годов и рассмот-

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 42.

рения их в отрыве от имевшей место классовой борьбы в городе и деревне, нельзя понять действительных причин активизации деятельности сибирских протестантских сект в эти годы. Поэтому, чтобы правильно вскрыть причины существования и деятельности протестантских сект не только в 20-е и 30-е годы, но и на других этапах социалистического строительства, а также в настоящее время, необходимо обязательно учитывать при изучении этих сект социальные, экономические и культурные процессы, имевшие место на том или ином отрезке времени в целом по стране, и в частности в различных районах Сибири.

Религиозное сознание, будучи порождением материального базиса определенного общества, может оказывать и обратное, причем нередко активное влияние на этот базис. В целом положение еще усложняется и тем, что на религиозное сознание оказывают влияние не только материальный базис, но и такие части надстройки общества, как государство и его политика, классовая борьба и т. п. Не случайно в Библии соответственно тем условиям, в которых она создавалась, изображено небесное царство как классовое общество, где бог выступает в качестве полновластного самодержца мира. Также не случайно идеология современного иеговизма, являющегося порождением эпохи капитализма, изображает небесное царство как протестантскую теократическую республику, представляемую по образу и подобию таких буржуазных государств, как США и Англия.

Быт и нравы определенных ступеней развития человеческого общества обычно копируются религиозным сознанием из жизни людей в различных фантастических образах и нередко не в лучших, а в худших формах. Не случайно современные руководители иеговистов и других сектантов, следуя примеру своих хозяев — американских монополистов, изображают небесное царство как рай, где не будет потребности в труде, но будут жить праздной жизнью мужчины в возрасте 40 лет и девушки в возрасте 16 лет.

Нетрудно убедиться, что любой образ, созданный религиозной фантазией, как в прошлом, так и в настоящее время, имеет следы происхождения, взятые человеком из реальных впечатлений и переживаний, связанных с определенными историческими условиями и средой.

На протяжении истории человечества разные народы и племена по разному представляли организацию царства небесного. Верующие крестьяне крепостнической России, исходя из уровня развития производительных сил своего времени, представляли небесное царство как огромный, роскошный, благоустроенный и богатый царский сад, где люди хорошо питаются, красиво одеваются и наслаждаются всеми благами природы. Верующие 30-х годов нашего столетия, состоявшие в сибирских баптистских общинах и группах, проектируя постройку сектантского «Города Солнца» (Евангельска) на Алтае, уже по иному представляли себе царство небесное. В соответствии с уровнем развития наших производительных сил в эти годы, они стали представлять царство небесное не как обычный царский дворец-сад, а как огромный, красивый город, залитый электрическим освещением двух-трех Солнц — прожекторов, установленных на окружающих город высотах. Многие современные верующие начали представлять небесное царство как общество, построенное на подлинно коммунистических началах.

Истоки модернизации протестантизма заключаются, вопреки утверждениям проповедников сектантства, не в «лучшем познании» священного писания (Библии) а в социально-экономических условиях нашего времени. Модернизация протестантизма является одним из проявлений кризиса этой идеологии в наши дни.

В религиозном сознании находят свое отражение в различных искаженных, фантастических формах социальный протест народов против

своих угнетателей, жажда мести и надежда на лучшую жизнь. Однако религия, будучи служанкой господствующих классов, гасила революционную энергию широких народных масс надеждами на бога и переносила вопросы необходимости переустройства общественных отношений в область сверхестественного, в область царства небесного.

Разоблачая религию как систему духовного угнетения трудящихся, как неизбежное следствие экономического угнетения капиталом широких масс трудящихся, В. И. Ленин писал: «Религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и повсюду на народных массах, задушенных вечной работой на других, нуждой и одиночеством»¹. Поэтому не случайно в соответствии с историческими условиями нашего времени, протестантизм, например, как разновидность буржуазной идеологии, отвлекает трудящихся капиталистических государств всякого рода молитвами от необходимости политической борьбы за социальное преобразование общества. В социалистических странах идеологи протестантизма, выполняя волю своих хозяев из американских и других зарубежных центров, ведут работу, направленную на отрыв верующих от общественной и культурной жизни народа, от борьбы трудящихся за социализм и коммунизм.

Свое искаженное отражение находит в религиозном сознании и духовная жизнь людей — мораль, философия, эстетика и т. п. Классики марксизма-ленинизма неоднократно отмечали, что религия носит на себе следы философии Платона, учения гностицизма, стоицизма, а в современных условиях многие богословские теории примыкают к учению экзистенциализма, персонализма, неотоцизма и других философско-идеалистических школ. Философские взгляды, проникая в религиозное сознание на различных ступенях развития общества, оказывают определенное влияние на формирование религиозных взглядов и верований людей.

В условиях нашей советской действительности, когда верующие живут и работают в обществе, строящем коммунизм, материалистические и коммунистические идеи также проникают в сознание верующих и оказывают на них определенное влияние. Поэтому не случайно идеологи, и особенно протестантские, в условиях СССР все чаще и чаще стали провозглашать тезис о совместимости идей научного коммунизма и христианства. Однако известно, что эти два мировоззрения не только несовместимы, но и совершенно противоположны и непримиримы между собой.

Религия и философия как формы общественного сознания занимают в жизни общества несколько обособленное положение, заключающееся в том, что они по сравнению с другими формами общественного сознания (право, мораль и т. д.) отстоят дальше от экономического базиса. «Идеологии,— писал Ф. Энгельс,— еще более высокого порядка, то есть еще более удаляющиеся от материальной экономической основой, принимают форму философии и религии. Здесь связь представленной с их материальными условиями существования все более запутывается, все более затемняется промежуточными звеньями. Но все-таки она существует»². В другом месте, продолжая эту мысль, Ф. Энгельс отмечает, что религиозная идеология, «которая всего дальше отстоит от материальной жизни и кажется наиболее чуждой ей»³. Из сказанного видно, что религиозные идеи нельзя выводить непосредственно из тех экономических условий, в которых живут люди той или иной эпохи. Здесь необходимо всегда учитывать указанную выше специфику религиозного сознания.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 65.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 312.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 313.

Религиозное сознание, как и другие его формы, развиваясь параллельно и под определяющим влиянием материального базиса, имеет в своем развитии относительную самостоятельность. Причем новые религиозные представления могут порождаться старыми, а те, в свою очередь, последующими и т. д. «Раз возникнув,—отмечает Ф. Энгельс, всякая идеология развивается в связи со всей совокупностью существующих представлений, подвергая их дальнейшей переработке. Иначе она не была бы идеологией, то есть не имела бы дела с мыслями как с самостоятельными сущностями, которые обладают независимым развитием и подчиняются только своим собственным законам»¹. Однако, имея относительную самостоятельность развития, религиозное сознание лишь в конечном счете определяется материальным базисом.

Но все же религия, по сравнению с другими формами общественного сознания, обладает наибольшей консервативностью. Религиозные представления, как фантастическое отражение конкретно-исторических условий существования людей, цепко держатся в сознании верующих. Однако под влиянием постоянного и непрерывного изменения условий жизни общества, религиозные представления также изменяются. Эти изменения были бы намного более значительными, если бы религия не закрепляла отдельные представления в догматике верований.

В. И. Ленин, объявляя религиозные идеи «пустыми абстракциями человеческого сознания»², «величайшими бессмыслицами»³, в то же время не отрицал, что в религиозных идеях глубокой древности была, хотя и очень ограниченная «связь зачатков» научного мышления и фантазии а'ля религии, мифологии»⁴. По этой причине В. И. Ленин при изучении религиозных источников проявлял максимум осторожности и требовал умело отличать в религии зачатки научного мышления от фантастических вымыслов. Это предупреждение В. И. Ленина важно еще и потому, что многие современные идеологи религии как за рубежом, так и в нашей стране, пытаются спекулировать на наличии в древних религиозных представлениях зародышей научных знаний, делают попытки примирить науку с религией.

История показывает, что с изменениями, происходящими в общественных отношениях, изменяются и религиозные взгляды. Но в отличие от прошлых времен в наши дни религиозные идеи не только изменяются, как и в прошлом, но и постепенно исчезают из общественного сознания социалистического общества.

Из сказанного выше следует, что марксистско-ленинское учение о сущности религиозного сознания раскрывает не только его специфику, но и реакционный характер религии, независимо от того, в какой форме она существует сегодня.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Там же.

² В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 137.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 164.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 247.

О ПРЕОДОЛЕНИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ПСИХОЛОГИИ ВЕРУЮЩИХ

Основные задачи, которые решались в атеистической пропаганде до последнего времени, заключались в раскрытии реакционной социальной роли религии и ее антинаучного содержания. Эта работа способствовала отходу от церкви многих миллионов трудящихся нашей страны. Но продолжать атеистическую пропаганду, преследуя как основные только эти цели, ныне недостаточно, так как церковники и сектанты, особенно за послевоенные годы, сумели приспособить свою идеологию и практику к такому содержанию атеистической пропаганды. В настоящее время на одно из первых мест в системе атеистического воспитания выдвигается задача преодоления религиозной психологии верующих.

Психология верующих имеет свою особенность. Если специфика национальной психологии обусловлена историческими условиями развития нации, для которой общность экономических интересов уже несколько теряет свое значение по сравнению с общностью экономических интересов класса, то специфика религиозной психологии верующих еще более отходит от общности экономических интересов, хотя и никогда не отрывается от них.

Специфика религиозной психологии верующих характеризуется спецификой религии как формы общественного сознания, проявляющейся в мировоззрении и мироощущении верующих. Из двух сторон общественного сознания: общественной психологии и идеологии более активной и влиятельной является религиозная идеология.

Возникнув на основе систематизации эмоциональной жизни верующих, религиозная идеология оказывает обратное воздействие на их психологию. Это воздействие усиливается тем, что всякая идеология, в том числе и религиозная, находится на вооружении определенной организации. В руках религиозной организации идеология преследует в качестве одной из основных задач формирование и укрепление религиозной психологии, т. е. формирование соответствующего мироощущения.

Верующий воспринимает мир через призму религиозного мировоззрения, согласно которому все происходящее в действительности суть божественные творения. Он воспринимает все явления как должные, ниспосланные богом в награду или в наказание людям и поэтому считает, что он не должен вмешиваться в процессы, происходящие вокруг него.

Мироощущение верующих основано на слепой вере во всемогущее сверхъестественное существо, не оставляющего места для творческой деятельности человека. Все то, что воздействует на правовые, эстетические и другие чувства, верующий не задумываясь, приписывает божественному происхождению.

Церковники и сектанты преследующие цель воспитания у людей:

именно такого мироощущения и такой психологии, ныне, как правило, не препятствуют советскому образованию верующей молодежи. По их мнению, проникновение в тайны природы и познание общественной жизни не очень опасно, поскольку верующему можно внушить, что открытие учеными законов природы и общества есть лишь проникновение человека в акты божественного творения.

Церковники и сектанты боятся другого: боятся того, что эти знания могут пробудить у верующего восторг перед величием человека. Поэтому они стремятся вызвать чувство безысходности у человека, который будто бы независимо от полученных знаний представляет в этом мире мельчайшую пылинку, судьба которой целиком зависит от воли бога.

Религия проникает в чувства людей и делается формой осмысливания их личной жизни, а также явлений окружающей действительности. На религиозные воззрения этих людей критика реакционной роли религии далеко не всегда воздействует существенно. Зачастую их взгляды уживаются и с критикой антинаучного содержания религии. Даже тогда, когда сознание верующих в результате атеистической работы проясняется, в их психике остаются корни, которые при определенных обстоятельствах оживают и дают новые ростки религиозного фанатизма. Поэтому преодоление религиозных предрассудков зависит в настоящее время не только от раскрытия и разоблачения реакционной роли и антинаучного содержания религии, но и от высвобождения эмоциональной жизни человека из-под ее влияния.

Церковники и сектанты умело используют трудности строительства коммунизма и различного рода отрицательные явления нашей действительности, омрачающие нормальную жизнь советских людей. Так, например, нечуткое отношение к быту людей, к их трудоустройству, несвоевременность реагирования на их запросы и требования, бюрократизм некоторых руководителей, отсутствие должной борьбы с такими недостатками со стороны общественных организаций часто вызывает у людей, пострадавших от таких недостатков, подавленность и пассивность, а порой и озлобление. Церковники и сектанты быстро подстраиваются к настроению таких людей, начинают их соответственно «обрабатывать».

Церковники и сектанты, используя разнообразные культовые и идеологические средства, идут к сознанию верующих через их чувства: сковывая и подавляя чувства, они поработают сознание.

Проповедники религии прекрасно понимают, что безрадостные мрачные переживания, пессимизм и отрешенность — это та «духовная сивуха», тот «опиум», которые парализуют порывы разума. Где безрадостные чувства, там и угнетенный разум и скованная мысль, там легче всего воспитать религиозную психологию.

Без преодоления в их психике элементов отрешенности, безразличия к окружающей жизни очень трудно привлечь верующих к активной общественно-политической жизни, возбудить в них чувство собственного достоинства и через это привести их к отказу от религии.

Психология верующих не позволяет правильно формировать их правосознание. Религиозные проповедники своими «божественными требованиями», ритуальными правилами и другими предписаниями прививают правовым чувствам верующих прежде всего ответственность перед богом и церковью. Известно, что из всех чувств, связанных с религией, наибольшую роль играет страх. Жупел божьего возмездия за грехи подогревает чувство страха перед неизбежным концом земного пути человека и перед теми фантастическими существами, с которыми, согласно его воззрениям, ему неизбежно придется столкнуться в «потусторонней жизни».

В каждой религии разработана целая система улаживания отно-

шений «грешной души» с богом. Оценка же поступков «грешника» другими людьми, с точки зрения верующего, не столь важна: человек подотчетен только богу, который является его главным судьей в земной и загробной жизни. Религиозное мировоззрение внушает, что человек не должен считаться с общественной оценкой его поступков, а обязан полагаться на суд «божий» во всех своих деяниях.

Верующий обычно безразличен и к нарушениям, общественных норм другими людьми. Всякий преступник, рассуждает он, «чадо божие» и не избежит своей участи при страшном суде господина. Заповеди «не укради», «не убий» и др., они адресуются богом к отдельной личности, которая должна беспокоиться о соблюдении этих заповедей только ею самой. Так индивидуализм прошлого находит прочную психологическую основу в религиозных чувствах. Воспитанные подобным образом правовые чувства людей являются серьезным препятствием в деле воспитания социалистического правосознания и коммунистической правооценки поступков людей.

Аналогичный психологический настрой верующих затрудняет формирование у них коммунистической нравственности. Требование любви к богу и только затем к человеку выхолащивает земную основу этических идеалов, опустошает чувства верующих. Окружающая действительность, ее кипящая жизнь, бьющая ключом человеческих порывов и страстей, делается безразличной для верующего.

На нравственные чувства верующих давит и такой окостенелый пережиток прошлого, как религиозная нетерпимость. Известно, что каждая религия требует от верующего любить и почитать только своего бога. Поэтому все религиозные учения переполнены взаимоотрицанием и враждебностью друг к другу. Религиозный шовинизм служит психологической основой национализма среди верующих в республиках Средней Азии и Кавказа, в Западной Украине, Белоруссии и в Прибалтике.

Без преодоления религиозных настроений у верующих трудно воспитать у них коммунистические как нравственные, так и эстетические идеалы. Церковники калечат эстетические чувства верующих, вытравливают из них жизнерадостность. Все церковное искусство воздействует на верующих произведениями, показывающими трагическое, безысходное. Состояние постоянного уныния и дум, обращенных к богу, полных страха и раболепия — таков результат влияния церковного искусства на психологию верующих. Воспитание оптимизма невозможно без перевоспитания психологии верующих.

Преодоление религии необходимо начинать прежде всего с преодоления религиозной психологии верующих. Этот вопрос приобретает большое как теоретическое, так и практическое значение.

В системе атеистического воспитания советских людей необходим ряд мероприятий по предупреждению эмоционального воздействия религии на людей. Формы и средства преодоления религиозной психологии должны быть гибки и тонки, эмоционально яркие и содержательны. По силе эмоционального воздействия на человека они должны превосходить средства эмоционального воздействия проповедей церковников. Нельзя забывать, что последние проповедают нормы нравственности и другие религиозные установления в конкретно-чувствительной, образной форме. Достаточно напомнить пример с десятью заповедями, переданными будто бы самим богом Ягче через Моисея на горе Синай при «чудесных обстоятельствах», чтобы понять силу эмоционального воздействия этой мифологической сцены, которая поражает воображение людей, а вызванные ею эмоции подавляют разум, заставляют принять эти заповеди на веру и слепо руководствоваться ими.

Необходимо тщательное изучение возможностей усиления эмоционального воздействия атеистических средств на психику верующих. Все-

более или менее доступные верующему произведения искусства, например, призваны воздействовать на политические, правовые, этические и эстетические чувства верующих.

Произведения прогрессивного зарубежного и советского искусства своим эмоциональным воздействием, как правило, возбуждают в людях жажду жизни, желание сделать ее радостней, принести в нее красоту и справедливость. Они зажигают в человеке активное отношение к жизни, пробуждают в нем самосознание человека-творца, способного построить справедливое общество на земле, а не на небесах.

Порывы человека к идеалу немислимы без эстетической окраски. Об идеале он всегда мыслит на основе глубокого эмоционального возбуждения, связывает идеал с прекрасным и героическим в человеке. Поэтому обращение в атеистической пропаганде к произведениям искусства окажет неоценимую помощь в перевоспитании психологии верующих и предотвращению эмоционального воздействия религии на устойчивую в атеистическом смысле часть советских людей.

Для преодоления религиозной психологии верующих надо смелее вводить разнообразные формы безрелигиозных церемоний и празднований. Они должны противостоять церковному ритуалу, действие которого направлено на воспитание религиозной психологии, на поддержание традиций прошлого и на расшатывание здоровых настроений людей.

В перевоспитании психологии верующих невозможно переоценить значение дифференцированной работы с различными слоями населения и тем более индивидуальной работы с верующими и их семьями. Чтобы предупредить эмоциональное воздействие религиозников, необходимо особым вниманием окружить подрастающее поколение, чувства которого очень восприимчивы.

В целях предупреждения вспышки религиозных настроений необходимо чутко относиться к людям, оказывающимся в затрудненных жизненных обстоятельствах. Церковники и сектанты подкарауливают таких людей и затягивают их в свои сети именно в период глубоких переживаний, стремясь утешить их всеми имеющимися у них средствами эмоционального воздействия.

Более интенсивная как массовая, так и индивидуальная работа необходима и с домохозяйками, которые в силу отрыва от производственного коллектива и от участия в общественной жизни, часто становятся более восприимчивыми к религиозным настроениям.

Мы сможем перевоспитать психологию верующих и закрыть церковникам и сектантам любую лазейку к душам людей, лишь проводя систематическую, разнообразную по форме и глубоко эмоциональную по содержанию, охватывающую все стороны жизни советских людей атеистическую работу с учетом специфики разных групп населения и индивидуальных особенностей каждого верующего.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЭМОЦИЙ В СОЗНАНИИ ВЕРУЮЩИХ

В Программе КПСС четко сформулирована задача воспитания коммунистического сознания у всех наших граждан, освобождения их от религиозных пережитков. Религия уже больше не господствует безраздельно над умами и чувствами широких масс советского народа. Тем не менее некоторая часть людей продолжает ее исповедовать.

XXII съезд партии поставил задачу — использовать все средства идейного воспитания людей в духе научно-материалистического мировоззрения, для преодоления религиозных предрассудков¹. Исключительная роль в этом благородном деле принадлежит науке. Все труднее религии объяснять сознание человека как проявление некой бессмертной души, объявлять сознание первичным и снимать, таким образом, вопрос о природе человеческого сознания.

Несовместимость науки и религии вынуждены откровенно признать и некоторые буржуазные философы. Так, Чарльз Пирс, один из основоположников прагматизма, писал: «Дух науки растет и крепнет, а что касается религии, то подобно сорванному цветку ее судьба — поникнуть и увянуть»².

Теология претендует на доказательность, стремится апеллировать к разуму человека, пытается создать видимость логической непротиворечивости религиозных догматов. Однако религиозное миропонимание, основанное на фантастических представлениях о мире, не выдерживает логики человеческого мышления. Религия вынуждена отступать, сдавать свои позиции под напором научных знаний.

Увеличивается число апостатов (вероотступников), людей, навсегда порвавших с церковью и религией. «В противовес религиозно-идеалистической идеологии, — писал Ф. Энгельс, — которая хороша для необразованных людей, материалистическое учение, основанное на научных данных, объявило себя философией, единственно подходящей для ученых и светски образованных людей»³. Казалось бы, в XX веке, в период интенсивного развития науки, религия должна стать давно минувшим прошлым. Наперекор здравому смыслу она продолжает существовать.

В чем причина живучести религиозных предрассудков? Издавна церковники, пропагандируя религиозные догмы, влияли на обыденное сознание людей, умело воздействовали на эмоции человека, создавали особую эмоциональную настроенность среди верующих. Это помогло религии укрепиться в сознании масс. Учитывая силу эмоционального воздействия религии на верующих, крупнейшие церковные идеологи объясняют самое существование религии особыми врожденными рели-

Материалы XXII съезда партии, 1962, стр. 412.

² Ч. Пирс. Ценности в мире случайностей, Нью-Йорк, 1958. (на англ. языке).

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 310—311.

гиозными чувствами, данными, якобы, от бога. Это положение «теоретически» обосновывается, аргументируется.

Так, в трактате Тихомирова «Религия радости и религия страдания» религиозные чувства определяются как «смутные, недостаточно определенные чувства» и указывается на 3 корня религии: чувство таинственного, чувство величественного, чувство красоты¹. Точки зрения Тихомирова в толковании религиозного чувства разделяют многие современные богословы.

Стремясь приспособиться к уровню развития науки, подвести под религию хотя бы видимость «научной базы» и наукообразно обосновать природу религиозного сознания, многие современные философско-религиозные системы стремятся объяснить бытие бога религиозными переживаниями человека. «Бога нельзя понять рассудком, его можно прочувствовать сердцем» — таков основной их аргумент. В работах крупнейшего западно-германских философов-богословов Иоганна Гассена и Макса Шелера религия рассматривается как «психологическое явление», истинность которого вытекает из «самодостоверности религиозных чувств»².

Желая научно объяснить природу религиозного сознания, большинство богословских теоретиков обычно апеллируют к Фрейдю, который область религии рассматривал как сферу сексуальной сублимации (отдачи своей половой энергии другим видам деятельности), или обращаются к Вильяму Джеймсу, американскому психологу, который придумал для обоснования божества обходные пути. Соглашаясь с физиологической и материалистической теорией психических явлений, в своей книге «Многообразие религиозного опыта» Вильям Джеймс признает, что в сознании человека нет души, нет места для божества, но, тем не менее, он протаскивает божество в область «подсознания», насыщая его чудом и тайной. Является ли такое бессознательное состояние результатом запойного пьянства или отравления гашишем, морфием — для Джеймса все равно.

В основе любого религиозного представления лежит вера в сверхъестественное, как в реально существующее, причем сверхъестественное является продуктом «большой фантазии» людей. Научный атеизм, опираясь на данные физиологии и материалистической психологии, вскрывает истинный социально-психологический фундамент, на котором зиждется религия, одурманивая верующих.

Человек, познавая окружающий мир, переделывая его в процессе своей деятельности, имеет также и определенное отношение к нему, отношение к людям, к предметам и явлениям действительности. Переживание им соответствия или несоответствия предметов и явлений действительности его потребностям, или требованиям общества составляют основу его эмоциональных отношений.

Человек осознает свою личность и собственное отношение к внешней среде. Эмоции в жизни человека играют огромную роль. Ленин указывал, что «без человеческих эмоций никогда не было, нет и быть не может человеческого искания истины»³. И. П. Павлов считал, что эмоции являются источником силы для повседневной деятельности человека. Поскольку эмоции тесно связаны с активным проявлением личности и выражаются в деятельности, направленной на изменение окружающей среды, они выступают как отношение человека к внешней действительности, как элемент сознания.

Физиологической основой психической деятельности человека является работа коры головного мозга человека, соотношение условных

¹ Тихомиров. Религия радости и религия страдания, Харьков, 1916, стр. 82.

² Религиозная философия. Мюнхен-Базель, 1955 (на немецком языке).

³ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 237.

и безусловных рефлексов — своеобразных связей организма с внешней средой. Ближайшая к большим полушариям подкорка (базальные ганглии, зрительные бугры и др. отделы) вычлениают и «согласовывают» внешние и внутренние раздражения, т. е. осуществляют первоначальный их анализ и синтез. Накопленная энергия, как результат деятельности подкорковых центров, передается в двигательную сферу и порождает сложнейшие реакции организма — рефлексы. Переживание организмом этой деятельности подкорки и есть эмоции. Эмоции, по И. П. Павлову, это такие переживания, которые имеют место в период назревания, протекания и завершения безусловно рефлекторной, инстинктивной реакции, т. е. при непосредственном удовлетворении организмом своих жизненных потребностей.

Деятельность подкорки и коры головного мозга находится в сложнейшем динамическом соотношении. Подкорка поддерживает тонус коры головного мозга, а последняя, осуществляя процесс логического мышления, может действовать сдерживающе на подкорку или, наоборот, усиливать эмоции. Чувства, эмоции в широком смысле слова, связанные с интеллектуальными и культурными потребностями человека, являются результатом деятельности коры больших полушарий, в основе чего лежит борьба процессов возбуждения и торможения при установке, поддержке и изменении динамического стереотипа, закрепившейся системы условных рефлексов, которая осуществляется в определенной последовательности.

Человеку присущи чувства, различные по силе и по виду. Церковь издавна умело использовала человеческие эмоции и чувства, расширяя свои возможности более глубокого влияния на верующих. Проповедуя бессмертие души, религия в то же время запугивает верующих муками загробной жизни, не скупится на темные краски, изображая «муки ада» в книгах и на картинках религиозного содержания. Этим религия вызывает в человеке тяжелое отрицательное чувство страха.

Экспериментально доказано, что отрицательные эмоции, в частности эмоции страха, тоски, ужаса, горя сопровождаются появлением в организме адреналина, который вырабатывается внутренними органами, а затем распространяется на определенные области мозга. Это, в свою очередь, способствует усиленной выработке адренокортикотропного гормона, стимулирующего выработку адреналина. Так в организме поддерживается высокая степень возбуждения, вызванная отрицательными эмоциями. Изменяется внешнее поведение человека, изменяется и внутреннее физиологическое состояние: давление крови повышается, усиливается работа сердца, наблюдается отток крови от мозга, бледность лица, усиленное потоотделение.

В последнее время доказано, что такие отрицательные эмоции, как страх и ненависть имеют одну физиологическую основу. (Исследования американских физиологов Гесса, Уитлея, Массермана и др.). Церковники, запугивая верующих загробной карою, всевидящим владыкой, одновременно вызывают чувство ненависти ко всему земному, «бренному».

Некоторый интерес для понимания сущности эмоций имеют работы доктора медицинских наук Симонова П. В. Опираясь на данные современной нейрохирургии и результаты собственных экспериментов, П. В. Симонов представляет сущность возникновения положительных и отрицательных эмоций в виде количественной формулы:

$$\mathcal{E} = \Pi (H - C),$$

где \mathcal{E} — эмоции, Π — потребность, H — информация, прогностически необходимая для организации действий по удовлетворению данной потребности, C — существующая (наличная) информация, которая мо-

жет быть использована для целенаправленного поведения. Из формулы вытекают неизбежно по крайней мере четыре следствия:

1. $\mathcal{E} = 0$ при $\Pi = 0$. Эмоции не возникают, если отсутствует потребность, и исчезают, когда потребность удовлетворена.

2. $\mathcal{E} = 0$ при $H = C$; эмоции не возникают (или резко ослаблены) у вполне информационной системы даже при больших значениях Π .

3. \mathcal{E} — максимальна при $C = 0$, при наличии цели (потребности) живая система в известных пределах тем эмоциональнее, чем менее она информирована.

4. При C больше H эмоции изменяют свой знак. Поскольку в приведенной формуле рассматривается потребность (Π), как побуждение, отрицательное в биологическом смысле для организма, случай с больше H должен вести к возникновению положительных эмоций¹.

Чувство ярости компенсирует недостаток сведений, необходимых для успешной борьбы с противником, страх охватывает человека в случае недостатка сведений для организации защиты, горе вызывается острейшим недостатком информации и невозможности ее восполнения.

В случае избытка существующих условий (информации), которые необходимы для удовлетворения потребности человека, у последнего возникают положительные эмоции.

Стремясь удержать массы людей под своим влиянием, церковники эксплуатировали и положительные человеческие эмоции. Желая вызвать их, они использовали великие творения живописи, музыки, архитектуры, превращая церкви и соборы в своеобразные храмы искусства. Страстные слова проповедей высокого эмоционального накала потрясали воображение верующих и в зависимости от темы могли пронизывать человека ужасом, морально уничтожить или окрылить его.

Бурные, хотя и кратковременные эмоциональные переживания — аффекты — состояние доминантного возбуждения в мозгу, оказывают тормозящее действие на другие части коры головного мозга. В результате происходит так называемое «сужение сознания»: сознание фиксируется только на том, что вызвало аффект. Повышенная роль коры головного мозга ослабляет контроль человека над его поведением.

Состояние аффекта сопровождается определенной мимикой, усиленной жестикуляцией, плачем, криком, судорожными движениями. Довести верующего до состояния аффекта — цель как церковных проповедников, так и проповедников различных религиозных сект. «Практика религиозной жизни... через церковные обряды, обстановку, особые приемы направлена на то, чтобы подавить все здоровые в человеке, разбередить в нем темные чувства, на которых, собственно говоря, и держится религия. Погасить окончательно разум человека, усилить поток мутных чувств и образов — вот чего добивается практика религиозной жизни»².

Вся психологическая «деятельность» служителей культа доказывает, что церковники эмпирически нащупывали закономерности деятельности мозга и использовали именно те приемы воздействия на психику человека, которые были недоступными для понимания верующих.

Опираясь на данные физиологии, научный атеизм исходит из того, что религиозные чувства могут существовать только у религиозных людей. Все эмоции имеют общечеловеческую основу, нет особой религиозной основы, особого органа, обуславливающего наличие религиозных эмоций и чувств. Эмоции, чувства человека сами не являются непосредственным источником религии, не несут в себе никакого изначального религиозного содержания.

¹ П. Симонов Что такое эмоция, «Наука и жизнь», 1965, № 3.

² Дулуман. «Почему я перестал верить в бега?». Изд-во «Молодая Гвардия», М., 1957, стр. 12.

Религиозные чувства формируются на базе религиозных представлений, которые появляются у человека в раннем возрасте, если в наличии имеется религиозное окружение, если воспитывается ребенок в семье верующих, сталкиваясь с атрибутами религиозного культа. В более зрелом возрасте, как показывают конкретные исследования, люди, слабые волею, обращаются к религии в период тяжелых жизненных испытаний.

Преодоление религиозного чувства, в основе которого лежит установившийся в мозгу динамический стереотип,— сложный и мучительный процесс. Успешная атеистическая пропаганда предполагает умелое и гибкое сочетание индивидуальной работы среди верующих с антирелигиозной работой среди широких масс народа, причем необходимо уделять особое внимание на разъяснение физиологических основ человеческих чувств.

Для решения проблемы действительного влияния на сознание религиозного человека с целью его перевоспитания необходима глубокая разработка вопросов психологии религии, которая бы учитывала последние достижения социологии, психологии и физиологии. Перед учеными стоит задача изгнать религию из последнего ее убежища — области человеческих чувств.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ НАУКИ И ИСКУССТВА

Наука и искусство как две формы отражения, два специфических в своей основе вида познания имеют много общих черт, взаимодополняют друг друга. В последнее время, в связи с возросшим вниманием к наглядности в процессе обобщения данных конкретных наук, взаимосвязь науки и искусства стала обнаруживаться еще более явно. Ныне и в науке, и в искусстве обеспечивает успех, как правило, широкий интегральный подход к изучению явлений действительности.

Вопрос о взаимосвязи науки и искусства связан с другими широкими проблемами: взаимосвязь эстетического и научного познания, единство чувственного и рационального, образного и логического, образного вообще, и художественно-образного моментов в процессе отражения и познания действительности и т. д. Правильное решение этих вопросов невозможно чисто логическим, абстрактным путем без связи с конкретными данными истории философии и эстетики, истории искусства и науки. Именно они дают фактический материал для изучения процесса постепенного разделения познания на образное и логическое, чувственное и рациональное, постепенного формирования науки и искусства.

Так, античная эстетика (точнее, элементы эстетики, вплетенные в общефилософские высказывания древних) показывает, что в то время только начинается дифференциация науки и искусства, а также появляются элементы осознания этой дифференциации. Это можно проследить на том факте, как, например пифагорейцы объединяли весь мир и отношение к нему человека (в том числе и познание, включая сюда и научное, и эстетическое познание) на основе числа¹. Пифагорейцы не разграничивали искусство от познания мира вообще. Все, чем занимался древний грек, было лишь направлено на освобождение его от природной зависимости, потому искусство и рассматривалось как одна из отраслей общего нерасчлененного взаимодействия человека и природы. Об этом также говорит факт использования искусств и, в том числе, музыки в чисто практических, утилитарных целях. Так, «они (пифагорейцы) полагали, что музыка много содействует здоровью, если ею пользоваться надлежащим способом. Также они применяли избранные места из Гомера и Гесиода для исправления души»². Это лишнее раз говорит о том, что искусство возникло как следствие практического освоения человеком действительности и служит методологической основой для критического отношения к субъективистским и идеалистическим концепциям в вопросе происхождения искусства.

¹ «Можно заметить, что природа и сила числа действуют не только в демонических и божественных вещах, но также всюду, во всех человеческих делах и отношениях, во всех технических искусствах и в музыке». (В. Ф. Асмус. Античные мыслители об искусстве. Изогиз, 1937 г., стр. 28).

² В. Ф. А с м у с. Античные мыслители об искусстве, стр. 33.

У античных философов можно заметить и различие отношения человека к миру, направленного на непосредственное освоение действительности, и отношения, которое помогает человеку осваивать действительность опосредованно, через передачу знаний, чувств, эмоций, настроений. Дифференциация производства и собственно познания не была еще четкой¹, а тем более незначительным было осознание этой дифференциации. Но такое различие позднее привело к разделению деятельности человека на производственную и непроизводственную, материальную и духовную, физическую и умственную. Вторые виды ее впоследствии развились в науку, искусство, философию, религию и другие формы общественного сознания.

Здесь науку и искусство объединяет то, что, в отличие от других форм общественного сознания, они являются специфическими в своей основе видами познания. Лишь дальнейшее развитие познания привело к дифференциации его по формам мышления — на образное и логическое, по способу познания действительности — на чувственное и рациональное, по характеру восприятия мира человеком и способу получения информации — на эстетическое и научное познание.

Уже пифагорейцам удалось заметить, что искусство, художественно-образное отражение действительности отличается не только тем, что оно передает знание, информацию, но и тем, что оно может приводить (благодаря своей специфической форме отражения) к определенному эмоциональному состоянию, может создавать определенные психические настроения. На этой основе Пифагор как раз и строил свою систему «исправления души и тела» посредством искусств. Более того, наличие иррациональных методов познания при художественно-образном отражении действительности (в отличие от научного познания), возможность искусств воздействовать непосредственно на психику человека позволяли древним грекам делать далеко идущие выводы о таинстве творческого процесса, о боговдохновенности певцов и поэтов, о полной иррациональности и непознаваемости искусства и творческого процесса, что особенно ярко проявилось в высказываниях Платона² и Плотина³. Именно потому Платон, например, ограничивал в своем идеальном государстве распространение отдельных видов искусств.

Наука и искусство были еще мало расчленены, но о них в античной философии и эстетике высказывались порою прямо противоположные точки зрения⁴.

При дальнейшем осмыслении специфики научного и художественного познания древние стали выделять в искусстве функцию познавательную и воспитательную, а за теоретическим мышлением прежде всего

¹ «Историки первобытного искусства свидетельствуют о синтетическом состоянии искусства, в первобытные времена, т. е. о слабой дифференцированности искусств, об едином творческом синтезе, в котором сливается несколько искусств, и даже не только искусства, но и трудовые процессы и даже магические операции» (А. Ф. Лосев, Античная музыкальная эстетика. Музгиз. М., 1960 г., стр. 105).

² «Ведь не посредством искусства (действуют) и все хорошие творцы были; но, будучи боговдохновенными и одержимыми, производят они все эти прекрасные творения, и песнотворцы хорошие точно также, как корибантствующие пляшут, будучи не в своем уме, так и песнотворцы не в своем уме творят эти прекрасные песни, но когда войдут в действие лада и размера, то опьяненные и одержимые, точно вакханки, которые черпают из рек мед и молоко в состоянии одержимости — а пока в своем уме, то нет — так и душа песнотворцев производит то, что мы от них слышим» (В. Ф. Асмус. Античные мыслители об искусстве, стр. 76).

³ «...возникает прекрасное чрез тело приобщение уму, исходящему от божественного начала» (там же, стр. 197).

⁴ «Он (Эратосфен) утверждает, что поэт всегда заботится о том, чтобы развлекать, но не поучать. Совершенно противоположное думали древние, когда высказывали, что поэзия — как бы первая философия, которая вводит нас в жизнь с детства и, доставляя удовольствие, научает понимать характеры, страсти и действия человека» (А. Ф. Лосев. Античная музыкальная эстетика, стр. 127).

признавалась функция познавательная. «Проблема отношения искусства к действительности стоит в центре внимания и у Сократа, и у Платона, и у Аристотеля. От постановки этой проблемы зависит у этих авторов и решение вопроса о познавательном значении искусства и решение вопроса о его социально-педагогической функции»¹.

Так Аристотель прямо ставит вопрос о связи отражения действительности в сознании с самой действительностью, с материей, так как «иметь образы, представления — значит иметь мнение о том, что и ощущается прямо, непосредственно»². Это относится и к искусству. Хотя в искусстве большую роль играет воображение, но «...способность воображения будет движением — движением, являющимся следствием активного чувственного познания»³. «Сущность искусства ...он (Аристотель — А. С.) видел в познании истины, а особый путь искусства к истине — в изображении возможных по вероятности или необходимости человеческих характеров и действий»⁴. У Аристотеля возможно проследить не только обнаружение единства науки и искусства как видов познания, но также выяснение их специфики. Он различает науку и искусство не только по формам и способам отражения, но и по методам познания. Таково, например, его разделение истории и поэзии, где за историей признаются точные методы познания, факт случившийся); за поэзией же признаются методы вероятностные. «Историк и поэт отличаются (друг от друга) тем, что первый говорит о действительно случившемся, а второй — о том, что могло бы случиться»⁵. В этом расхождении Аристотель дает определения, которые, с одной стороны, вскрывают взаимосвязь науки и искусства, с другой — одновременно, хотя и в малой мере, позволяют обнаружить их специфику, подмеченную еще древним греком⁶.

Кроме того, у древних часто высказываются соображения о взаимосвязи искусства и теоретических знаний о физических, технических явлениях, которые впоследствии исторически сформируются в естественные науки. Так, по их мнению, звук есть следствие удара двух тел⁷. Следовательно, по звуку (в том числе и по музыкальному, так как разделение звуков на музыкальные и немusикальные тогда еще не было, — оно есть следствие диалектики искусства и его осознания) можно изучать характер и специфику движения и столкновения тел, следствием которого и являются звуки. Эти наивные высказывания впоследствии будут положены в основу акустики.

Во времена античности также закладываются основы для разделения познания на чувственное и рациональное и определения искусства как чувственного, а науки — как рационального познания, что в законченном виде впоследствии представят Хр. Вольф и А. Баумгартен. В учении Аристотеля, например, говорится о том, что «и гармония бывает как математической, так и основанной на слуховом восприятии. В этих случаях значение того, что есть, (дают звуки), основанные на чувственном восприятии знание же того, почему есть — математические»⁸.

¹ В. Ф. Асмус. Античные мыслители об искусстве, стр. 12.

² Там же, стр. 129.

³ Там же, стр. 130.

⁴ Аристотель. Поэтика. М., 1957 г. Вступительная статья Ф. А. Петровского, стр. 40.

⁵ Аристотель. Поэтика, стр. 68—69.

⁶ «Даже если ему (поэту — А. С.) придется изображать действительно случившееся, он тем не менее (останется) поэтом, ибо ничто не помешает тому, чтобы из действительно случившихся событий некоторые были таковы, каковыми они могли бы случиться по вероятности или возможности: в этом отношении он является их творцом (Аристотель. Поэтика, стр. 69).

⁷ «...невозможно, чтобы (был) звук, если не произошло удара каких-либо (тел) друг о друга. Удар же, говорят они, возникает, если движущиеся тела, встретившись столкнутся друг с другом...» (А. Ф. Лосев. Античная музыкальная эстетика, стр. 132).

⁸ Там же, стр. 182.

Итак, можно видеть, что, если Платон и Плотин говорили о различии науки и искусства, точнее их элементов, которые были предвестниками будущей дифференциации познания,— то Аристотель, затем Гораций и Лукиан чаще говорили об их единстве, не забывая при этом их специфики. Так, Гораций замечает наличие рациональных и чувственных моментов в искусстве, причем связывает их с содержанием и формой, отдавая предпочтение рациональному содержанию в отличие от чувственно воспринимаемой формы:

«Прежде, чем станешь писать, научись же порядочно мыслить,
Книги философов могут тебя в том достойно наставить,
А выраженья за мысль придут уж сами собою»¹.

Линию по выявлению специфики истории и поэзии вслед за Аристотелем продолжает Лукиан. Он отличает историю и поэзию по степени правдивости, чем объясняет и выбор средств выражения мысли. Однако история, по Лукиану, не может быть лишь документальным фактом, ее нельзя писать грубым языком (это может сделать любой солдат), необходимо выдерживать стиль изложения от начала до конца. У Лукиана история как наука является скорее искусством исторической прозы. И такой характер история сохранит еще долгое время впоследствии.

Даже у Квинтилиана отсутствие четкой дифференциации наук и искусств имеет еще место², хотя у него уже есть разграничение искусств и таких общественных наук как юриспруденция, теория воспитания и т. д., и, кроме того, подмечена практическая основа происхождения искусства³ и рациональное начало в нем⁴.

Таким образом, можно отметить, что еще в античности,— при первом проявлении дифференциации познания на образное и логическое, чувственное и рациональное, эстетическое и научное,— в философии и эстетике возникают различные, порою прямо противоположные точки зрения на возникающие в связи с такой дифференциацией вопросы. Фактический материал истории философии позволяет выделить здесь два основных направления. Это — точка зрения Платона и Плотина, видевших в разделении познания полные его противоположности, разрыв видов познания. В противовес им Аристотель, Гораций, Лукиан, отчасти Квинтилиан смогли различить в искусстве и, в том числе, в творческом процессе художника трудно поддающуюся анализу способность художника находить связь явлений, аналогию, — в виде метафор, афоризмов и т. д., — и техническую сторону творческого процесса, которую можно классифицировать, систематизировать, т. е. возможно рационально познать и изучить. Это второе направление, подмечая специфику зарождающихся науки и искусства, в то же время не ставило между ними непроходимой грани. Различие этих точек зрения в дальнейшем приводит к двум противоположным направлениям в философии и эстетике, одно из которых (Г. Батте, А. Баумгартен, И. Кант, И. Шеллинг, А. Шопенгауер, Ф. Ницше, З. Фрейд), в той или иной мере, утверждает различие эстетического и научного познания, нередко подчеркивая их полный разрыв и противоположность (Хр. Вольф, А. Баумгартен, И. Кант, А. Шопенгауер). Другое направление (Дж. Бруно, Ф. М. Вольтер, И. И. Винкельман, Ж. Ж. Руссо, Д. Дидро, И. В. Гете, И. Г. Гердер, Г. Ф.— В. Гегель, Л. Н. Толстой и другие) формирует взгляд на отношение науки и искусства как двух сторон единого процесса познания, которые взаимодополняют и развивают друг друга.

¹ В. Ф. Асмус. Античные мыслители об искусстве, стр. 231.

² «...из всех наук и искусств всех древнее музыка». (М. Ф. Квинтилиан. Двенадцать книг риторических наставлений. СПб. 1834 г. кн. I—VI, стр. 51.)

³ «Итак, слово даровано человеку природою, а искусство в слове возникло от собственных его наблюдений» (там же, стр. 183).

⁴ Так, на вопрос, нужны ли будущему оратору науки, Квинтилиан отвечает: «...тот не будет великим, в ком хоть малого не достигнет» (там же, стр. 51).

Разрыв чувственного и рационального, образного и логического в процессе познания является основой для отрицания объективной связи между наукой и искусством не только в философских школах прошлого, но и в современной буржуазной эстетике.

Прямое противопоставление искусства и науки как форм отражения по таким специфическим признакам, как образное и логическое, чувственное и рациональное, которое одновременно являются и их ОБЩИМИ признаками, приводит к одностороннему ответу на вопрос о сущности как науки, так и искусства. И если рассмотрение вопроса о соотношении науки и искусства как двух форм общественного сознания, хотя и в недостаточной мере, все же имеет место в нашей философской литературе¹, то вопрос о соотношении науки и искусства как видов познания разработан явно недостаточно. Причем, если и ставится он, то, как правило, ответ дается как результат лишь анализа самой специфики либо науки, либо искусства, но не сравнительного анализа отдельных наук и искусств в их историческом развитии.

По нашему мнению, вопрос о соотношении искусства и дифференцированных наук заслуживает самого пристального внимания, так как правильное решение его помогает дальнейшему взаимопроникновению методов, средств, способов науки и искусства, а это, в свою очередь, дает основу для дальнейшего развития и науки, и искусства.

Решение же его возможно лишь в результате конкретного рассмотрения взаимопроникновений, взаимовлияний отдельных наук и видов искусства, хотя в целом можно отметить, что в соотношении, скажем, искусства и искусствоведческих наук, искусства и общественных наук, искусства и естественных наук есть своя специфика и в то же время общность. Самыми близкими искусству являются науки, в той или иной мере изучающие проблемы самого искусства. Это, прежде всего, эстетика и конкретные науки искусствознания: истории и теории различных видов искусств. Исторически все они вышли из самого искусства, его практики: творческого процесса художника, процессов овладения мастерством художника и восприятий произведений искусства. Отдельные высказывания художников, философов оформлялись в теории, которые проверялись, подтверждались, подкреплялись экспериментом, практикой искусства. «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике— таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности»². Это ленинское положение подтверждается всем путем формирования наук и в том числе эстетики и искусствознания³.

Несколько иначе взаимодействуют искусства и общественные науки, и совсем на других уровнях переплетаются отдельные виды искусства и естественные науки, например, искусство и физика, искусство и химия, биология, искусство и математика, искусство и механика и т. д.

¹ См. В. С. Корниенко. О сущности эстетического познания. Новосибирск, 1962 г., Г. Н. Поспелов. О природе искусства. М., 1960. Я. И. Хачикян. О познавательном значении искусства. Ереван, 1959 г. и другие работы. Особенно интересной в этом отношении представляется также работа М. С. Кагана «Лекции по марксистско-ленинской эстетике», часть вторая, ЛГУ, 1964.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 152—153.

В этом плане можно говорить, например, о формировании теории музыки, разветвленной впоследствии в ряд самостоятельных музыковедческих наук: элементарную теорию, гармонию, полифонию, инструментовку, оркестровку и т. д., видя отдельные предпосылки для этого уже в высказываниях Гераклита, Эвклида, затем в трудах Гвидо из Арrezzo, И. Царлино, Ж.—Ф. Рамо и других дополнениях, корректурах, систематизациях, обобщениях художников, философов, ученых.

Подобную же взаимосвязь можно проследить между искусством и другими отдельными науками, изучающими его закономерности. Сравнительное изучение истории искусства и истории этих наук позволяет изучить объективно этапы истории, когда на первый план выдвигалась либо теория, либо практика искусства, и их взаимодействие на данных этапах.

Примерами тому служат развитие акустики и ее влияние на искусство, развитие техники фото- и киносъемки и искусства кино, телевидения, художественной фотографии и т. д. Чаще всего здесь выступает зависимость средств материализации художественного образа в искусстве от уровня развития естественных наук. Но среди этих наук возможно нахождение и других черт, общих с искусством. Так, от элементов начертательной геометрии, применявшихся в Древнем Египте при постройке пирамид, этот раздел геометрии шел параллельно с развитием искусства (прежде всего живописи и архитектуры), которое давало эмпирический материал для научной теории. От «Оптики» Эвклида через выводы Брунеллески, А. Альберти, Леонардо да Винчи, А. Дюрера, Д. Барбаро, Дж. Бароччи, Эгильтона, Ж. Дезарга до обоснования в 1798-99 годах Г. Монжем самостоятельной, сугубо абстрактной математической науки,— таков ее путь¹.

Искусство как форма общественного сознания и как вид познания есть процесс взаимоотношения человека с действительностью в самом широком плане. Искусство целостно отражает действительность. В свою очередь, действительность состоит из бесконечного ряда процессов социальных, биологических, химических, физических, механических, которые в снятом виде изучаются конкретными науками. Поэтому у искусства и науки в целом, а тем более у отдельных видов искусств и конкретных наук существует общность в методах, способах, средствах отражения и познания действительности. Такая общность и составляет исторически сложившуюся конкретную взаимосвязь между наукой и искусством.

Изучение этой взаимосвязи, с одной стороны, способствует дальнейшему проникновению точных научных методов познания в искусстве и, тем самым служит его развитию. В частности, это подтверждается историческим переходом от интуитивного выбора форм в архитектуре, живописи, прикладном искусстве к математическому анализу в современной архитектуре, современному дизайнерству, механизации в прикладном искусстве (механическое нанесение орнамента, раскраска тканей, изготовление статуэток, сувениров, в некоторой мере также эстамп в живописи и т. д.). С другой стороны, такой подход обнаруживает специфику проявления закономерностей (изучаемых той или иной наукой) в области искусства: в процессе художественного творчества, в процессе восприятия произведений искусства. Обнаружение же новой специфики этих закономерностей развивает науку.

Так, изучение поведения людей в процессе восприятия произведений искусства позволяет психологии делать выводы о воздействии музыки, поэзии, живописи на психику людей и, через воздействие средствами искусства непосредственно на психику, целенаправленно изменять, воспитывать людей. Изучение индивидуальной психики художников дает возможность для рационального формирования творческих личностей в обществе. Следовательно, искусство так или иначе способствует развитию психологии, педагогики и других «воспитательных» наук. И, наоборот, развитие этих наук часто непосредственно влияет на искусство.

Наука и искусство есть не только две формы общественного сознания, но, одновременно, два специфических вида познания, которые в своем развитии находятся в диалектическом единстве, взаимодополняют и обогащают друг друга. Взаимодействие этих противоположностей является одним из внутренних источников развития единого процесса познания действительности человеком.

¹ См. Г. Вилейтнер. История математики от Декарта до середины XIX века. М., 1960, стр. 16—31, 305—318 и др., а также монографию В. А. Пахомовой «История развития методов изображения». Омск, 1963.

Л. А. КОНЕВА, В. А. КОНЕВ

ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОМ ПРЕДМЕТЕ И ЭСТЕТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Проблема эстетического предмета, его способ бытия и структура является главной проблемой эстетики. Противоречивость эстетического предмета: предмет конкретен, чувственно дан определенному субъекту и формой данности эстетического предмета будет наслаждение субъекта этим предметом, и в то же время эстетический предмет противостоит субъекту таким образом, что им наслаждаются и другие, т. е. он может быть дан другому также в форме наслаждения,— эта противоречивость эстетического предмета выражает собой противоречивость общего, особенного и единичного, извечную гносеологическую проблему философии. Для эстетики же эта проблема наиболее остра, ибо «отбросить», отвлечься от единичного, конкретного предмета в акте эстетического отношения она не может, это приведет к разрушению самого эстетического наслаждения, она должна найти ту основу, которая позволяет разным субъектам испытывать сходное эстетическое переживание от одного предмета, и одному и тому же субъекту испытывать сходное эстетическое переживание от разных предметов.

Различные философские направления подходили к этой проблеме с различных позиций: объективный идеализм искал основу общности эстетических переживаний в общей идее, привносящей в реальные объекты красоту, субъективный — в особенностях человеческой психики, материализм старался найти набор объективных свойств красоты.

Верный путь решения сущности противоречивости эстетического предмета дает материалистическая диалектика. Марксистская эстетика рассматривает закономерности развития эстетического отношения человека к миру в связи с анализом социально-исторической, практической деятельности людей, показывает, что эстетическое отношение порождено социально-практической деятельностью человека. Выделение эстетического отношения в марксистской эстетике имеет глубокий смысл: эта категория утверждает специфическую ступень в познании человеком мира, когда человек приобретает благодаря появлению эстетических чувств, представлений и понятий возможность видеть эстетический смысл мира и преобразовывать мир по законам красоты. Понять, почему реальный мир имеет для человека эстетический смысл, можно, вероятно, из анализа эстетической деятельности.

Эстетическое отношение, как и всякое отношение, существует только в форме деятельности, именно эстетической деятельности. Под эстетической деятельностью понимается в данном случае и эстетическое созерцание, и деятельность по созданию предметов, имеющих эстетическую ценность. Эстетическое созерцание, т. е. восприятие предметов, сопровождаемое эстетическим наслаждением, является деятельностью, если под деятельностью понимать активное, осознанное отношение человека к действительности. Эта деятельность может быть и материаль-

ной, внешней, и духовной, внутренней¹. Конечно, эстетическое созерцание, как деятельность чисто духовная, генетически вторична по отношению к эстетической деятельности, связанной с созданием эстетических предметов. В самой же деятельности по созданию таких предметов, связанной с материальным преобразованием реальных вещей, можно выделить эстетическую деятельность, включенную в непосредственно трудовую деятельность как момент, поскольку в результате труда человек стремится создать вещь не только полезную, но и красивую; и эстетическую деятельность, которая входит в деятельность художественную, составляя, может быть, ее основу. Суть этого вида деятельности — организовать реальные предметы по законам красоты.

Всякая деятельность направлена на тот или иной предмет, непредметная деятельность невозможна. Поэтому рассмотрение деятельности требует выделения того, что является ее действительным предметом.

Марксистская эстетика достаточно убедительно показала, что эстетическая деятельность возникает в процессе преобразования человеком мира; об этом свидетельствует тот факт, что эстетический смысл приобретают вначале именно орудия труда и то, что связано с трудовой деятельностью. Эстетическая деятельность, включенная в трудовую, имела цель создать благоприятные условия для самой трудовой деятельности. Именно деятельность по созданию благоприятных условий для основной человеческой деятельности — создание совершенных, удобных для человека, гармонирующих с ним орудий, создание рисунков с определенной магической целью, исполнение ритуальных танцев, которые должны были способствовать охоте и т. п., т. е. деятельность, которая имела цель организовать среду, становится деятельностью эстетической. Ее предмет (созданная, организованная определенным образом среда) связывался с представлением об успешном достижении целей утилитарно-трудовой деятельности. Организация же среды есть двухсторонний процесс — приспособление субъекта к среде и приспособление среды к субъекту, т. е. выделение в среде, «выпячивание» в ней таких ее свойств и сторон, которые бы наилучшим образом служили человеку в его действиях, а это и есть познание среды человеком, познание того, как она может быть использована, как она может помочь человеку. Постепенно эстетическая деятельность отделяется от деятельности трудовой, начинает существовать как самостоятельная деятельность.

Возможность отделения эстетической деятельности от трудовой — в определенных социальных условиях, в особенностях развития сознания человека. Анализ советскими учеными, школой Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, общественной природы создания, закономерностей его становления позволяет выделить, на наш взгляд, некоторые основы формирования особой эстетической деятельности.

Первой осознанной формой отношения человека к действительности был труд. Формирование и развитие этого отношения, расширение сферы осознанного содержали в себе два важных для нас момента. Первый момент заключался в том, что процесс изготовления орудий труда формировал цель действия и отношение к нему человека. Человек осознавал свою деятельность объективно-мотивированной, определенной условиями его жизни. «Конкретно-психологически такой сознательный смысл создается отражающимся в голове человека объективным отношением того, что побуждает его действовать, к тому на что его действие направлено как на свой непосредственный результат»². Вместе с осознанием цели действия возникает отношение оценки своей деятельно-

¹ См. А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики, М., изд-во «Мысль», 1965 г., стр. 39, 309—313.

² А. Н. Леонтьев. Указ. соч., стр. 290.

сти в единственно возможной форме — в чувстве удовлетворения.

Второй момент: осознание цели действий, возникновение мотивированной деятельности и появление языка говорят нам о появлении качественно иной формы отражения — сознательного отражения, которое отличается от психического отражения животных тем, что человек отделяет свое субъективное состояние от содержания своего сознания. Когда он действует с предметами, то образ этих предметов, образ действительности не сливается для него с его желаниями, с переживанием. Субъект осознает отражаемое как предстоящее сознанию.

Но это означает, что мир внутренних переживаний, мир эмоций также выделяется как самостоятельный. Он также осознается, оформляется, или точнее, начинает оформляться в некоторую структуру, в которой жизнь чувств определяется не биологической значимостью вещей, а тем чувством удовлетворения, которое носит оценочный характер, т. е. опосредуется, направляется трудовой деятельностью. Здесь мы видим основу возникновения эстетической деятельности.

Расширение сферы сознания первобытного человека — развитие орудий труда, превращение отдельных действий в систему операций, относительно устойчивое разделение трудовых действий в первобытном коллективе — приводит к тому, что осознается не только сфера непосредственно материального производства, но и другие отношения людей. Это способствует тому, что с развитием общества становятся обычными случаи, «когда человек под влиянием определенного мотива принимается за выполнение каких-либо действий, а затем, выполняет их ради них самих, в силу того, что мотив как бы сместился на их цель»¹. А это значит, что данные действия превратились в деятельность. Это подтверждается многочисленными исследованиями первобытного искусства. Здесь мы видим условие возникновения эстетической деятельности.

Процесс становления эстетической деятельности, формирование и развитие эстетической потребности совершались по мере развития человеческого общества, и свою действительность эстетическая деятельность получила с разделением труда на умственный и физический. История искусства свидетельствует о развитии эстетической деятельности, о расширении ее сферы, о развитии эстетического предмета. Но это отделение эстетической деятельности от трудовой не полное, ибо в самой трудовой деятельности эстетическая деятельность всегда присутствует в большей или меньшей степени, и разные исторически конкретные формы трудовой деятельности, связанные с определенными социальными формами, в разной степени «насыщены» эстетическим моментом. В периоды антагонистических формаций эта разорванность, особенно при капитализме, усугубляется, а становление коммунистической формы трудовой деятельности ведет к усилению слияния эстетической и утилитарно-практической деятельности.

Та противоречивость эстетического предмета, о которой говорилось вначале, порождена именно отделением эстетической деятельности от деятельности практической, ибо появление различия между деятельностью ведет и к противоречиям между ними. Обнаруживается противоречивость эстетического предмета в том, что организованная, благоприятная среда оказывается благоприятной для разных конкретных социальных действий человека (хотя бы для разных конкретных трудовых операций).

Итак, противоречивость эстетического предмета разрешается следующим образом: это всегда должно быть конкретное явление (предмет, совокупность предметов), которое может быть включено в определенную социальную деятельность и должно способствовать достижению

результата наилучшим образом. Постольку, поскольку эстетический предмет это только широкая среда деятельности практической, он не может иметь непосредственного практического значения именно для данного действия субъекта, но так как это среда для данной социальной действительности, она имеет смысл и значение для всей совокупности конкретных социально практических действий, т. е. для каждого субъекта и ни для кого в частности.

О СООТНОШЕНИИ МАТЕРИАЛЬНОГО И ИДЕАЛЬНОГО В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ В. Г. БЕЛИНСКОГО

Проблема идеального и материального занимает важное место в философско-социологических воззрениях В. Г. Белинского. И это не случайно. Только при условии правильного философского решения вопроса об отношении идеального и исторической необходимости можно было разрешить теоретические и практические вопросы, поставленные В. Г. Белинским перед русским обществом. В 30 годах в социологии Белинского господствует идеалистический принцип: история — чисто духовный процесс¹. Он подкрепляется столь же идеалистическим принципом: «Дух есть причина и жизнь всего сущего»². И как результат — дух «положил» историю, внутренняя необходимость которой проявляется как «мышление, само себя мыслящее»³. И все же в своем конкретно-историческом качестве бытие человечества не тождественно действию духа и его сущности. Дух («всеобщая идея») более господствует в абстракции, нежели в действительности. Объективная реальность истории и реализм в мировоззрении Белинского последовательно оттесняют творящий дух и определяют субъективное развитие критика в сторону материалистического понимания истории. Категорию «реализм» мы трактуем расширительно, в данном случае во взаимосвязи двух смысловых форм: 1) Реализм эстетический (в совокупности реализм в литературе, искусстве, литературной критике и эстетике, ведущей через эстетические поиски общественной правды к материалистическому пониманию социальной природы искусства). 2) Реализм социологический (теоретические поиски соответствующего действительности взгляда на судьбы человечества и законов его развития, учет конкретных условий истории в оценке ее экономических, классовых и духовных процессов). В едином развитии указанные нами две формы реализма, подкрепленные диалектикой, уже в 30-е годы определяют пути формирования и содержание материалистического ядра в социологических взглядах Белинского.

Применительно к Белинскому еще Плеханов утверждал, что критик обнаружил опромненную чутье правды, если «под чутьем правды понимать чутье теоретической истины»⁴. Мощным средством осмысления и теоретического обоснования исторических задач России и человечества выступает литературная критика. Разработка реалистической теории литературы и искусства предопределила движение критика к научному определению социальной правды. Итогом всего явилась защита угнетенных. Реалистические позиции в искусстве и литературе смыкаются с реализмом социологическим. Историческая практика народов явилась критерием правды во всех сферах умственной деятельности критика. Белинский проходит через этот критерий как через чистилище, отбрасывая заблуждения и выработывая науку. В атмосфере сомнений и

¹ В. Г. Белинский. Полное собр. соч., изд. АН СССР, т. III, стр. 230.

² Там же, стр. 588.

³ Там же, т. IV, стр. 591.

⁴ В. Плеханов. Сочинения. Госиздат, М.—Л., т. X, стр. 230.

борьбы, сквозь эстетический идеал реалиста, всегда проглядывает общественный идеал просветителя и революционера, заинтересованного в обновлении общественного организма современной ему истории. И тут социологический реализм (т. е. стихийный исторический материализм) выступает как ориентир. Идет он к нему через искусство, философию, историю, соединяя изучение законов искусства с законами общественно-исторического процесса и познания. Все это придает суждениям критика об искусстве монументальный философско-социологический характер, внутренняя логика которых говорит, что Белинский искал пути к человеческому счастью. Контрарное отношение к такому свойству эстетических позиций критика со стороны его противников в свое время было резко осуждено Плехановым. Он, например, саркастически бросает в адрес «почтеннейшего русского «социолога» (Михайловского), что тот сделал «то замечательное открытие, что будто «нашем гениальному критику более или менее изменяло «чутье правды» всякий раз, когда «эстетическое явление осложнялось философскими и политико-нравственными началами»¹. Контрапозиционное умозаключение Плеханова исходит из той категорической посылки, что «чутье правды» у Белинского как литературного критика, теоретика искусства, мыслителя тем ярче и глубже проявлялось, чем основательнее он становился на философско-социологические позиции объективной науки, способной дать теоретическую истину в защиту трудового человечества. Именно благодаря этому драгоценному качеству своего мировоззрения критик «почувствовал под собой надежную почву и, восхищенный открывшимся перед ним необъятным горизонтом», смело взялся за решение великих теоретических задач, которые поставил XIX век перед мыслящими людьми Европы².

В советской философской литературе факт возникновения и развития материалистической эстетики Белинского преимущественно (нередко и абсолютно) связывается с гносеологией философского материализма, с переходом критика от философского идеализма к материализму (А. Лаврецкий, М. Т. Иовчук, И. Я. Щипанов и др.)³. Такой подход к решению проблемы верен в принципе, но непоследователен по существу, поскольку по отношению к судьбам эстетической теории критика игнорируется роль материалистического ядра в его философии истории, зародившегося еще в 30-е годы. Эта непоследовательность особенно ясна, если учесть, что у Белинского предметом искусства выступает не бытие вообще (не природа преимущественно), а социальное бытие, общество, человек. В такой связи материалистическая эстетика невозможна без определенной степени материалистического понимания истории. С позиций вышеизложенной точки зрения необъясним и тот факт, что основные черты материалистического взгляда на искусство определились уже в идеалистической эстетике критика 30 годов, именно тогда, когда его философское мировоззрение развивалось в пределах идеализма. И тут на помощь должна прийти социология. Социологический идеализм Белинского был «мудр» материализмом даже в 30-е годы. В этом суть дела. На это обращал внимание еще Плеханов. Но его выводы не приняты на вооружение большинством современных исследователей Белинского. И напрасно. Известно, что зряшное отрицание—не аргумент в пользу науки. На деле оказалось, однако, что Плеханов тут прав, а наша философская мысль не выиграла от своей ошибки. Возьмем только один пример, но характерный и обобщенный. Речь идет об одной из лучших работ по эстетике Белинского за послевоенное время — о книге

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. X, стр. 230.

² Г. В. Плеханов. Сочинения, т. X, стр. 233.

³ См. а) Лаврецкий, «Эстетика Белинского», изд. АН СССР, 1959, гл. «Искусство и действительность»; б) Сб. «Из истории русской философии», 1952.

А Лаврецкого «Эстетика Белинского». Достоинство позиций автора заключается в том, что он решительно выступил против излишней «идеализации» идеалистического периода в духовном развитии критика, против абсолютизации идеалистической формы, — за материалистическое содержание его взглядов. Он справедливо утверждает, что в «том периоде развития Белинского, который обычно считают исключительно идеалистическим, можно и должно обнаружить материалистические тенденции во всей их преодолевающей идеализм силе»¹. И далее, — что в этот период господствует «идея реализма», тяготеющая к материализму, враждебная идеализму тенденция с самого начала пробивает себе путь через все препятствия и осуществляется со все большей последовательностью и глубиной. Именно в этом и заключается здесь сущность всего процесса. Иначе и нельзя подходить к изучению эстетики Белинского, если признать целостность и органичность мышления великого критика»². Превосходно. Тут автор продолжает и отстаивает лучшие тенденции русской общественной мысли в оценке общего характера мировоззрения Белинского. Но затем А. Лаврецкий свертывает свои позиции. Он прежде всего несправедливо ограничивает путь критика к материализму сферами реалистического искусства. В действительности же Белинский шел к материализму и от жизненной практики, от науки, от истории, от демократического и революционного настроения и отвлеченного философско-социологического осмысления действительности. Мы обращаем внимание особенно на социологию. При внимательном анализе глубинных процессов философско-социологической эволюции критика в 30-е годы, нетрудно прийти к убеждению, что материалистическая тенденция, отрицающая идеализм, была резче выражена в социологии, чем в философии. И это естественно: социология ближе стояла к общественной жизни. А пульс общественного бытия всегда наиболее гулко отзывался в сердце критика. Этого автор не учитывает. Материализм в социологии выпал. Отсюда и логическое противоречие в важнейшем выводе:... «Белинский всегда был реалистом, но одно время он обосновывал свой реализм идеалистически, а после стал обосновывать материалистически»³. В расчет берется только философская и опускается социологическая эволюция критика. Последней как будто и не существует. Все очень просто и схематично. Но на пути встает существенное нечто. Дело в том, что реализм в искусстве идеалистически обосновать невозможно. Логичнее утверждать, что под свои реалистические пути в искусстве в 30-е годы Белинский подводил такие основы в своей в общем идеалистической философско-социологической теории, которые не совпадают ни с философским, ни с социологическим идеализмом. Отсюда следует, что и «после» (т. е. в 40-е годы) его философский материализм только в той степени давал возможность материалистически обосновать реализм в искусстве, в какой основной вопрос эстетики — об отношении искусства в действительности — получал не только философско-материалистическое, а и социолого-материалистическое разрешение. Именно второй элемент проблемы остается в тени в критической литературе по истории русской философии. Вследствие чего неслучайно, что и в данной, в высшей степени богатой идеями и выводами книге, к сожалению в «чистом виде» проявился указанный распространенный недостаток. Поэтому автор вынужден приписывать Белинскому очень тощее, абстрактное, антропологическое понимание «социальной действительности» — не адекватно тому смыслу и значению, которое вкладывает критик в позитивном развитии своей идеалистической философии истории⁴. А между тем, по¹ отдаленной

¹ А. Лаврецкий, «Эстетика Белинского», стр. 16.

² Там же, стр. 16.

А. Лаврецкий, «Эстетика Белинского», стр. 16.

А. Лаврецкий, «Эстетика Белинского», (гл. «Искусство и действительность»).

аналогии можно утверждать, что и «рациональное зерно» идеалистической эстетики Гегеля есть результат неидеалистического применения диалектики и философии к сферам общественных явлений, определяется каким-то уровнем материалистического понимания истории и попыткой придать искусству прочный облик конкретной исторической действительности. В этом смысле гегелевская эстетика классического идеализма вовсе не чужда реализма (как об этом нередко судят) там и постольку, где и поскольку «материализм оказывается истинной» идеалистической философией истории великого немца. В его «Лекциях по эстетике» мы находим социологические определения, подтверждающие данный вывод. Например, в разделе «Классическая форма искусства» Гегель отмечает влияние социального-экономического неравенства древних греков на священный акт жертвоприношения богам¹. Свои теоретические выводы в теме «Прекрасное в искусстве, или идеал» Гегель опирается на факты истории и искусства, признает зависимость искусства по содержанию от содержания соответствующей исторической эпохи (трагедии Шекспира, драмы Шиллера, Гете и др.). В этом же плане показательно суждение Гегеля о влиянии сословной противоположности, классового неравенства, в обществе на характер героев, которые искусство избирает в качестве образов². В итоге можно сказать, что своим реализмом эстетика Гегеля обязана не собственно идеализму (философскому и социологическому), а уровню отрицания (преодоления) того и другого в пользу элементов, ведущих к победе диалектического и исторического материализма. Действительность давала о себе знать как необходимость. Но если ее плодотворное влияние столь ясно определилось в творчестве гениального консерватора, тем более оно должно было проявиться в творчестве гениального революционера. В интерпретации Белинского действительность общественная приобрела конкретно-социальный и социологический характер. В теоретическом отрицании абстрактного идеала во имя реального, Белинский находит веские аргументы в пользу научного объяснения общественной истории и революционного изменения ее. Гармонически сливается теоретическое обоснование «веры в человечество» с категорическим требованием к истории — «отдать... отчет во всех жертвах условий жизни»³. В логическом развитии «вера в человечество», с учетом реальных контрастов истории, завершается суждение о том, что без крови и переворотов прогресса не осуществить, что без революций история превратилась бы в стоячее болото. Данное аподиктическое суждение критика выступает в форме вероятности. Однако суть в том, что критик осознал задачу научно доказать эту вероятность, т. е. подвести под нее законы исторической необходимости. Так появилось «здоровое ядро» (материализм) в социологии критика. На этот факт указывал тот же Плеханов, который из сущности «здорового ядра» социологии Белинского 30-х годов выделяет следующие стороны: а) взгляд на историю как на необходимый и потому законосообразный процесс⁴; б) в объективном содержании этого процесса действительное бытие истории выступает первопричиной духовного развития человечества⁵; в) из «внутренней логики» социологии критика, — касающейся экономических порядков современной ему Европы), — можно сделать вывод, что экономическая наука, «заведующая» данным экономическим порядком, могла явиться уже только после того, как он сложился...»⁶; г) право выводится из конкретной истории; не только государственные постановления, но вооб-

¹ Гегель. Сочинения, т. XIII, стр. 23.

² Гегель. Сочинения, т. XIII, стр. 195—196.

³ В. Г. Белинский. Полное собр. соч., т. XII, стр. 23.

⁴ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. X, стр. 230—231.

Там же, стр. 231 (ссылка на Белинского, т. III, стр. 327).

⁶ Там же.

еще правовые учреждения в обществе являются выражением фактических отношений; все, что не соответствует нуждам общества, не имеет за собой никакого права¹; д) пожертвовав абстрактным идеалом ради действительности, Белинский в ней ищет отрицание социального зла и совершает великий шаг в сторону научного понимания природы классовой борьбы на том уровне, какой диктовал XIX век². Понятно, что в 40-е годы все элементы материалистической тенденции в социологии Белинского обретают еще большую качественную определенность.

Плеханов критикует Михайловского, Венгерова, Вольнского и других адептов либерального ренегатства, прежде всего, в плане защиты исторической значимости революционной социологии Белинского для судеб общественной теории вообще и искусства — в частности. Плеханов при этом выделяет две важнейших идеи: 1. Научная литературная критика немыслима без серьезного социологического обоснования. И Белинский тут — классический пример позитивного осуществления этой идеи; 2. Белинский как социолог недоступен для всех противников революции. Последовательно-научную критику и оценку его философии истории способны дать только мыслители, стоящие на позициях рабочего класса. Это и означает — «просмотреть историю его умственного развития и его литературной деятельности с точки зрения конкретных взглядов наших дней»³. Белинский был нашим Моисеем, который «если и не избавил, то всеми «силами старался избавить» себя и своих ближних по духу от египетского абстрактного идеала». В такой связи исторической преемственности философия истории критика всегда сохраняется современного значения, ибо является грозным приговором для тех «социологов» различных толков, которые являются со своими отвлеченными «формулами прогресса» и губят теорию и литературную критику. Так было с либеральными ренегатами в прошлом, то же происходит с современной буржуазной общественной теорией и литературной критикой. В этом отношении советское искусство и литература имеют то решающее преимущество, что вооружены мощным теоретическим оружием в лице марксистско-ленинской философии и социологии. Однако не все представители нашей теоретической и литературной культуры убедительно пользуются своим преимуществом. Нередко приходится встречаться с социологической беспомощностью в литературно-критических статьях, с отсталостью взглядов на предмет оценки научной, сущности социологии революционных демократов, что ведет к принижению основополагающей роли прогрессивной социологии в судьбах искусства, всех форм общественного сознания. Поучителен пример с выходом в свет книги И. Я. Дьякова «Мировоззрение В. Г. Белинского» (1962). Автор высказал немало плодотворных идей. Он решительно выделил положение о материалистическом содержании в идеалистической философии Белинского 30-х годов; и особенно остановился на «материалистических пластах» в социологии критика; показал движение критика к «пролетарской революционности»⁴. И что же? Работа Дьякова в печати была встречена в штыки; она явно отходила от стандарта последних десятилетий. А журнал «Вопросы литературы» поместил статью В. Кулешова и П. Николаева под выразительным названием «Что такое дилетантизм?» И. Дьяков был обвинен в искусстве «подтягивания» классика под современность⁵. В действительности же автор с современной точки зрения марксиста раскрыл внутреннюю логику развития критика в сторону мировоззрения пролетариата. Дьяков по-своему выразил ту тен-

¹ Там же, стр. 231—233.

² Там же, стр. 230—252.

³ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. X, стр. 230, 231, 252.

И. Я. Дьяков. Мировоззрение В. Г. Белинского, 1962, гл.: вторая, третья, четвертая.

«Вопросы литературы», 1964, № 1, стр. 115.

денцию, которую когда-то обосновал Плеханов, затем с особой четкостью определил В. И. Ленин в статье «Памяти Герцена», в которой он писал: «Чествуя Герцена, пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории»¹. Это положение имеет отношение к Белинскому, в частности, к сфере его социологического мировоззрения. Оппоненты Дьякова явно обошли «вещь в себе», суть которой заключается в том, что общественную теорию русских предшественников ленинизма питала не только отечественная крестьянская демократия, а и революционный пролетариат Европы. Данного факта многие исследователи русских революционных демократов кажется не склонны замечать. Вот и в данном случае В. Кулешов и П. Николаев потешаются над тем, что будто И. Дьяков «...едва встретив у Белинского слово «пролетариат»,... неизменно «подверстывает» под понятие «народ» понятие «пролетариат», подменяет народ пролетариатом»². Но у Белинского действительно понятия пролетариат и народ — синонимы (т. е. понятия разные по звучанию, но близкие по значению). И. Дьяков только констатирует факт. А Г. В. Плеханов, вероятно, посмеивается над невинной дерзостью потомков: он ведь тоже «подверстывал указанные понятия, когда однажды, сославшись на известное высказывание критика о пролетариате и народе³, — нашел, что у Белинского вера в человечество покрывается верой в народ, понятие о котором в свою очередь совершенно покрывается понятием в рабочий класс»⁴. И. Плеханов находил это логичным. После этого и разбирай, «что такое дилетантизм?» и что такое «подверстывание». Далее. Мы вполне разделяем полемику И. Дьякова в защиту экономических и социолого-материалистических взглядов Белинского и попытку логически связать его философию истории с судьбами эстетических идей. Но находим, что и позиции И. Дьякова недостаточно последовательны. Например, он не видит, что реализм идеалистической эстетики критика 30-х годов опирается на материалистическое ядро его идеалистической социологии (а не только на реалистическое ядро его философии). И. Я. Дьяков повторяет распространенную ошибку отрыва социологии от эстетики Белинского. Нельзя согласиться также с основным положением И. Дьякова: — «Белинский — социолог, — пишет он, — это идеалистически на голову поставленный материалист»⁵. Для подтверждения данного своего тезиса автор ссылается на указанные классиков марксизма о Гегеле. Однако в указанном отношении аналогия ничего не доказывает, если взять во внимание: а) различие исторических условий, в которых формировались философско-социологические теории Гегеля и Белинского; б) классовую природу идеологии Гегеля и Белинского, и особенно: в) не столько наличие «совпадения» во внутренней теоретической тенденции взглядов двух великих мыслителей, сколько различие в их логическом отношении к поступательному развитию человечества, классов и классовой борьбы. Под воздействием своей революционно-демократической связи с исторической действительностью, диалектики, эстетического реализма и философской эволюции от идеализма к материализму Белинский как социолог от 30-х к 40-м годам последовательно «встает на ноги», а не покоится подобно Гегелю на голове. Это не игра слов, а выражение поступательного движения мыслителя к классовым и гносеологическим путям диалектического и исторического материализма. Мы исходим из того, что в решении основного социологического вопроса от отношения общественного

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 18, изд. 4, стр. 15.

² «Вопросы литературы», № 11, 1964, стр. 116.

³ В. Г. Белинский, т. VII, стр. 171, 172, 173.

⁴ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения. Соцэкономиздат, М., 1958, т. IV, стр. 476.

⁵ И. Я. Дьяков. Мировоззрение В. Г. Белинского, стр. 301.

сознания к общественному бытию — внутреннее восходящее движение в философии истории критика совершается как вытеснение идеализма материализмом. В порядке уточнения своих позиций считаем необходимым отметить, что по нашему мнению, следует говорить не об «элементах» материализма, не о «материалистических догадках», наконец, не о «пластах» материализма в философии истории Белинского и его гениальных последователей, а о материалистической тенденции как диалектическом процессе внутренне отрицающем идеализм.

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ СОЦИОМЕТРИИ

Для современной эпохи характерна ожесточенная борьба двух непримиримых идеологий: коммунистической и капиталистической. Передовому научному мировоззрению марксизма-ленинизма противостоит реакционное, антинаучное мировоззрение империалистической буржуазии. Большую опасность в наши дни представляют те школы буржуазной общественной мысли, которые под видом объективных экспериментальных исследований скрывают свои истинные намерения — укрепление капиталистического строя. К подобным школам относятся и социометрия¹ или микросоциология, получившая особенно широкое распространение в США.

Выступая перед студентами Питтсбургского университета в 1948 году, Морено-основатель социометрии, полемизируя с марксистской точкой зрения на социальную революцию, подчеркнул, что «единственно правильный путь изменения общества есть путь исследования изменений в нем с помощью изучения структуры человеческого общества»². Основной структуры человеческого общества, его базисом Морено и его последователи считают межличностные отношения. С помощью особых методов и приемов они стараются вскрыть «фундамент структуры внутри общества путем раскрытия степени родства, влечения и отталкивания действующих между лицами, а также между лицами и объектами»³. Они утверждают, что каждый индивидуальный организм обладает, «единством и микрокосмической независимостью», определенной системой эмоций и чувств, причем психологический комплекс эмоций и чувств одного человека может ощущаться, иногда и несознательно, другим человеком.

В целом социометрия, как заявляют ее идеологи, представляет собой «учение об эмоциональных отношениях между индивидуумами, которые функционируют как социальная группа, или как пересечение эмоций, когда они взаимодействуют между индивидуумами»⁴. Эти эмоциональные отношения имеют динамический, творческий характер, т. е. постепенно изменяются и преобразуются самопроизвольно и одновременно оказывают решающее влияние на все сферы человеческих взаимоотношений на экономику, политику, социальную структуру общества. Социометристы заявляют, что целью их является постепенное создание нового общества путем изучения социальной структуры с ее последовательным изменением, разумеется, под руководством социометристов.

¹ От латинского слова «социус», «социальный», «общественный» и «метрум», измерение, т. е. социометрия — «социальное измерение».

² «Современные направления в социальной психологии», Нью-Йорк, 1948, стр. 157 (на англ. языке).

³ Д. ж. Морено. Социометрия, 1937, № 1—2, стр. 206. (на англ. языке).

⁴ Д. ж. Морено. «Кто выживет», Бикон, 1953, стр. 100. (на англ. языке).

Из вышесказанного ясно, что социометрия представляет собой новейшую психологическую школу в американской социологии.

Отправным пунктом ее является изучение психологических взаимодействий между индивидуумами или группами индивидуумов и, в первую очередь, изучение их эмоциональных отношений. Утверждение, что в основе общественных отношений лежат чувства, эмоции, являющиеся доминирующим фактором среди других отношений в обществе, направлено, прежде всего, против материалистического понимания истории.

Величайшей заслугой К. Маркса и Ф. Энгельса является открытие ими зависимости исторических законов развития человечества от развития производства. В процессе производства материальных благ, необходимых для удовлетворения человеческих потребностей, люди вынуждены становиться в те или иные отношения друг к другу. Только исходя из открытой классиками марксизма-ленинизма зависимости общественного сознания от общественного бытия можно правильно понять действительную сущность идей, принципов морали, эстетических чувств и воззрений, которыми руководствуются люди в своих поступках. Марксистское истолкование общественных явлений впервые поставило понимание психологических отношений людей, их эмоциональных взаимоотношений на твердую научную основу.

Эмоции настолько тесно связаны с активным проявлением личности и выражаются в деятельности, что выступают как отношения к внешней действительности, как элемент сознания. Однако, рассматривая человека, его сущность как «совокупность общественных отношений», всегда следует учитывать, что основой всех человеческих отношений являются общественно-производственные отношения. В процессе исторического развития закономерно меняется способ производства, развиваются производительные силы, возникают различные типы общественно-производственных отношений, которые в свою очередь, определяют весь образ жизни, быт и нравы человека, всю совокупность человеческих взаимоотношений, в том числе и эмоциональных. Отсюда очевидно, что попытки социометристов положить в основу своей социологической теории психические, эмоциональные отношения людей в обществе необоснованы¹. Тем не менее они обращаются к психологии и пытаются решить социологические проблемы путем проведения психологических экспериментов, используя тщательно разработанную социометрическую технику. Следует сразу отметить, что психологические взаимоотношения людей могут быть объектом важных научных исследований. Применяя методику Морено к изучению внутригрупповых психологических взаимоотношений между отдельными членами группы и группой в целом можно получить ценные данные для решения, например, проблем «малой группы» и т. д. Социометрическая техника оказывает большую пользу при проведении социально-психологических экспериментов. Большой фактический материал, полученный американскими социометристами в результате исследований, вполне возможно критически переосмыслить с марксистских позиций.

В многочисленных статьях социометристов, публикуемых в различных социально-психологических журналах США, совершенно замалчивается, принижается роль сознания человека, его интеллектуального развития. Морено утверждает, что возникшее в детском возрасте «теле» (поток эмоциональных частиц, имеющих божественное происхождение, комплекс различных чувств) управляет всем поведением и умственным созреванием человека. Мысли и поступки его, якобы, уже определены.

¹ Критический анализ общей методологии и теории микросоциологии изложены в работе М. Бахитова. «Об одной «новой» социальной утопии», М., 1958, и в работе А. А. Кондакова. «Фальсификация общественных отношений американской лжесоциологией — социометрией», Орджоникидзе, 1961.

«Теле», таким образом, играет решающую роль в формировании личности человека помимо школы, обучения, труда и общения с другими людьми и заменяет собой сознание. Вся методика экспериментов социометристов направлена на то, чтобы выявить состояние «теле» у человека. Наиболее характерным примером являются опыты, проводимые социометристами в школах.

Американский социометрист Нахум Е. Шубс провел «социометрический тест» в классе¹. Цель опыта заключается в том, чтобы выявить «теле» у детей, рассмотреть, как оно влияет на их организацию. Учитель проводит свою работу с помощью критерия выбора и проверочного критерия. Критерий выбора ставит перед каждым учащимся в классе вопрос: написать имя мальчика или девочки, с кем бы он желал вместе работать. Разрешено три выбора, которые следует записать. Затем в классе организуется дискуссия о правильности выбора под руководством учителя-социометриста. Потом проводится проверочный критерий, состоящий также из трех выборов. Учитель собирает записи учеников и на основе их анализов делает выводы. Эти выводы у Шубса таковы:

1. Для совместной работы выбирают гораздо меньше друзей, чем можно было бы ожидать.

2. Строго зависимый характер детской организации от «теле».

В конечном итоге так учителю удалось «реорганизовать» свой класс для работы (изолировав недругов и конформистов, посадив детей с дурными наклонностями в круг друзей и т. д.), что все начали работать более или менее «адекватно». С точки зрения социометрии учителю удалось нащупать «теле» каждого учащегося и установить его связи с другими товарищами и затем удачно реорганизовать класс.

С последовательно-материалистических позиций данный опыт можно объяснить следующим образом: каждый учащийся имеет в какой-то степени сформировавшиеся психические свойства: потребности, интересы, способности, характер и т. д. В том числе он проявляет и определенное эмоциональное отношение к окружающему миру. Учащийся реагирует на обращение к нему учителя в зависимости от конкретной «динамической ситуации»², которая проявляется в том, что он находится за целенаправленной работой, данной учителем во время занятия (т. е. в зависимости от условий, мест и времен, в которых это воздействие осуществляется). В первом случае критерий выбора, конечно, мало что дал социометристу, ибо мотивировки каждого учащегося были совершенно различны: одни стремились к повышению успеваемости в результате совместной работы, других привлекли внешние качества товарищей и т. д. Во втором случае, после беседы с учителем-социометристом, учащиеся поняли, что нужно выбирать тех друзей, к которым чувствуешь влечение, испытываешь симпатию, т. е. выбирать друзей в определенном эмоциональном аспекте. Так они и поступили. Проверочный критерий дал соответствующие результаты.

Первый вывод учителя-социометриста совершенно неверен, потому что в дискуссии перед проверочным критерием он сам сделал упор не на желательность повышения продуктивности работы, а на желание с кем-то работать, независимо от результатов. Второй вывод правилен, но ставить это в заслугу неведомому «теле» нет основания, т. к. взаимоотношения детей в коллективе не исчерпываются только эмоциями (конечно, у детей они играют большую роль в жизни, чем у взрослых), они гораздо сложнее. На этом небольшом примере видно, что социометристам удается добиваться определенных положительных результатов,

¹ Нахум Е. Шубс. Социометрические тесты в классе. Социометрия, 1946, № 2—3 (на англ. языке).

² С. Л. Рубинштейн. Вопросы психологической теории, «Вопросы психологии», 1955, № 1, стр. 17.

но достигается это отнюдь не познанием «теле», а причинами, вполне объяснимыми материалистически¹.

Не все экспериментаторы социометристы используют спекулятивные теории Морено и прежде всего теорию «теле-процесса»². Они проводят эмпирические опыты, используя социометрическую методику, суть которой заключается в сравнении видимых пространственных взаимоотношений в группе (т. н. макроструктуры) с невидимыми, внутренними, психологическими взаимоотношениями в группе (т. н. микроструктурой), приводят их в соответствие друг другу и тем самым создают благоприятную моральную атмосферу в коллективе, что влечет за собой и некоторое повышение производительности труда. Использование социометрической техники, количественных обобщений, социограмм и т. д. позволяет исследователю в определенной мере делать теоретические и практические выводы.

Глубокого качественного анализа результатов исследования американские социометристы не проводят. Анализ возможностей социометрической техники выходит далеко за рамки данной статьи.

В заключение следует сказать, что разрешение противоречий в группе в психологическом плане в капиталистическом обществе, несмотря на самую совершенную технику исследования, возможно лишь временно, так как при этом не затрагиваются глубокие социальные противоречия, присущие капиталистической системе, которые в конечном итоге определяют характер отношений в группе. Решение социальных вопросов следует искать не в психологии людей, что делает Морено, а в их экономическом положении, в объективной логике классовых отношений.

¹ См., например, работу Я. Л. Коломинского «Некоторые экспериментальные данные для критики социометрии», Сб. «Проблемы общественной психологии», М., 1965.

² Например, в работах М. Е. Боннея «Популярные и непопулярные дети», Социометрические монографии, Бикон, 1947, № 9 и Р. Поташина «Социометрическое исследование дружбы детей», Социометрические монографии, Бикон, 1947, № 11. (на англ. языке).

КОММУНИЗМ И СВОБОДА ЛИЧНОСТИ

В последнее время значительно повысился интерес к философским проблемам свободы личности. Эти вопросы рассматриваются на теоретических конференциях и в журнальной литературе. На наш взгляд, это не случайно. Социалистическое общество с необходимостью выдвигает задачу формирования нового человека, умеющего жить, учиться и работать по-коммунистически, знающего природу и осознающего свою общественную среду, в которой он живет, развивается и действует.

В имеющейся по данному вопросу философской литературе недостаточно освещен вопрос о свободе личности человека труда в условиях развитого социалистического общества. Еще не глубоко раскрыто следующее положение из «Философских тетрадей» В. И. Ленина: «Свобода = субъективность» (или) цель, сознание, стремление¹. Свобода является понятием о качествах субъективных, т. е. о целесообразных действиях человека.

Антикоммунисты уверяют, что коммунизм пренебрегает личностью, не признает за ней никакой ценности. Они заявляют, что марксизм рассматривает человека как винтик, безликий элемент математического уравнения, что в марксистской философии нет проблемы личности и ее свободы.

По словам буржуазного социолога Олдоса Хаксли: «цель коммунизма — лишить индивида всех прав, малейших признаков личной свободы, включая свободу мысли, права обладать душой и превратить его в составную часть великого коллективного человека»². «Ленинизм и свобода взаимно исключают друг друга», — пишет другой реакционный идеолог Ганс Кон.

Однако уже первое добросовестное знакомство с научным коммунизмом показывает, что работы К. Маркса и Ф. Энгельса, научное творчество В. И. Ленина и его учеников, практическая деятельность и борьба коммунистов на протяжении всей истории революционного движения рабочего класса за свое освобождение пронизаны величайшей идеей гуманизма, глубокой заботой о человеческой личности, ее сознательности и свободы.

Классики марксизма уже в ранних произведениях («Экономическо-философские» рукописи 1844 года, «Святое семейство», «Немецкая идеология» и др.) довольно сильно подчеркивают, что свободное развитие индивидуума должно стать великой целью коммунистического общества, которое производит «...богатого и всестороннего, глубокого во всех его чувствах и восприятиях человека»³.

В приложении к «Принципам коммунизма» Ф. Энгельса, написан-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 38, изд. 4, стр. 154.

² Цит. по книге Джона Льюиса «Социализм и личность», М., 1963, стр. 16.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс из ранних произведений. Госполитиздат, М., 1956, стр. 594.

ном в 1947 году и в том же году опубликованном, имеется следующее интересное высказывание: «Мы не такие коммунисты, которые хотят уничтожить личную свободу и хотят превратить мир в большую казарму или в большой рабочий дом... Мы убеждены..., что личной свободы не может быть ни в одном обществе больше, чем в том обществе, которое основывается на всеобщем содружестве (gemeinschaft)»¹.

Марксизм-ленинизм, рассматривая свободу в ее диалектическом единстве с необходимостью, под свободой личности понимает освобождение ее от социального, политического, национального и духовного гнета, свободу удовлетворения ее материальных и духовных потребностей, свободу применения творческих сил в целенаправленной трудовой и общественной деятельности, всестороннее развитие деловых и нравственных качеств человека труда.

• Абстрактной и абсолютной свободы нет. Свобода всегда конкретна. Свобода человека — не продукт «тонкого индивидуального сознания», оторванного от жизни, а результат взаимодействия индивидов в их трудовой социально-политической и семейной жизни, взаимосвязи личного и общественного. Это свобода кого-то от чего-то и для чего-то. Свобода возможна только при наличии своей противоположности — необходимости. Она представляет собой познанную необходимость и связана с сознательной деятельностью людей.

Свобода — это реальная власть человека над природой и самим собой, основанная на познании объективных законов единого материального мира и состоящая в сознательном использовании их в творческой деятельности социалистического коллектива и отдельной личности. Это понятие охватывает все виды сознательной трудовой и общественной деятельности, все формы отражения действительности, закрепленные в психологических, идеологических, научных, деловых, культурных, моральных и эстетических ценностях личности.

Образно говоря, свободу измеряют не по часам и не по календарю, вообще ее трудно измерить; приобретается же она в практической деятельности по революционному преобразованию мира на коммунистических принципах. В наши дни сознанием и свободой насыщается прогрессивная деятельность каждой личности, единичного представителя трудящихся масс, она бурлива и прекрасна.

Человек не рождается свободной личностью, как полагал Жан Жак Руссо, а становится ею в процессе общественного и индивидуального развития. Личность, живущая в исторически конкретном обществе, связана с определенным классом, социальной группой, нацией, государством, семьей и по своей сущности, идейной направленности, деловым качествам и моральному облику является выражением качественно определенных социальных отношений.

Освобождение личности, формирование ее в духе коммунистической сознательности связано с общественным бытием, с преобразованием всей совокупности общественных отношений на коммунистических принципах. Необходимо иметь в виду, что достижение свободы человеком представляет собой не единовременный акт, а сложный и противоречивый процесс, в результате которого каждый представитель массы народа вырабатывает творческие черты коммунистического характера.

личная свобода связана со всей совокупностью социальных свобод. Не может быть личной свободы там, где производительные силы, общественные отношения господствуют над людьми как внешние и чуждые им силы. В условиях эксплуататорского общества человек остается во власти слепой необходимости, он не свободен. Капитализм предполагает свободу одних за счет экономического, социального, полити-

ческого и духовного угнетения других, по принципу — кто кого одолел, тот того и съел. Здесь нет объективных условий для развития сознания трудящегося человека.

Естественно, что на протяжении всей истории наблюдался процесс возрастания общественной свободы. Народные массы из века в век увеличивают инициативу, сознательность и активность в деятельности по отношению к силам природы и по отношению к порабощающим их социальным силам. Но истинное освобождение личности труженика, его окончательное «раскрепощение» стало возможным только в ходе революционных социалистических преобразований. Личная свобода труженика связана со всей совокупностью социальных свобод и в полной мере возможна только при социализме, гарантирующем широкие демократические права и свободы человека труда.

Социалистическое общество дает возможность быть сознательным, активным и свободным каждому человеку, но это лишь возможность, так как внешние благоприятные условия необходимо в процессе сознательной деятельности освоить самой личностью, превратить их в личное достояние.

Свободной личностью становится тогда, когда она овладевает всеми богатствами, которые выработало человечество, причем она свободна в той мере, в какой обогащается ценностями материальной и духовной культуры общества, умением использовать их во имя человека труда. Свобода личности достигается на основе всестороннего развития индивидов в их сознательной производственной и общественной деятельности. Свобода личности — это исторический продукт, который проявляется на определенной ступени общественного развития, она — функция общественной свободы, но такая функция, которая связана с сознательной деятельностью индивида коммунистического общества, в ходе которой он всесторонне обогащает себя и реализует свою свободу совместно со всеми другими членами общества. На протяжении всей истории личная свобода все время возрастает, но только в условиях бесклассового коммунистического общества человек становится в полной мере свободной личностью. Проблема свободы личности — это проблема ее практического осуществления в ходе коммунистического строительства.

Такое понимание свободы личности снимает автоматизм в осуществлении общественной свободы, ибо ее завоевывают конкретные индивиды в их совместной сознательной трудовой и общественной деятельности. Здесь действительность осознанна, а деятельность свободна, последняя принимает характер свободной и сознательной самодеятельности.

В истории борьбы человечества за свободу период строительства коммунизма — важный этап. В ходе этого строительства идет процесс развития колхозной и общественной собственности, постепенно ликвидируются классовые различия, возникают бесклассовые социальные отношения, исчезают следы старого разделения труда, соединяются физический и умственный труд, постепенно устраняется неквалифицированный труд, следы фактического неравенства женщины, повышается производительность труда и материальный уровень жизни народа. Тем самым создаются равные возможности для каждого человека в труде и распределении, в образовании и управлении общественными делами.

В зрелом коммунистическом обществе свобода личности поднимается на качественно новую основу. Понятие «свобода личности» утрачивает классовое содержание, при коммунизме полностью отпадают все следы классового деления общества. Отдельный человек выступает теперь как свободная индивидуальность, ибо, рождаясь, находит себя в свободном обществе, которое заранее определяет благоприятные общие условия его личной жизни. Общественное равенство устраняет прегра-

ды для формирования коммунистической сознательности и утверждения индивидуальности каждого члена общества. Но этим не ликвидируются различия между способностями отдельных людей, не равенство физических и духовных способностей, а, наоборот, в условиях строительства коммунизма индивидуальные черты и психологические особенности личности получают многообразное развитие.

Перед вступающим в жизнь строителем коммунизма стоит объективный мир социализма, созданный трудовой деятельностью отцов и дедов. Для того, чтобы ему этот окружающий мир открылся, он должен освоить его в активной разносторонней трудовой и общественной деятельности. Эта целенаправленная деятельность индивида является непосредственным выражением свободы личности. Сливая свою практическую и теоретическую деятельность с творчеством всего народа, руководствуясь в своих поступках научным коммунистическим сознанием, понимая жизненные противоречия и трудности, формируя в себе черты коммунистического отношения к труду, общественной и личной жизни, человек обретает свободу своих действий, чувств и поступков. Вводя общественно-историческую практику в решение проблемы формирования коммунистической сознательности личности труженика, тем самым можно научно поставить и решить проблему сознательности и свободы личности с учетом их объективных и субъективных сторон.

Первооснову всех положительных черт свободной личности составляет труд, который дает содержание жизни человеку. Труд — это не просто физический процесс воздействия человека на природу для получения продуктов и поддержания физического состояния, но и средство воспитания сознательного коллектива людей, осуществления свободы личности. Всем, что есть в человеке своеобразного, особенного, качественно отличного от животного, он обязан труду. В практической деятельности формируется физический облик человека, проявляются и развиваются его способности, вкусы, воля, нравственные и эстетические качества. Преобразуя природу, развивая в труде, общественной деятельности и учении свои силы, человек образует свою сущность, становится субъектом и утверждает себя как личность. Трудовая деятельность является важнейшим признаком свободной коммунистической личности. В степени творческого и сознательного участия личности в труде на благо коммунизма выражается мера ее свободы.

Сторонники идеализма утверждают, что свобода и труд несовместимы. Свобода, по их мнению, не связана с трудовой деятельностью и может быть только духовной, но не материальной. Они не могут понять, что труд и свобода — две стороны общественной сущности человека, что нет иного вида деятельности, в котором необходимость и свобода находились бы в таком тесном и неразрывном единстве, как в труде.

Но подневольный труд, классовый антагонизм разрывал это единство, поскольку работник производил продукты не только для своей жизни, но и для накопления богатства собственника средств производства: рабовладельца, феодала, капиталиста. Отчужденный труд при капитализме превращает трудящегося человека в придаток машины, порождая тенденцию к разрушению личности. Чувства отчужденности, одиночества и душевного разлада коренятся в общественной структуре капитализма, в его неспособности дать людям радость творческого труда, обеспечить свободное и разностороннее развитие личности. Для капитализма человек труда со всеми его материальными, духовными способностями и запросами — всего лишь агент производства, средство для извлечения прибыли.

При социализме труд человека утрачивает частный характер, трудовая деятельность каждого человека служит выполнению части на-

роднохозяйственного плана и приобретает непосредственно общественный характер. Человек теперь трудится на себя и на свое общество. Новый социальный характер труда выступает решающим фактором формирования свободного человека. Через коммунистический труд реализуется свобода личности. Здесь человек проявляет и осознает свою индивидуальность, реализует свои способности.

В движении за коммунистический труд выявляются характерные черты работника нового типа, который всемерно стремится к повышению производительности труда и не только личного, но и всего коллектива, к улучшению общих результатов работы каждого члена бригады, цеха, лаборатории, завода. Коммунистический труд — это осознанный труд на себя и на общество, способ развития своей человеческой сущности, основа свободы личности во всех других сферах жизнедеятельности.

Научный коммунизм соединил идею освобождения человека в труде с перспективой безграничного прогресса техники. Машинная техника и энергетика, материалы, находящиеся в распоряжении социалистического общества, становятся решающими средствами облегчения труда, изменения его характера и содержания, освобождения человека от тяжелых, вредных и непроизводительных работ, и утомительных, однообразных, нетворческих операций умственного труда. Новые автоматические машины, энергетика и искусственные материалы обеспечивают благоприятный режим работы, освобождают мускулы, зрение, слух, нервную систему от перенапряжения, освобождают человека для более интенсивного и сознательного творчества, которому он может отдать все свои силы и способности.

С завершением автоматизации и комплексной механизации в масштабе всей страны каждый работающий в сфере материального производства будет сочетать в своей деятельности умственный труд с физическим. Вместе с тем необходимость в труде сохраняется. Техника коммунизма освобождает человека не от трудовой деятельности, а от того, что мешает быть творческой деятельностью.

Не техника без человека, а сам человек, вооруженный техникой и наукой, в процессе производства материальных благ изменяет характер труда, обогащает его социальное содержание и превращает труд в сознательное творчество, в высшую форму необходимости и свободы.

Коммунистический труд, техника и наука дают человеку не только могучие средства познания и покорения природы, но и ключ к осознанию своей деятельности, самовоспитанию себя как личности на основах справедливости, равноправия и свободы.

Вместе с тем, личность находится не только в сфере трудовых и вообще материальных, но и в сфере сложных идеологических и психологических человеческих отношений, которые формируют ее, определяют отношение к различным сторонам общественной жизни, воспитывают волю, придают цельность характеру.

Всякой личности присущ свой духовный облик, который формируется в результате воздействия многих факторов: вида трудовой деятельности, коммунистической идеологии и новой общественной психологии, обучения, воспитания, влияния коллектива, семьи, самовоспитания. В процессе коммунистического строительства, в практической и теоретической деятельности масс каждый член общества овладевает научным мировоззрением, вовлекается в духовное творчество. Идет изменение сознания и психологии чувств индивида, процесс накопления духовных богатств личности, ее духовное вызревание. Характерная черта эпохи социализма — расцвет интеллекта человека труда. Это предполагает достижение каждым человеком высокого уровня современной культуры, полное освобождение от пережитков мещанско-индивидуали-

стического сознания, от ненаучных антиобщественных взглядов и представлений, от вредных капиталистических привычек.

Коммунистическая убежденность, единство действий, поступков и взглядов, способность соизмерять свои поступки с интересами народа составляют внутреннюю сущность, духовное богатство свободной личности. Но идейное и духовное богатство личности не сводится к одному лишь накоплению знаний, выработке убеждений, производственных, культурных, этических навыков и эстетических идеалов, она включает в себя способности и умение человека отдавать накопленные знания, производственные навыки и передовые общественные идеалы людям.

Существенным социологическим признаком становящейся свободной личности коммунистического общества является многосторонность и гармоничность ее развития. Всестороннее и гармоническое развитие личности — объективная необходимость, вытекающая из потребностей развития общества: материального производства, социалистических общественных отношений, социалистической культуры, семьи. Построение коммунистического общества требует от гражданина таких деловых качеств, которые прямо не относятся к профессиональной подготовке, а связаны с выполнением ряда важных общественных и государственных функций. Жизнь требует, чтобы в труженике органически соединились коммунистическая идейность с общественной деятельностью, инициативой и самодеятельностью. Создаваемый всем укладом новой жизни коллективизм во всех сферах жизнедеятельности не может осуществляться без равноправного отношения между людьми, высокой сознательности, ответственности, знаний и способностей отдельных членов большого коллектива, каким является коммунистическое общество. Коммунизм в своей жизнедеятельности опирается на сознательность членов, авторитет органов общественного самоуправления и на силу общественного мнения. Вовлечение трудящихся в общественное самоуправление способствует глубокому пониманию индивидом целей и задач общественного развития, осознанию социальных последствий своей повседневной общественной деятельности.

В практике коммунистического строительства большое значение приобретает отношение личности к общенародному государству, ибо общественное самоуправление предполагает подготовленного человека, способного участвовать в решении государственных дел. У нас нет враждебного отношения к государству, но еще не все труженики прониклись глубоким осознанием государственного долга, т. е. не все свято соблюдают государственный интерес, не все относятся к общественным делам как к своим личным. Из-за отставания сознания от общественного бытия, в виду столкновения различных сил и тенденций в развитии социалистического общества, и по причине консервативной традиции антиобщественной идеологии и психологии у части людей, имеет место некоторая отчужденность к общественным делам. Преодоление старого отношения к государству, тысячелетиями формировавшегося в сознании и быту людей, дается очень трудно и требует упорной и систематической идейно-воспитательной работы. Формирование коммунистического отношения к государственным делам идет через борьбу с отживающим в сознании, что «происходит в процессе активного участия в строительстве коммунизма, развития коммунистических начал в экономической и общественной жизни под воздействием всей системы воспитательной работы партии, государства и общественных организаций»¹.

Всестороннее развитие личности, на наш взгляд, следует понимать широко, как развитие всех сторон способностей и дарования личности во всех сферах общественной жизни: трудовой, культурной, семейной, в

управлении государством и производством. Гармоничность процесса развития личности означает, что развитие одних черт, способностей и качеств происходит в согласии с развитием других, когда образование новых потребностей сочетается с всесторонним развитием способностей, когда физическое развитие сочетается с умственным, нравственное с эстетическим.

Только всестороннее и гармоническое развитие личности приносит желаемые для общества плоды, приводит к выявлению творческих сил человека, яркому и полному проявлению личной активности строителя коммунизма.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Шорохова Е. В. Проблема сознания как комплексная проблема современной науки.	3
Пернацкий В. И. О материальной основе отражательной функции сознания	14
Волков П. П., Короленко Ц. П. О соотношении психического и физиологического в отражательной деятельности мозга животных	21
Гуваков В. И. Некоторые вопросы соотношения теории и эксперимента в физиологии высшей нервной деятельности	27
Борисов В. Н. Взаимосвязь отражения и деятельности в процессе познания	32
Хохлов Н. А. Некоторые особенности соотношения труда и познания	42
Сычева Л. С. О роли знаковых средств в теоретическом познании	46
Мишуриц Н. Г. О специфике знака в художественном мышлении	52
Кочергин А. Н. Некоторые вопросы моделирования мышления человек	56
Рывкина Р. В. О методическом эксперименте в социологии	66
Барулин В. С. Анализ роли сознания в обществе и его значение для материалистического понимания общественной жизни	70
Матвеевков И. И. К вопросу о творческом характере человеческого сознания	75
Садыков Ф. Б. О роли субъективного фактора в развитии общества	83
Панюков В. С. К вопросу о роли субъективного фактора	94
Ханипов А. Т. Категория интереса в историческом материализме	100
Янгутов П. С. Об осознании личностью сущности общественных интересов	106
Смольков В. Г. Социалистический труд и развитие общественной психологии.	111
Троицкий В. С. К вопросу о формировании сознания в процессе трудовой деятельности	117
Духанин В. Н. Материальная заинтересованность и формирование коммунистического отношения к труду	122
Процкая Д. Г. К вопросу о пережитках прошлого в отношении к труду	126
Филатов Н. А. О некоторых закономерностях формирования сознательной дисциплины труда	131
Ореховский А. И. Некоторые аспекты развития чувства моральной ответственности в трудовом коллективе	136
Итэсь Г. В. Технический прогресс и развитие общественного сознания	140
Карих Ф. З. «Национальный характер» как часть общественного сознания	146
Костенко Н. А. К вопросу о сущности религиозного сознания	153
Санаев А. В. О преодолении религиозной психологии верующих	158
Кондакова Е. И. К вопросу о роли эмоции в сознании верующих	162
Синицкий А. Н. К вопросу о взаимосвязи науки и искусства	167
Конева Л. А., Конев В. А. Об эстетическом предмете и эстетической деятельности.	173
Федоров М. Г. О соотношении материального и идеального в философии истории В. Г. Белинского	177
Кондаков А. А. Критический анализ некоторых положений социометрии	184
Яновский Р. Г. Коммунизм и свобода личности	188

ПРИРОДА СОЗНАНИЯ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЕГО РАЗВИТИЯ

Материалы симпозиума

Ответственный за выпуск
БОРИСОВ В. Н.

Обложка художника **А. Н. Тобух**. Технический редактор **В. М. Лисина**

Сдано в набор 5 марта 1966 г. Подписано к печати 18 ноября 1966 г.
МН 04382 Формат 70X108/16=6,12 бум. л., 17,15 печ. л., 17,76 изд. л. Тираж 900 экз. Цена 1 р. 30 к.

Типография № 3, р. п. Коченево, ул. Октябрьская, 17. № 556.